Генри Киссинджер

Понять Путина

Введение

Возникшая в последние десятилетия особая глобальная элита — суперкласс, насчитывающий примерно шесть тысяч человек и состоящий из первых лиц крупнейших государств, руководителей наиболее преуспевающих международных корпораций, общественных и религиозных лидеров, — вершит судьбами мира. Эти представители глобальной элиты собираются на всемирных экономических форумах в Давосе и встречах Бильдербергской группы, т. е. они и образуют тайное правительство Запада, стремясь стать теневым мировым правительством.

«Каждый из членов этого суперкласса, — отмечает Д. Роткопф, — имеет возможность систематически оказывать воздействие на жизнь миллионов людей во множестве стран мира. Каждый из них активно пользуется своей властью и нередко укрепляет ее за счет налаживания отношений с другими членами суперкласса. В целом эпоха наследственной прижизненной власти осталась в прошлом, и, следовательно, сегодня исключительное положение большинства сверхвлиятельных людей недолговечно: по-настоящему отнести человека к суперклассу можно тогда, когда он продержался наверху как минимум достаточно долго, чтобы оставить след, то есть занять место в среде других членов суперкласса или как-то повлиять на нее, — примерно от двух до пяти лет».

Одним из долгожителей (несколько десятков лет) этих «сверхвлиятельных людей» является стратегический аналитик, дипломат и политик Г. Киссинджер, который является членом Бильдерберского клуба, Комитета-300, Совета по международной политике (Council on Foreign Relations — CFR) и других влиятельных международных организаций, являющихся, согласно мнению конспирологов, структурами мирового тайного правительства.

Нынешняя администрация Белого дома косвенно, а порой и напрямую пользуется как оперативными, так и долговременными рекомендациями Киссинджера. А когда Г. Киссинджер выпустил книгу «Нужна ли Америке внешняя политика?», он заехал в Москву, к В. Путину. Относительно взаимоотношений Г. Киссинджера и В. Путина отечественный разведчик-аналитик И. Н. Панарин выдвигает следующее гипотетическое предположение: «А теперь я выскажу еще одну авторскую гипотезу, касающуюся вопросов обеспечения преемственности власти в России в конце XX века. Можно предположить, что именно Г. Киссинджер сыграл определенную роль, возможно, даже ключевую, в выдвижении В. Путина на роль лидера России. Неслучайно же сам В. В. Путин в своей первой книге 2000 года детально описывает процесс их знакомства, когда он был еще питерским чиновником…».

Российские массмедиа также подчеркивают значимую роль Киссинджера в современной политике. А. Пушков, ведущий на ТВЦ программы «Постскриптум», подчеркивает: «Генри Киссинджер, патриарх американской дипломатии… каждый год приезжает, встречается с Путиным…».

Кто же такой Генри Киссинджер? Взлет его карьеры начался при президенте Р. Никсоне, когда он был назначен и помощником президента по национальной безопасности, и государственным секретарем. До прихода в аппарат Белого дома Г. Киссинджер занимался научными исследованиями в Гарвардском центре международных отношений, временно размещавшемся в помещении Гарвардского семитского музея (не следует забывать, что Гарвардский университет является одним из мощных аналитических центров Америки). Наряду с этим он находился на службе у Нельсона Рокфеллера, самого серьезного соперника Р. Никсона на президентских выборах (к тому же он в 1964 году женился на помощнице Н. Рокфеллера).

Перед Второй мировой войной Г. Киссинджер в составе своей еврейской семьи прибыл в Америку, во время Второй мировой войны служил переводчиком в УСС (Управлении Стратегических Сил), потом поступил в Гарвардский университет, после окончания которого стал заниматься аналитическими исследованиями в основанном Рокфеллером и Морганом Совете по международным отношениям и читать лекции в Гарвардском университете. Затем волею причудливого и неожиданного стечения обстоятельств, уотергейтского скандала и рухнувшего авторитета президентской власти Г. Киссинджер предстал воплощением легитимности правительства Америки: общественный имидж Киссинджера вырос до колоссальных размеров и заполнил вакуум власти, образованный дискредитировавшим себя высшим лицом исполнительной власти. Он стал — для Вашингтона, средств массовой информации, мирового капитала — необходимой политической фигурой, которая олицетворяла авторитет и преемственность в период, когда доверие Америки подвергалось жестоким испытаниям.

Мощный потенциал стратегического аналитика Г. Киссинджера был замечен правящей элитой Америки, поэтому не случайно, что пришедший к власти президент Р. Никсон назначил его на пост помощника по национальной безопасности (1969–1975). Этот пост играет ключевую роль в администрации при подготовке различных вариантов внешнеполитических решений, предлагаемых на выбор президенту. Возможность подбирать варианты решений позволяет частично влиять на их выбор, поскольку именно помощник президента осуществляет предварительный отбор, определяя сам, какие варианты стоит предлагать, а какие — нет. Это был самый плодотворный период деятельности Киссинджера во внешней политике Америки. Его дипломатия совмещала в себе невиданную ранее интенсивность международных встреч — как публичных, между главами государств и внешнеполитических ведомств, так и секретных, в виде закулисных переговоров. По некоторым подсчетам, только за период 1969–1972 он совершил 29 поездок в 26 стран мира. Такое урегулирование проблем путем интенсивных двусторонних переговоров получило название «челночная дипломатия». Его прагматичный подход к международным отношениям в духе Realpolitik («реальной политики»), избавленной от излишней идеологизированности, позволил ему достичь разрядки в отношениях США и Запада в целом с Советским Союзом. В 1971 было подписано Четырехстороннее соглашение по Западному Берлину, а в 1972 — Соглашение об ограничении стратегических наступательных вооружений (ОСВ-1).

Более того, президент Р. Никсон назначил Г. Киссинджера также и на пост государственного секретаря (1973–1977).

Практически это единственный случай, когда произошло совмещение таких двух важнейших постов американской администрации в лице одного человека — дипломата и политика Г. Киссинджера. В данном случае имеет значение тот факт, что Г. Киссинджер является доверенным лицом семейства Рокфеллеров, которое прекрасно знает механизмы функционирования их транснациональной империи и которое представляет собою «Макиавелли № 2», «мастера по закулисным переговорам» в современной дипломатии.

Это знание пригодилось ему как государственному секретарю, определявшему внешнеполитическую деятельность Америки во времена президента Р. Никсона, и как советнику президента Америки по национальной безопасности (оба они — члены СМО). В этом плане заслуживает внимания замечание А. Ситнина, заместителя начальника Управления внешней политики Администрации президента России в 2002–2005 годах, который пишет: «Следует сказать, что мы не совсем правильно понимаем себе организацию работы внешнеполитических ведомств Соединенных Штатов Америки. Они устроены по принципу бизнес-корпорации, аналогичной «Кока-кола» или «Дженерал моторе». То есть люди, которые там работают, они воспринимают это как обычный бизнес-проект по продвижению в данном случае товара особого рода, на то, что называется «emerging markets». Это огромный бизнес. Он состоит, наверное, общая оценка его исчисляется в десятках миллиардов долларов. В основном, естественно, связанные, обслуживаемые бюджетом США. И на него работают, я думаю, сотни тысяч человек по всему земному шару. Остановить этот бизнес в одночасье так же невозможно, как и невозможно остановить работу крупной корпорации.

Говорить, что они к нам относятся хорошо или плохо, совершенно бессмысленно. Они относятся к нам так же, как «Кока-Кола» относится к «Пепси-Коле». Она с ней борется, но сказать, что сотрудники «Кока-Колы» любят или не любят «Пепси-Колу», — это абсурд. Скорей всего, они и сами, может быть, и не пьют ни того, ни другого». Другими словами, лидеры Америки и России могут сколько угодно симпатизировать друг другу, однако это ничего не изменит в функционировании громадной бизнес-машины. Все дело заключается в том, что люди получают очень серьезные деньги, поэтому остановить эту машину способен только какой-нибудь глобальный катаклизм. «Вот это, на мой взгляд, момент, который в значительной степени недопонимается. Мы имеем дело не с какой-то такой централизованной системой, с которой можно о чем-то договариваться, а имеем дело с такой своеобразной матрицей, которая работает, в общем-то, вне зависимости от того, какой уровень существует между первыми лицами».

Вся эта огромная машина распределяет значительные финансовые средства в виде грантов, денежных премий и других форм поощрения среди населения той или иной страны, формируя тем самым колоссальную и самодвижущуюся агентуру влияния. «И вот после крушения Союза выяснилось, что вся эта машина рассматривает полем своей деятельности уже не только окраины империи, но и собственно саму Россию». Иными словами, государственный департамент Америки — это мощная машина, оказывающая немалое влияние на мировую политику, эффективность которой определяется ее децентрализованным характером.

Следует также иметь в виду то существенное обстоятельство, что государственный департамент Америки выстроен по образцу секретного общества, чтобы осуществлять тайное управление мировыми процессами. Ведь именно при президенте В. Вильсоне полковник Э. Хауз (1858–1938) создал по образцу английской секретной службы МИ-6 разведку госдепартамента США. Более того, им в 1916 году был организован внутри внешнеполитической разведки государственного департамента Америки специальный секретный Аналитический центр, который находился в оперативном подчинении МИ-6 и финансировался из секретных фондов Банка Англии. «Аналитический Центр идеологически подчинялся лондонскому обществу «Круглый стол», а следовательно, глобалистам. Этот Центр, помимо аналитической деятельности, занимался организацией финансирования Троцкого-Бронштейна, развивавшего идею мировой революции.

Именно этот Центр стал разрабатывать идеологию глобализма, которая встретила осуждение и сопротивление со стороны большой части американского истеблишмента. По сути, именно тогда и началось условное разделение американской элиты на две группы: глобалистов (интернационалистов, троцкистов) и государственников (изоляционистов, сталинистов, националистов). Именно Аналитический центр Э. Хауза стал основой для формирования Совета по международным отношениям, который был учрежден американским банкиром Морганом в 1921 году при активнейшей поддержке госсекретаря США Э. Рут, семьи Рокфеллеров, финансовых домов Мэлона, Форда и Карнеги».

Роль и значение Г. Киссинджера в мировой политике наглядно проявились в 1973 году, когда началась арабо-израильская война и нефтяной кризис. Поскольку Америка поддерживала Израиль, постольку ее задачей номер один было скорейшее заключение перемирия, согласно которому воюющие стороны отойдут на свои предвоенные позиции, а затем последуют усиленные поиски разрешения конфликта дипломатическим путем. Однако у Израиля в силу внезапности нападения быстро закончились боевые припасы, поэтому Америка решила обеспечить его некоторыми видами вооружения. Ситуация осложнилась тем, что в начале октября 1973 года Советский Союз стал осуществлять массированные военные поставки сначала в Сирию, силы которой начали отступать, а затем в Египет и одновременно с этим привел в состояние боевой готовности военно-десантные войска, призывая другие арабские страны вступить в войну.

«В этот же день Соединенные Штаты приступили к переговорам о возможности полетов большего числа самолетов EIAI без опознавательных знаков для доставки дополнительных военных грузов в Израиль. Одновременно госдепартамент стал оказывать нажим на американских коммерческих перевозчиков, побуждая их начать чартерные перевозки военного снаряжения в Израиль. Киссинджер считал, что такое решение вопроса будет свидетельствовать об относительно сдержанной позиции США и поможет избежать отождествления Соединенных Штатов с Израилем. «Мы понимали, что необходимо беречь чувство собственного достоинства арабов», — позднее говорил Киссинджер. Но вскоре стали очевидны огромные масштабы советских военных поставок, и в четверг 11 октября американцам уже было ясно, что без военной помощи Израиль проиграет войну.

Согласно формулировке Киссинджера и в еще большей степени Никсона, Соединенные Штаты не могли допустить, чтобы их союзник был побежден с помощью советского оружия. Более того, кто мог представить себе последствия сражения до последней капли крови?».

Вместе с тем на арабо-израильскую войну наложилось объявление делегацией ОПЕК в Вене 100-процентное увеличение цены на нефть, что могло вызвать в случае расширения военных поставок вооружения Америкой Израилю возмездие в виде «эффекта снежного кома». Иными словами речь шла об использовании нефти в качестве оружия, причем оружия весьма сильного в мире, где нефть является фундаментом существования сообщества цивилизаций.

Опасаясь нефтяного эмбарго, Америка предприняла энергичные меры параллельно совещанию министров нефти арабских стран в Эль-Кувейте, когда сначала Киссинджер, а затем Никсон вместе с Киссинджером приняли четырех арабских министров во главе с саудовцем Омаром Саккафом, которого Киссинджер характеризовал как человека «спокойного и мудрого». «Встреча проходила в обстановке сердечности и, казалось, между ее участниками вырисовываются некоторые общие точки зрения. Никсон обещал прикладывать все силы к заключению перемирия, что позволит «вести работу в рамках резолюции 242», то есть той резолюции Организации Объединенных Наций, в соответствии с которой Израиль должен вернуться на исходные границы 1967 года. Государственный министр Саудовской Аравии, казалось, подтверждал, что Израиль имеет право на существование, пока будет находиться в границах 1967 года. Киссинджер пояснял, что возобновление американских поставок Израилю не следует воспринимать как действие, направленное против арабов, что это скорее вопрос отношений «между США и СССР»: Соединенные Штаты были вынуждены прореагировать на русские поставки вооружений. Положение, ранее существовавшее в регионе, добавил он, неприемлемо, и, когда война закончится, Соединенные Штаты возьмут на себя активную дипломатическую роль в достижении позитивного мирного урегулирования».

В итоге президент Р. Никсон пообещал Саккафу помощь Г. Киссинджера как посредника, что должно было являться, по-видимому, безусловной гарантией успеха. Он стремился убедить Саккафа и других министров, что, несмотря на свою национальность, Г. Киссинджер «не был подвержен давлению внутренних, то есть еврейских кругов». Далее Р. Никсон сказал: «Я понимаю, что вас смущает тот факт, что Киссинджер — американец еврейского происхождения. Американец еврейского происхождения может быть хорошим американцем, и Киссинджер — это хороший американец. Он с удовольствием будет работать с вами». Если Г. Киссинджеру было весьма неприятно и он еле сдерживал ярость, то Саккаф выглядел растерянным, ему пришлось ограничиться фразой: «Мы все в какой-то степени семиты».

После встречи Г. Киссинджер сообщил своему аппарату, что на совещании вообще не было никаких упоминаний о нефти, что арабы вряд ли будут использовать нефть в качестве оружия против Соединенных Штатов Америки. Однако это именно и случилось: «В субботу 20 октября в два часа ночи Киссинджер вылетел в Москву для обсуждения условий перемирия. Уже в самолете он узнал еще одну ошеломляющую новость: в ответ на продолжение военной помощи Израилю Саудовская Аравия, перешагнув установленный порог сокращения добычи, прекратила все до последнего барреля поставки нефти в Соединенные Штаты. Другие арабские страны уже поступили так же или готовились к этому. Нефтяное оружие теперь полностью вступило в игру, оружие, по словам Киссинджера, «политического шантажа». В результате существовавший почти тридцать лет послевоенный нефтяной порядок окончательно прекратил свое бытие, причем нефтяное эмбарго вызвало нефтяной кризис в Америке…

Не только введение нефтяного эмбарго потрясло Америку, президентство Р. Никсона было поставлено под сомнение Уотергейтским делом, переросшим в серию скандалов. «Развитие уотергейтской эпопеи во время октябрьской войны, жаркий интерес к ней всей страны, влияние ее на ход войны и введение эмбарго, на умы и чувства американцев — все это сплеталось в одно целое и придавало странную и сюрреалистическую окраску этой центральной драме, разыгрывавшейся на мировой арене». Результатом переплетения целого ряда обстоятельств фактическое руководство американской внешней политикой перешло к Г. Киссинджеру, который был помощником президента по вопросам национальной безопасности и стал только что и государственным секретарем. Ему удалось стать той политической фигурой, которая сумела сохранить авторитет и преемственность власти тогда, когда Америка чуть не лишилась доверия на мировой арене.

Это было время слишком большого числа событий, которые привели в замешательство средства массовой информации, общественное мнение и правительства многих стран, которые имели самые серьезные последствия для положения на Ближнем Востоке и для нефтяного бизнеса. «Эмбарго возвестило эру новых отношений в мире нефти. Как война была явлением слишком важным, чтобы отдавать ее на откуп генералам, так и решение нефтяных проблем, которые приобрели теперь такое колоссальное значение, не следовало предоставлять нефтяной отрасли. Нефть уже стала территорией президентов и премьеров, министров иностранных дел, финансов и энергетики, конгрессменов и парламентариев, регулировщиков и «царей», активистов и ученых мужей и в особенности Генри Киссинджера, который с гордостью заявлял, что до 1973 года мало смыслил в нефти и крайне мало в мировой экономике. Он предпочитал политику и большую стратегию. В первые месяцы введения эмбарго он неоднократно говорил своим помощникам: «Не докладывайте мне о баррелях нефти — для меня это как бутылки кока-колы. Я этого не понимаю!».

Тем не менее, как только в игру вступило нефтяное оружие, этот акробат от дипломатии делал больше, чем кто-либо другой, чтобы этот меч вложили обратно в ножны». Заслуга Г. Киссинджера в том, что дипломатическим путем он сумел «вложить меч — нефтяное оружие — обратно в ножны», предотвратив пожар новой кровопролитной войны.

Следует также отметить, что Г. Киссинджер внес значительный вклад в урегулирование дипломатических отношений между Америкой и Египтом, содействовал подписанию израильско-сирийского соглашения 1974 года.

С этого времени авторитет Г. Киссинджера как стратегического аналитика, политика и дипломата вырос неизмеримо, без него не обходилось и не обходится ни одно важное событие в мировой политике и международных отношениях.

Каким же образом Г. Киссинджер решал задачи, требующие фактически изменения конфигурации международных отношений? В данном случае Г. Киссинджер использовал изобретенную им «челночную дипломатию», которая оказалась гораздо эффективней традиционной дипломатии и которая носит тайный характер. Как-то раз во время интервью журналист попросил Киссинджера пояснить на примере, в чем ее смысл.

«О, это очень просто, — улыбнулся Киссинджер. — Допустим, я прихожу к Рокфеллеру и спрашиваю:

— Послушайте, Рокфеллер, вы хотите заполучить в зятья «крутого» сибирского мужика?

— Что за идея взбрела вам в голову, — недоумевает Рокфеллер. — Зачем мне это?

— А если он клиент швейцарского банка? — настаиваю я.

— Это другое дело, — говорит он.

Дальше — совсем просто. Я иду в банк и спрашиваю:

— Хотите, чтобы вашим клиентом стал «крутой» сибирский мужик?

— Этого еще нам не хватало! — возмущается директор банка.

— Ну а если он зять Рокфеллера? — говорю.

— Это меняет дело, — заинтересовывается директор банка.

Теперь наступает завершающий этап. Я приезжаю к «крутому» сибирскому мужику и предлагаю:

— Хочешь жениться на американке?

Он пожимает плечами:

— Зачем это мне?

Я снабжаю его дополнительной информацией:

— А если она дочь Рокфеллера?..

— Ну, это — совсем другое дело, — соглашается он.

Остается сущая ерунда.

Я посещаю дочь Рокфеллера и спрашиваю ее:

— Хочешь выйти замуж за клиента швейцарского банка?

— Эка невидаль! — отвечает она. — Таких клиентов вокруг — пруд пруди. Выбирай любого…

— Ну а если он «крутой» сибирский мужик?

Выражение ее лица меняется.

— Так бы сразу и сказал!».

Данная социальная технология косвенного управления предполагает тайную политику (и дипломатию), которая будет эффективной и приведет к определенным результатам только тогда, когда тайное управление социальными процессами является последовательным, когда оно длится определенное время и когда оно основано на знании закономерностей управления обществом.

Современный апологет Меттерниха Г. Киссинджер стремится воссоздать миропорядок — новый Священный Союз — на основе консервативных антидемократических ценностей, хотя сам Г. Киссинджер открещивался от прямых аналогий с Меттернихом. В свое время помощник президента Никсона по национальной безопасности Г. Киссинджер стремился не допустить сближения Советского Союза и Китая «за счет перекрещивающихся договоренностей с обеими коммунистическими державами».

В этом плане заслуживает внимания недавний (начало 2012 года) визит в Москву Г. Киссинджера и его встреча с В. Путиным, целью которой, вполне вероятно, было не допустить союза России и Китая. Здесь следует иметь в виду факт публикации в печатном органе ЦК КПК «Женьминьжи-бао» статьи, где России предлагался союз с Китаем против Америки и НАТО. Необходимо учитывать, что Г. Киссинджер — великолепный дипломат, он мастер использовать в переговорах «мягкую» силу,

причем он менее ангажирован, чем З. Бжезинский.

Ведь Г. Киссинджер теперь не тот, кем он был во время проведения информационной войны против Советского Союза вместе с глобалистами типа З. Бжезинского. Сейчас перед нами Г. Киссинджер, «активно содействовавший приходу к власти в России президента В. В. Путина, однозначно ставший на позиции государственников после событий 11 сентября 2001 года».

Именно по инициативе Г. Киссинджера в 2006 году министром обороны Америки стал государственник Р. Гейтс, именно доминировавшие в системе силовых структур его сторонники сумели блокировать попытки начать новую мировую войну. «Но очередная мировая бойня была единственным способом предотвращения финансового кризиса. А в связи с тем, что война не началась, крах банков, контролируемых глобалистами, стал практически неизбежным. За августом 2008 года последовал сентябрь, когда рухнули ключевые банки Уолл-стрит. Начался глобальный кризис».

Иными словами, Г. Киссинджер сыграл немалую роль в предотвращении новой мировой войны, которая окончательно решила бы проблему третьего передела мира. Не следует забывать, что Г. Киссинджер числится в списке бывших и нынешних членов «Комитета-300», представляющего собою, по мнению конспирологов, современную организационную форму мирового правительства. Но независимо от того, является Г. Киссинджер членом мирового правительства или нет, он, несомненно, обладает немалым политическим весом на глобальном уровне, чтобы оказывать влияние на происходящий третий передел мира с позиции государственников Америки.

Выше отмечалось, что благодаря деятельности стратегического аналитика, дипломата и политика Г. Киссинджера на протяжении почти нескольких десятилетий XX века изменилась конфигурация мира. Это изменение конфигурации мира включает в себя доктрину ядерного сдерживания, завершение войны во Вьетнаме, установление дружественных отношений между Америкой и Китаем, достаточно хорошие торговые и культурные отношения Америки с Советским Союзом, однако ядром стратегии информационной войны против Советского Союза является создание условий для появления диссидентского движения, что и привело к распаду нашей страны. «Можно смело утверждать, — пишет И. Панарин, — что у истоков развала СССР вторым после А. Даллеса стоял Г. Киссинджер».

Как считает И. Панарин, со временем Г. Киссинджер изменил свои представления о мире и России, а именно: в результате борьбы внутри американской политической элиты с позиции глобализма, которой до сих пор придерживается З. Бжезинский, он перешел на сторону государственников Америки. Это якобы обусловлено тем, что многие члены «Комитета-300» не в курсе дел относительно истинных тайных замыслов глобалистов (согласно наблюдениям И. Панарина, около одной трети членов «Комитета-300» входят в состав тайного сообщества глобалистов). Об этом говорит и то, что в августе 2008 года часть членов «Комитета-300» положительно отнеслась к вооруженному отпору Россией агрессии Грузии в Южной Осетии.

«В ближайшие годы произойдет раскол внутри «Комитета-300», — утверждает И. Панарин, — и глобалисты останутся в меньшинстве. Этот процесс начался в августе 2008 года. Истинная сущность профессора Мориарти (под ним подразумевается З. Бжезинский. — *Авт.*) становится понятной. Именно по инициативе людей, вставших в августе 2008 года на сторону России, появляется великолепный фильм «Шерлок Холмс — 2010». Его уже посмотрели десятки миллионов людей во всем мире. И неслучайно он появился вслед за кинофильмом «Аватар».

Именно факт потери интеллектуальной власти в «Комитете-300» виртуальным профессором Мориарти (реальный — Збигнев Бжезинский) и станет определяющим при переходе к новой модели развития человечества. Информационные потоки мировой разведки раскроются перед многими членами «Комитета-300» в период с 21.03.2011 по 21.12.2012».

Следует отметить, что данное утверждение И. Панарина выглядит весьма парадоксальным и что оно было подвергнуто сомнению многими аналитиками и экспертами.

Однако И.Панарин продолжает строить свои предположения и утверждает: «Итак, позвольте мне высказать свою собственную гипотезу об эволюции взглядов Г. Киссинджера за 10 лет, с 1991 по 2001 год. Это было первое десятилетие без СССР, в развале которого режиссер-идеолог информационной войны против СССР Г. Киссинджер сыграл ключевую роль. С моей точки зрения, Г. Киссинджер, входящий в состав высшей элиты США, после распада СССР, в котором он сыграл важнейшую роль, несколько изменил свои взгляды. Такие случаи крайне редки в мировой политике, но тем не менее иногда они происходят. С моей точки зрения, ему открылись все негативные моменты глобализма… Конечно же, этот процесс не был одномоментным и занял несколько лет. Примерно с 1995 года начался процесс стратегического расхождения двух ключевых режиссеров-идеологов информационной войны против СССР: З. Бжезинского и Г. Киссинджера.

Сотрудник британской разведки МИ-6 З. Бжезинский, глубоко внедренный в высшую элиту США, является высокопоставленным идеологом глобализма. Его влияние на эту идеологию неоспоримо. Можно даже утверждать, что именно З. Бжезинский является наиболее последовательным интеллектуалом, занимающимся идеологическим обеспечением деятельности глобализма. З. Бжезинский родился на территории Польши, в семье сотрудников британской разведки, давно внедренных в дипломатические структуры Польши, и это не случайно. Как я уже отмечал, именно Польша является государством — «троянским конем», предназначенным для «рассечения» единства Европы и Евразийского пространства. Поэтому исторически глобалисты создали на территории Польши мощные центры, которые искали людей, из которых потом формировали специальные ударные спецотряды для борьбы против Третьего Рима. Этот процесс шел на протяжении последних 600 лет.

Концептуальная разница во взглядах З. Бжезинского и Г. Киссинджера проявилась в 1997–1998 годах, после появления их

авторских трудов: «Великая шахматная доска» и «Дипломатия». Главный идеолог глобализма З. Бжезинский в своей книге «Великая шахматная доска» вновь призывал к необходимости расчленения России на несколько частей.

Несколько иным был взгляд Г. Киссинджера, очень высоко оценившего деятельность генералиссимуса Сталина».

Перед окончанием срока действия администрации Дж. Буша-младшего Г. Киссинджер сделал следующий прогноз относительно будущего развития мирового сообщества цивилизаций. В своем интервью «Три революции» Г. Киссинджер говорит:

«Общенациональные дебаты о национальной безопасности, о необходимости которых говорят уже давно, все никак не начнутся. По сути, вопросы тактики затмили самую важную проблему, с которой столкнется новая администрация США, а именно: как «вычленить» некий новый мировой порядок из трех революций, которые сейчас одновременно происходят на нашей планете: это а) преобразование традиционной государственной системы Европы; б) угроза радикального исламизма, бросающего вызов исторически сложившейся концепции суверенитета; и в) смещение «центра тяжести» международных отношений с Атлантики к Тихому и Индийскому океанам.

По распространенному мнению, корнем разногласий между Европой и Америкой является гипотетическая доктрина однополярности, которой придерживается президент Буш. Но вскоре после смены администрации США станет очевидно, что главное разногласие между двумя сторонами Атлантики состоит в другом: Америка остается традиционным национальным государством, и ее население откликается на призывы чем-то пожертвовать ради национальных интересов, понимаемых намного шире, чем в Европе.

Государства Европы, истощенные двумя мировыми войнами, согласились передать Европейскому союзу важные аспекты своего суверенитета. Однако, как оказалось, узы политической верности, которые ассоциируются с национальным государством, автоматической передаче не поддаются. Европа переживает переходный период: она на полпути между своим прошлым, от которого стремится уйти, и будущим, которого еще не достигла.

В ходе этого процесса подвергся метаморфозе характер европейского государства. Поскольку страны больше не мыслят себя как имеющие индивидуальное будущее, но сплоченность Евросоюза пока не подвергалась испытаниям на прочность, большинство европейских правительств теперь намного менее способно просить свое население чем-то пожертвовать. Государства, дольше всего существующие как преемственные структуры, например Великобритания и Франция, наиболее охотно берут на себя международные обязательства, связанные с применением военной силы.

Все это видно на примере разногласий вокруг использования сил НАТО в Афганистане. После 11 сентября 2001 года Совет НАТО, действуя без каких-либо просьб со стороны ООН, призвал к взаимопомощи на основе 5-й статьи Североатлантического договора. Но когда НАТО приступило к практической реализации обязательств, касающихся военной сферы, многие союзники были вынуждены, подчиняясь ограничениям в законодательстве своих стран, сократить численность воинского контингента и сузить количество миссий, сопряженных с опасностью для жизни. В результате Североатлантический альянс находится в процессе перерождения в двухъярусную систему — этакую структуру с гибкими правилами членства, потенциальная способность которой к слаженным действиям не отвечает ее общим обязательствам. Со временем произойдет трансформация либо в одну, либо в другую сторону: общие обязательства будут пересмотрены или будет формально закреплена двухъярусная система, где политические обязательства и военный потенциал будут как-то уравновешиваться путем некой системы альянсов по доброму согласию.

В Европе традиционная роль государства уменьшается, поскольку так сознательно решили правительства. На Ближнем Востоке сужение роли государства заложено в том, как были основаны местные государства. Государства, которые стали преемниками Оттоманской империи, были учреждены державами-победительницами после окончания Первой мировой войны. Их границы, в отличие от границ европейских государств, отражают не рубежи расселения народностей или распространения определенных языков, а соотношение сил между европейскими державами, споры которых не имели прямого отношения к данному региону.

Сегодня этим и без того хрупким государственным структурам угрожает радикальный ислам, что выражается в фундаменталистском понимании Корана как основы некой универсальной политической организации. Джихадистский ислам отвергает национальный суверенитет, основанный на моделях светской государственности; он стремится распространять свое влияние на все районы, где значительная доля населения — мусульманского вероисповедания. Поскольку в глазах исламистов не имеет законного статуса ни структура международного сообщества, ни внутренние структуры существующих государств, эта идеология почти не оставляет места для западных концепций переговоров или равновесия в регионе, который жизненно важен для безопасности и благополучия промышленно-развитых государств. Эта схватка имеет эндемический характер; мы не имеем возможности от нее отстраниться. Мы можем отступить из какой-то отдельно взятой области, например из Ирака, но это лишь вынудит нас оказывать сопротивление на других огневых позициях, которые, вероятно, будут для нас еще менее выгодными. Даже приверженцы идеи одностороннего вывода войск из Ирака говорят о том, что надо оставить там некий контингент, дабы предотвратить новое усиление «Аль-Каиды» и радикализма.

Эти преобразования происходят на фоне третьей тенденции — смещения «центра тяжести» международной политики с Атлантики к Тихому и Индийскому океанам. Как это ни парадоксально, такое перераспределение мощи благоволит части мира, где страны пока сохраняют черты традиционных европейских государств. Основные государства Азии — Китай, Япония, Индия, а со временем, возможно, Индонезия — смотрят друг на друга так, как участники европейской системы сил и противовесов в былые времена: как на конкурентов по определению, даже когда изредка участвуют в совместных делах.

В прошлом подобные перемены в структуре мощи обычно влекли за собой войны; так случилось после укрепления Германии в конце XIX века. Сегодня многие встревоженные комментаторы приписывают сходную роль Китаю, который усиливается. Верно, что в китайско-американских отношениях неизбежно будут содержаться классические элементы геополитического соперничества и конкуренции. Не следует упускать их из виду. Но есть и другие элементы, которые служат противовесами. Экономическая и финансовая глобализация, срочные задачи, касающиеся окружающей среды и энергетики, а также разрушительная мощь современного оружия — все это требует активно заняться международным сотрудничеством, особенно между США и Китаем. Если эти страны будут видеть друг в друге противников, обе они окажутся в том же положении, что и Европа после двух мировых войн, когда другие страны заняли то видное место, которое стремились занять европейские страны путем саморазрушительных конфликтов друг с другом.

Еще ни одному поколению человечества не приходилось иметь дело с несколькими различными революциями, одновременно происходящими в разных частях света. Попытка разработать единый, универсальный рецепт — это погоня за химерой. В мире, где единственная сверхдержава отстаивает прерогативы традиционного национального государства, где Европа застряла на промежуточной стадии, где Ближний Восток не вписывается в модель национального государства и находится на грани революции по религиозным мотивам, где государства Южной и Восточной Азии до сих пор практикуют принцип баланса сил, — как должен выглядеть в этом мире международный порядок, способный удовлетворить все эти разнородные перспективы? Какую роль следует играть России, которая декларирует понимание суверенитета, сравнимое с американским, и стратегическую концепцию баланса сил, сходную с азиатской? Годятся ли в этих обстоятельствах уже существующие международные организации? Какие реалистичные цели Америка может поставить перед собой и перед мировым сообществом? Достижимо ли внутреннее преобразование крупнейших стран? Каких целей следует добиваться сообща и в чем состоят чрезвычайные обстоятельства, оправдывающие односторонние действия?

Вот о чем нам следует дискутировать, а не о слоганах, разработанных с расчетом на целевые группы и попадание в заголовки газет» [Конец цитаты].

Фундаментальные тенденции, отмеченные Киссинджером, имеют ключевое значение для глобальной политики и мировой экономики. Ведь современная «рыночная экономика» представляет собою громадный всемирный пузырь, созданный по рецептам заигравшихся в экономику неолибералов. «Все это способствует уменьшению глобалистской эйфории, а также снижению активности мантрических танцев вокруг возведенного в культ постиндустриально-цифрового общества, зиждущегося на кредитно-долговых пузырях. Те государства, которые некоторое время назад добровольно отказались от собственных идей национального развития… начинают задумываться над самоидентификацией, источниками и векторами формирования стратегических приоритетов собственной внутренней и внешней экономической политики».

Все дело заключается в том, что усеченный суверенитет влечет за собой ограниченное пространство, необходимое для политических и экономических маневров. Знаменательно признание Г. Киссинджера, которое показывает то, что происходит в данный момент в мире, и особенно на Ближнем Востоке. (Это признание было сделано Киссинджером 16 января 2012 года). «Соединенные Штаты минимизируют Китай и Россию, и последним гвоздем в их гроб будет Иран, который, конечно же, главная цель Израиля. Мы позволили Китаю увеличить свою военную мощь, дали России время, чтобы оправиться от советизации, дали им ложное чувство превосходства, но все это вместе быстрее приведет их к гибели. Мы, как отличный стрелок, не нуждаемся в выборе оружия, подобно новичкам, и, когда они попытаются, мы сделаем «банг-банг». Грядущая война будет настолько серьезной, что только одна сверхдержава может выиграть, и это будем мы. Вот почему ЕС так торопились, чтобы сформировать свою сверхдержаву, потому что они знают, что грядет, и, чтобы выжить, Европе придется быть единым целым сплоченного государства. Эта безотлагательность говорит мне, что они хорошо знают, чего ждать от нас. О, как я мечтал об этом восхитительном моменте».

Г. Киссинджер затем добавил: «Если вы обычный человек, то вы можете подготовиться к войне, переехав в сельскую местность, но вы должны взять оружие с собой, так как повсюду будут бродить орды голодных. Хотя элита будет иметь собственные убежища и приюты для специалистов, они должны быть столь же осторожными во время войны, как рядовые граждане, так как их убежища тоже будут под угрозой».

Сделав паузу в несколько минут, чтобы собраться с мыслями, г-н Киссинджер продолжил: «Мы говорили нашим военным, что нам придется взять на себя семь ближневосточных стран из-за ресурсов, и они практически завершили свою работу. Вы знаете, какого я мнения о наших военных, но я должен сказать, что они выполняли приказы излишне рьяно этот раз. Это всего лишь последняя ступенька, так как Иран действительно нарушает баланс. Как долго Китай и Россия будут стоять и смотреть, как Америка убирает их? Великий русский медведь и Китайский дракон будут вынуждены пробудиться от спячки, и в это время Израиль должен будет бороться изо всех сил, чтобы убить как можно больше арабов — столько, сколько он сможет. Надеюсь, если все пойдет хорошо, половина Ближнего Востока станет израильской.

Наша молодежь обучалась за последнее десятилетие или около того в компьютерных играх, это интересно видеть по новым играм Call of Duty и Warfare 3, которые отражают именно то, что грядет в ближайшем будущем с его интеллектуальным программированием. Молодые люди в США и на Западе готовы, потому что они были запрограммированы, быть хорошими солдатами, пушечным мясом, и, когда им прикажут выйти на улицы и бороться с сумасшедшими китайцами и русскими, они будут подчиняться приказам.

Из пепла мы будем строить новое общество, и в нем останется только одна сверхдержава, и это будет глобальное правительство, которое выигрывает. Не забывайте, что Соединенные Штаты имеют лучшее оружие, которого не имеет никакой другой народ, и мы покажем это оружие миру, когда придет нужное время».

На недавно состоявшемся Петербургском международном экономическом форуме Г. Киссинджер заявил, что события в Ливии и Сирии являются частью большого стратегического плана Америки.

Это значит осуществление мирового порядка с американоцентричной точки зрения, что будет достигаться одновременно тремя различными путями:

1) создание собственно Американской империи как ядра среди близкого к хаосу окружения;

2) создание многостороннего однополярного мира во главе с Америкой;

3) форсирование глобализации с целью создания мирового правительства и Соединенных Штатов Мира, управляемых глобальной элитой.

Некоторые аналитики приходят к выводу о том, что в результате будет выстроен «четвертый Рим» — принципиально новый универсум, где все подчинено деньгам.

«Мир денег в некоем логическом пределе, — пишет А. И. Неклесса, — утверждает новую универсальность — унифицированную, анонимную власть над атомизированной и мистифицированной массой, представляющей собой не живое общество, а реестр, каталог, т. е. гротескный постсоциальный мир. В этом мире жизнь определяется следующей формулой: что продано, что котируется на рынках, у кого сколько капитала; тот не человек, кто не налогоплательщик, — а бытие определяется правом на кредит».

Одним из создателей этого «четвертого Рима» является Генри Киссинджер, продолжающий, несмотря на свой почтенный возраст, «челночные рейсы» по всему миру.

В. Поликарпов

Вместо предисловия

Новый мировой порядок

(Из книги Г. Киссинджера «Дипломатия»)

В каждом столетии, словно следуя некоему закону природы, похоже, появляется страна, обладающая могуществом, волей, а также интеллектуальными и моральными стимулами, необходимыми, чтобы привести всю систему международных отношений в соответствие с собственными ценностями. В XVII веке Франция при кардинале Ришелье предложила новый тогда подход к вопросу международных отношений, основывавшийся на принципах государства-нации и провозглашавший в качестве конечной цели национальные интересы. В XVIII веке Великобритания разработала концепцию равновесия сил, господствовавшую в европейской дипломатии последующие двести лет. В XIX веке Австрия Меттерниха реконструировала «европейский концерт», а Германия Бисмарка его демонтировала, превратив европейскую дипломатию в хладнокровную игру силовой политики.

В XX веке ни одна страна не оказала столь решительного и одновременно столь амбивалентного влияния на международные отношения, как Соединенные Штаты. Ни одно общество не настаивало столь твердо на неприемлемости вмешательства во внутренние дела других государств и не защищало столь страстно универсальности собственных ценностей. Ни одна иная нация не была более прагматичной в повседневной дипломатической деятельности или более идеологизированной в своем стремлении следовать исторически сложившимся у нее моральным нормам. Ни одна страна не была более сдержанной в вопросах своего участия в зарубежных делах, даже вступая в союзы и беря на себя обязательства, беспрецедентные по широте и охвату.

Специфические черты, обретенные Америкой по ходу ее исторического развития, породили два противоположных друг другу подхода к вопросам внешней политики. Первый заключается в том, что Америка наилучшим образом утверждает собственные ценности, совершенствуя демократию у себя дома, и потому служит путеводным маяком для остальной части человечества; суть же второго сводится к тому, что сами эти ценности накладывают на Америку обязательство бороться за их утверждение во всемирном масштабе. Разрываемая между ностальгией по патриархальному прошлому и страстным стремлением к идеальному будущему, американская мысль мечется между изоляционизмом и вовлеченностью в международные дела, хотя со времени окончания второй мировой войны превалирующее значение приобрели факторы взаимозависимости.

Оба направления мышления, соответственно трактующие Америку либо в качестве маяка, либо как борца-крестоносца, предполагают в качестве нормального глобальный международный порядок, базирующийся на демократии, свободе торговли и международном праве. Поскольку подобная система никогда еще не существовала, ее создание часто представляется иным чем-то утопическим, если не наивным. И все же исходивший из-за рубежа скептицизм никогда не замутнял идеализма Вудро Вильсона, Франклина Рузвельта или Рональда Рейгана, да и, по существу, всех прочих американских президентов XX века. Во всяком случае, он лишь подкрепил веру американцев в то, что ход истории можно переломить и что если мир действительно жаждет мира, то он должен воспользоваться американскими рецептами морального порядка.

Оба направления мышления являются продуктами американского опыта. Хотя существовали и существуют другие республики, ни одна из них не создавалась сознательно в целях утверждения и защиты идеи свободы. Никогда ни в одной другой стране население не избирало своей задачей освоение нового континента и покорение его диких пространств во имя свободы и процветания всех. Таким образом, оба подхода, изоляционистский и миссионерский, столь противоречивые внешне, отражают общую, лежащую в их основе веру в то, что Соединенные Штаты обладают лучшей в мире системой управления и все прочее человечество может достигнуть мира и процветания путем отказа от традиционной дипломатии и принятия свойственного Америке уважительного отношения к международному праву и демократии.

Вхождение Америки в международную политику превратилось в триумф веры над опытом. С того момента, как в 1917 году Америка вышла на мировую политическую арену, она была до такой степени уверена в собственных силах и убеждена в справедливости своих идеалов, что главнейшие международные договоры нынешнего столетия стали воплощением американских ценностей — начиная от Лиги наций и пакта Бриана — Келлога вплоть до Устава Организации Объединенных Наций и Заключительного акта совещания в Хельсинки. Крушение советского коммунизма знаменовало интеллектуальную победу американских идеалов, но по иронии судьбы поставило Америку лицом к лицу с таким миром, появления которого она на протяжении всей своей истории стремилась избежать. В рамках возникающего международного порядка национализм обрел второе дыхание. Нации гораздо чаще стали преследовать собственный интерес, чем следовать высокоморальным принципам, чаще соперничать, чем сотрудничать. И мало оснований полагать, будто старая как мир модель поведения переменилась либо имеет тенденцию перемениться в ближайшие десятилетия.

А вот действительно новым в возникающем мировом порядке является то, что Америка более не может ни отгородиться от мира, ни господствовать в нем. Она не в силах переменить отношения к роли, принятой на себя в ходе исторического развития, да и не должна стремиться к этому. Когда Америка вышла на международную арену, она была молода, крепка и обладала мощью, способной заставить мир согласиться с ее видением международных отношений. К концу второй мировой войны в 1945 году Соединенные Штаты обладали таким могуществом, что казалось, будто им суждено переделать мир по собственным меркам (был момент, когда на долю Америки приходилось примерно 35 % мировой валовой товарной продукции).

Джон Ф. Кеннеди уверенно заявил в 1961 году, что Америка достаточно сильна, чтобы «заплатить любую цену, вынести любое бремя» для обеспечения успешного воплощения идеалов свободы. Три десятилетия спустя Соединенные Штаты уже в гораздо меньшей степени могут настаивать на немедленном осуществлении всех своих желаний. До уровня великих держав доросли и другие страны. И теперь, когда Соединенным Штатам брошен подобный вызов, приходится к достижению своих целей подходить поэтапно, причем каждый из этапов представляет собой сплав из американских ценностей и геополитических необходимостей. Одной из таких необходимостей является то, что мир, включающий в себя ряд государств сопоставимого могущества, должен основывать свой порядок на какой-либо из концепций равновесия сил, то есть базироваться на идее, существование которой всегда заставляло Соединенные Штаты чувствовать себя неуютно.

Когда на Парижской мирной конференции 1919 года столкнулись американская трактовка внешней политики и европейские дипломатические традиции, трагически очевидной стала разница в историческом опыте. Европейские лидеры стремились подправить существующую систему привычными методами; американские же миротворцы искренне верили, что Великая война явилась следствием не каких-либо неразрешимых геополитических конфликтов, но характерных для Европы и порочных по сути интриг. В своих знаменитых «Четырнадцати пунктах» Вильсон поведал европейцам, что отныне система международных отношений должна строиться не на концепции равновесия сил, а исходя из принципа этнического самоопределения, что их безопасность должна зависеть не от военных союзов, а от коллективных действий, и что их дипломатия более не должна быть тайной и находиться в ведении специалистов, а должна основываться на «открытых соглашениях, открыто достигнутых». Безусловно, Вильсон добивался не столько обсуждения условий окончания войны или восстановления существовавшего международного порядка, сколько преобразования всей системы международных отношений, функционировавшей на протяжении почти трех столетий.

Ибо как только американцы принимались рассуждать по поводу внешней политики, то приходили к тому, что все трудности, переживаемые Европой, порождены системой равновесия сил. И с того момента, как Европа впервые вынуждена была проявлять интерес к американской внешней политике, ее лидеры с подозрением отнеслись к принятой на себя Америкой миссии реформировать мир. Каждая из сторон вела себя так, будто другая сторона произвольно избрала метод дипломатического поведения, но окажись одна из них более мудрой или менее воинственной, она бы выбрала какой-либо иной, более приемлемый метод.

На самом деле как американский, так и европейский подходы к внешнеполитическим проблемам являлись производными их собственных, уникальных условий существования. Американцы заселили почти пустынный континент, огражденный от держав-хищников двумя огромными океанами, причем их соседями были весьма слабые страны. И поскольку Америка не сталкивалась ни с одной из держав, с силами которой ей надо было бы обрести равновесие, она вряд ли задалась бы задачей поддержания подобного равновесия, даже если бы ее лидерам пришла в голову невероятная мысль скопировать европейские условия для народа, повернувшегося к Европе спиной.

Дилеммы безопасности, вызывавшие душевную боль и муки у европейских стран, не имели отношения к Америке почти сто пятьдесят лет. А когда они ее коснулись, Америка дважды приняла участие в мировых войнах, начатых европейскими нациями. В каждом из этих случаев к тому моменту, как Америка оказалась вовлечена в войну, принцип равновесия сил уже не действовал, из чего проистекала парадоксальная ситуация: то самое равновесие сил, которое с негодованием отвергало большинство американцев, оказывается, как раз и обеспечивало их безопасность, пока оно функционировало в соответствии с первоначальным замыслом; и именно его нарушение вовлекало Америку в сферу международной политики.

Европейские страны избрали концепцию равновесия сил как способ урегулирования межгосударственных отношений вовсе не из врожденной страсти к ссорам и сварам или характерной для Старого Света любви к интригам. Если демократия и принципы международного права стали основополагающими для Америки вследствие свойственного только ей ощущения безопасности, то европейская дипломатия была выкована в горниле тяжких испытаний.

Европа была брошена в пучину политики равновесия сил тогда, когда ее первоначальный выбор — средневековую мечту об универсальной империи — постиг крах, и на развалинах прежних грез и устремлений возникла группа государств, более или менее равных по силе. И когда государства, появившиеся на свет подобным образом, вынуждены были взаимодействовать друг с другом, возможны были только два варианта: либо одно из государств этой группы окажется до такой степени сильным, что сможет господствовать над другими и создать империю, либо ни одно из них не окажется достаточно сильным для достижения подобной цели. В последнем случае претензии наиболее агрессивного из членов международного сообщества будут сдерживаться совокупностью всех прочих; иными словами, посредством функционирования равновесия сил.

Система равновесия сил не предполагала предотвращения кризисов или даже войн. Функционируя нормально, она, согласно замыслу, лишь ограничивала масштабы конфликтов и возможности одних государств господствовать над другими. Целью ее был не столько мир, сколько стабильность и умеренность. По сути своей система равновесия сил не в состоянии полностью удовлетворить каждого из членов международного сообщества; наилучшим образом она срабатывает тогда, когда способна снизить уровень неудовлетворенности до такой степени, при которой обиженная сторона не стремится ниспровергнуть международный порядок.

Теоретики системы равновесия сил часто представляют дело так, будто бы она как раз и является естественной формой международных отношений. На самом деле система равновесия сил в истории человечества встречается крайне редко. Западному полушарию она вообще неизвестна, а на территории современного Китая она в последний раз применялась в конце эпохи «сражающихся царств» более двух тысяч лет назад. На протяжении наиболее длительных исторических периодов для подавляющей части человечества типичной формой правления была империя. У империй не было никакой заинтересованности

действовать в рамках международной системы; они сами стремились быть международной системой. Империи не нуждаются в равновесии сил. Именно подобным образом Соединенные Штаты проводили внешнюю политику на всей территории Американского континента, а Китай на протяжении большей части своего исторического существования — в Азии.

На Западе единственными примерами функционирующих систем равновесия сил могут служить государства-полисы Древней Греции и государства-города в Италии эпохи Возрождения, а также система европейских государств, порожденная Вестфальским миром 1648 года. Характерной особенностью всех этих систем являлось превращение конкретного факта существования множества государств, обладающих примерно равной мощью, в ведущий принцип мирового порядка.

С интеллектуальной точки зрения концепция равновесия сил отражала убеждения всех крупнейших политических мыслителей эпохи Просвещения. Согласно их представлениям, вселенная, включая сферу политики, функционировала на основе рациональных принципов, уравновешивающих друг друга. Внешне будто бы не связанные друг с другом действия разумных людей якобы должны были в совокупности вести к всеобщему благу, хотя в век почти не прекращающихся конфликтов, последовавших за окончанием Тридцатилетней войны, доказательства подобной гипотезы носили весьма иллюзорный характер.

Адам Смит в своем труде «Богатство наций» утверждал, что будто бы «невидимая рука» из эгоистических экономических деяний индивидов извлекает всеобщее экономическое благополучие. В статьях «Федералиста» Мэдисон доказывал, что в достаточно крупной республике различные политические «фракции», эгоистично преследующие собственные интересы, способны при помощи автоматически действующего механизма выковать надлежащую внутреннюю гармонию. Концепции разделения властей, а также сдержек и противовесов, представленных Монтескье и воплощенных в американской конституции, отражают ту же точку зрения. Целью разделения властей было предотвращение деспотизма, а не достижение гармоничной системы управления; каждая из ветвей системы управления, преследуя собственные интересы, но воздерживаясь от крайностей, должна была служить делу достижения всеобщего блага. Те же принципы применялись к международным отношениям. Предполагалось, что, преследуя собственные эгоистические интересы, всякое государство все равно служит прогрессу, а некая «невидимая рука» в конце концов сделает так, что свобода выбора для каждого из государств обернется благополучием для всех.

В течение более чем одного столетия казалось, что ожидания эти сбылись. После пертурбаций, вызванных Французской революцией и наполеоновскими войнами, европейские лидеры на Венском конгрессе 1815 года восстановили равновесие сил, и на смену ставке на грубую силу стали приходить поиски умеренности в отношении поведения стран на международной арене благодаря введению моральных и юридических сдерживающих факторов. И все же к концу XIX века система европейского равновесия вернулась к принципам силовой политики, причем в обстановке гораздо большей бескомпромиссности. Бросать вызов оппоненту стало привычным методом дипломатии, что привело к бесконечной цепи силовых испытаний. Наконец, в 1914 году возник кризис, из которого никто не пожелал выйти добровольно. Европа после катастрофы Первой мировой войны так и не вернула себе положение мирового лидера. В качестве главного игрока возникли Соединенные Штаты, но Вудро Вильсон вскоре дал понять, что его страна вести игру по европейским правилам отказывается.

Никогда за всю свою историю Америка не участвовала в системе равновесия сил. В период, предшествовавший двум мировым войнам, Америка пользовалась выгодами от практического функционирования принципа равновесия сил, не принимая участия в связанном с ним политическом маневрировании и позволяя себе роскошь вволю порицать этот принцип. Во времена холодной войны Америка была вовлечена в идеологическую, политическую и стратегическую борьбу с Советским Союзом, когда мир, где наличествовали две сверхдержавы, функционировал на основе принципов, не имевших никакого отношения к системе равновесия сил. В биполярном мире гипотеза, будто бы конфликт приведет ко всеобщему благу, изначально беспочвенна: любой выигрыш для одной из сторон означает проигрыш для другой. По существу, в холодной войне Америка одержала победу без войны, то есть ту самую победу, которая вынудила ее взглянуть в лицо дилемме, сформулированной Джорджем Бернардом Шоу: «В жизни существуют две трагедии. Одна из них — так и не добиться осуществления самого сокровенного желания. Другая — добиться».

Американские лидеры так часто трактовали свои ценности как нечто само собой разумеющееся, что крайне редко сознавали, до какой степени эти ценности могут восприниматься другими как революционные и нарушающие привычный порядок вещей. Ни одно иное общество не утверждало, будто этические нормы точно так же применимы к ведению международных дел, как и к поведению индивидуумов — иными словами, такого рода представление в корне противоречит сущности raison d’etat Ришелье. Америка утверждала, что предотвращение войны является столь же законным деянием, как и дипломатический вызов, и что она выступает не против перемен как таковых, а против определенной методики перемен, в частности против использования силы. Какой-нибудь Бисмарк или Дизраэли высмеял бы одно лишь предположение, будто бы предметом внешней политики является не столько суть совершающихся событий, сколько метод их совершения, если бы подобное вообще находилось в пределах их понимания. Ни одна из наций никогда не предъявляла к себе моральных требований, как это сделала Америка. И ни одна из стран не терзалась разрывом между абсолютным по сути характером своих моральных ценностей и несовершенством той конкретной ситуации, где их следовало применить.

Во времена холодной войны уникальный, присущий одной лишь Америке подход к вопросам внешней политики был в высшей степени адекватен вызову. В условиях глубокого идеологического конфликта лишь одна страна — Соединенные Штаты — обладала всей совокупностью средств — политических, экономических и военных — для организации обороны некоммунистического мира. Нация, находящаяся в подобном положении, в состоянии настаивать на собственной точке зрения и часто способна уйти от проблем, стоящих перед государственными деятелями обществ, находящихся в менее благоприятном положении, ведь средства, имеющиеся в распоряжении последних, обязывают их добиваться целей менее значительных, чем их чаяния, причем ситуация потребовала бы даже этих целей добиваться поэтапно.

В мире времен холодной войны традиционные концепции силы были существенным образом подорваны. В большинстве исторических ситуаций имел место синтез военного, политического и экономического могущества, причем в целом налицо оказывалась определенная симметрия. В период холодной войны различные элементы могущества стали четко отделяться друг от друга. Бывший Советский Союз являлся в военном отношении сверхдержавой, а в экономическом смысле — карликом. Другая страна вполне могла быть экономическим гигантом, а в военном отношении — ничтожно малой величиной, как в случае с Японией.

После окончания холодной войны различные элементы могущества обретут, вероятно, большую гармонию и симметрию. Относительная военная мощь Соединенных Штатов будет постепенно уменьшаться. Отсутствие четко обозначенного противника породит давление изнутри, дабы переключить ресурсы на выполнение других первоочередных задач, не связанных с оборонной сферой, причем этот процесс уже начался. Когда угроза более не носит универсального характера и каждая страна оценивает с точки зрения собственных национальных интересов угрожающие конкретно ей опасности, те общества, которые благополучно пребывали под защитой Америки, будут вынуждены принять на себя более значительную долю ответственности за свою безопасность. Таким образом, функционирование новой международной системы приведет к равновесию даже в военной области, хотя для достижения подобного положения могут потребоваться десятилетия. Еще четче эти тенденции проявятся в экономической сфере, где американское преобладание уже уходит в прошлое, — бросать вызов Соединенным Штатам стало более безопасно.

Международная система XXI века будет характеризоваться кажущимся противоречием: фрагментацией, с одной стороны, и растущей глобализацией, с другой. На уровне отношений между государствами новый порядок, пришедший на смену холодной войне, будет напоминать европейскую систему государств XVIII–XIX веков. Его составной частью станут по меньшей мере Соединенные Штаты, Европа, Китай, Япония, Россия и, возможно, Индия, а также великое множество средних и малых стран. В то же время международные отношения впервые обретут истинно глобальный характер. Передача информации происходит мгновенно; мировая экономика функционирует на всех континентах синхронно. На поверхность всплывет целый ряд проблем, таких как вопрос распространения ядерных технологий, проблемы окружающей среды, демографического взрыва и экономической взаимозависимости, решением которых можно будет заниматься только в мировом масштабе.

Согласование различных ценностей и самого разнообразного исторического опыта у сопоставимых с Америкой по значимости стран будет для нее новым явлением, крупномасштабным отходом как от изоляционизма предшествующего столетия, так и от гегемонии де-факто времен холодной войны, причем каким образом это осуществится, постарается прояснить настоящая книга. В равной степени и другие основные участники игры, приспосабливаясь к возникающему мировому порядку, сталкиваются с рядом затруднений.

Европа — единственная часть современного мира, где функционировала система одновременного существования множества государств, — является родиной концепций государства-нации, суверенитета и равновесия сил. Эти идеи господствовали в международных делах на протяжении почти трех столетий подряд. Но никто из прежних приверженцев на практике принципа raison d’etat не силен до такой степени, чтобы стать во главе нарождающегося международного порядка. Отсюда попытки компенсировать свою относительную слабость созданием объединенной Европы, причем усилия в этом направлении поглощают значительную часть энергии участников этого процесса. Но, если бы даже они преуспели, под рукой у них не оказалось бы никаких апробированных моделей поведения объединенной Европы на мировой арене, ибо такого рода политического организма еще никогда не существовало.

На протяжении всей своей истории Россия всегда стояла особняком. Она поздно вышла на сцену европейской политики — к тому времени Франция и Великобритания давно прошли этап консолидации, — и к этой стране, по-видимому, неприменим ни один из традиционных принципов европейской дипломатии. Находясь на стыке трех различных культурных сфер — европейской, азиатской и мусульманской, — Россия вбирала в себя население, принадлежавшее к каждой из этих сфер, и поэтому никогда не являлась национальным государством в европейском смысле. Постоянно меняя очертания по мере присоединения ее правителями сопредельных территорий, Россия была империей, несравнимой по масштабам ни с одной из европейских стран. Более того, после каждого очередного завоевания менялся характер государства, ибо оно вбирало в себя совершенно новую, беспокойную нерусскую этническую группу. Это было одной из причин, почему Россия ощущала себя обязанной содержать огромные вооруженные силы, размер которых не шел ни в какое сравнение со сколь-нибудь правдоподобной угрозой ее безопасности извне.

Разрываясь между навязчивой идеей незащищенности и миссионерским рвением, между требованиями Европы и искушениями Азии, Российская империя всегда играла определенную роль в европейском равновесии, но в духовном плане никогда не была его частью. В умах российских лидеров сливались воедино потребности в завоеваниях и требования безопасности. Со времен Венского конгресса Российская империя вводила свои войска на иностранную территорию гораздо чаще, чем любая из крупных держав. Аналитики часто объясняют русский экспансионизм как производное от ощущения отсутствия безопасности. Однако русские писатели гораздо чаще оправдывали стремление России расширить свои пределы ее мессианским призванием. Двигаясь вперед, Россия редко проявляла чувство меры; наталкиваясь на противодействие, она обычно погружалась в состояние мрачного негодования. На протяжении значительной части своей истории Россия была вещью в себе в поисках самореализации.

Посткоммунистическая Россия оказалась в границах, не имеющих исторического прецедента. Как и Европа, она вынуждена будет посвятить значительную часть своей энергии переосмыслению собственной сущности. Будет ли она стремиться к восстановлению своего исторического ритма и к воссозданию утраченной империи? Переместит ли она центр тяжести на

восток и станет принимать более активное участие в азиатской дипломатии? Исходя из каких принципов и какими методами будет она реагировать на смуты у своих границ, особенно на переменчиво-неспокойном Среднем Востоке? Россия всегда будет неотъемлемой составной частью мирового порядка и в то же время в связи с неизбежными потрясениями, являющимися следствием ответов на поставленные вопросы, потенциально таит для него угрозу.

Китай также оказался лицом к лицу с новым для него мировым порядком. В течение двух тысяч лет Китайская империя объединяла свой собственный мир под владычеством императора. По правде говоря, временами этот порядок демонстрировал собственную слабость. Войны в Китае случались не реже, чем в Европе. Но поскольку они обычно велись между претендентами на императорскую власть, то носили скорее характер гражданских, чем внешних, и рано или поздно неизбежно приводили к возникновению новой центральной власти.

До начала XIX века Китай никогда не имел соседа, способного оспорить его превосходство, и даже не помышлял о том, что такое государство может появиться. Завоеватели извне, казалось, свергали китайские династии только для того, чтобы слиться с китайской культурой до такой степени, чтобы продолжать традиции Срединного царства. Понятия суверенного равенства государств в Китае не существовало; жившие за его пределами считались варварами, и на них смотрели как на потенциальных данников — именно так был принят в XVIII веке в Пекине первый британский посланник. Китай считал ниже своего достоинства направлять послов за границу, но не гнушался использовать варваров из дальних стран для разгрома варваров из соседних. И все же это была стратегия на случай чрезвычайных обстоятельств, а не повседневно функционирующая система наподобие европейского равновесия, и потому она не породила характерного для Европы постоянного дипломатического механизма. После того как Китай в XIX веке оказался в унизительном положении объекта европейского колониализма, он лишь недавно — после Второй мировой войны — вошел в многополюсный мир, что является беспрецедентным в его истории.

Япония также отсекала от себя все контакты с внешним миром. В течение пятисот лет, вплоть до момента, когда была насильственно «открыта» коммодором Мэтью Перри в 1854 году, Япония вообще не снисходила до того, чтобы позаботиться о создании равновесия сил среди противостоящих друг другу варваров или о приобретении данников, как это делал Китай. Отгородившись от внешнего мира, она гордилась единственными в своем роде обычаями, поддерживала свою воинскую традицию в гражданских войнах и основывала свое внутреннее устройство на убежденности, что ее в высшей степени своеобразная культура невосприимчива к иностранному влиянию, стоит выше его и в конце концов скорее подавит его, чем усвоит.

В годы холодной войны, когда основной угрозой безопасности Японии являлся Советский Союз, она оказалась в состоянии отождествить свою внешнюю политику с политикой отстоящей от нее на несколько тысяч миль Америки. Новый мировой порядок с его многообразием вызовов почти неизбежно заставит гордую своим прошлым страну пересмотреть прежнюю ориентацию на единственного союзника. Япония обязательно станет более чувствительной к равновесию сил в Азии, чем Америка, которая расположена в ином полушарии и ориентирована на три других направления: атлантическое, тихоокеанское и южноамериканское. Китай, Корея и Юго-Восточная Азия приобретут для Японии совершенно иное значение, чем для Соединенных Штатов, и это явится импульсом для более автономной и более ориентированной на собственные интересы японской внешней политики.

Что касается Индии, которая сейчас превращается в ведущую державу Южной Азии, то ее внешняя политика представляет собой последнее подогретое древними культурными традициями воспоминание о золотых днях европейского империализма. Субконтинент до появления на нем британцев никогда на протяжении целого тысячелетия не представлял собой единого политического целого. Британская колонизация была осуществлена малыми военными силами, потому что местное население изначально видело в ней лишь смену одних завоевателей другими. Но, когда установилось единое правление, власть Британской империи была подорвана народным самоуправлением и культурным национализмом, ценностями, привнесенными в Индию самой же метрополией. И все-таки в качестве государства-нации Индия новичок. Поглощенная борьбой за обеспечение продуктами питания своего огромного населения, она во время холодной войны оказалась участником движения неприсоединения. Но ей еще предстоит избрать соизмеримую с собственным самосознанием роль на сцене международной политики.

Таким образом, ни одна из ведущих стран, которым предстоит строить новый мировой порядок, не имеет ни малейшего опыта существования в рамках нарождающейся многогосударственной системы. Никогда прежде новый мировой порядок не создавался на базе столь многообразных представлений, в столь глобальном масштабе. Никогда прежде не существовало порядка, который должен сочетать в себе атрибуты исторических систем равновесия сил с общемировым демократическим мышлением, а также стремительно развивающейся современной технологией.

В ретроспективном плане, похоже, все системы международных отношений обладают неизбежной симметрией. Как только они созданы, становится трудно вообразить, каким путем пошла бы история, если бы был сделан иной выбор, да и вообще, был ли этот иной выбор возможен. В процессе становления того или иного международного порядка выбор широк и многообразен. Но каждое конкретное решение сужает набор невостребованных вариантов. Поскольку усложнение мешает гибкости, выбор, сделанный максимально рано, всегда имеет судьбоносный характер. Будет ли международный порядок относительно стабилен, как после Венского конгресса, или весьма непрочен, как после Вестфальского мира и Версальского договора, зависит от степени, в какой он согласует чувство безопасности составляющих его обществ с тем, что они считают справедливым.

Две международные системы, оказавшиеся наиболее стабильными, а именно порожденная Венским конгрессом и возглавляемая Соединенными Штатами после окончания Второй мировой войны, имели то преимущество, что строились на общности взглядов. Государственные деятели, собравшиеся в Вене, были аристократами, для которых существовали одни и те же

моральные запреты и основополагающие принципы; а американские лидеры, сформировавшие послевоенный мир, являлись порождением исключительно цельной и жизнеспособной интеллектуальной традиции.

Возникающий сейчас порядок должны будут строить государственные деятели, которые представляют совершенно разные культуры. Они руководят бюрократическими системами такой сложности, что зачастую энергия этих государственных деятелей в большей степени уходит на приведение в действие административной машины, а не на определение цели. Они добились высокого положения благодаря качествам, которые не всегда нужны для управления, еще менее годятся для создания международного порядка. При этом единственная действующая модель многогосударственной системы была создана западными обществами, и многие из участников международного порядка ее могут отвергнуть.

И все же возвышение и крушение прежних мировых порядков — от Вестфальского мира до наших дней — есть единственный источник опыта, на который можно опереться, пытаясь понять, какого рода вызов может быть брошен в лицо современным государственным деятелям. Уроки истории не являются автоматически применимым руководством к действию; история учит по аналогии, проливая свет на сходные последствия сопоставимых ситуаций. Однако каждое поколение должно определить для себя, какие обстоятельства на самом деле являются сопоставимыми.

Крах «доктрины Брежнева»

(Из книги Г. Киссинджера «Дипломатия»)

Один из элементарных уроков для начинающих шахматистов гласит: при выборе хода нет ничего хуже, чем не сделать предварительного подсчета клеток, попадающих под контроль при каждом из потенциальных ходов. В общем и целом чем большим числом клеток оперирует игрок, тем шире у него выбор и тем ограниченнее выбор у его оппонента. Точно так же и в дипломатии: чем больше вариантов находится в распоряжении одной из сторон, тем меньше их остается на долю другой стороны и тем более осторожно она должна себя вести, добиваясь собственных целей. И такое положение дел должно со временем стать стимулом для оппонента стремиться к тому, чтобы из оппонентов перейти в союзники.

Если бы Советский Союз больше не мог рассчитывать на постоянную враждебность друг к другу самых могущественных наций мира — США и Китая, — пределы советской неуступчивости сузились бы, а может быть, даже вообще бы исчезли. В обстановке конца 60-х годов улучшение китайско-американских отношений становилось для стратегии администрации Никсона применительно к Советскому Союзу ключевым фактором.

Историческое чувство дружбы между Америкой и Китаем разрушилось, когда коммунисты победили в гражданской войне в 1949 году и вступили в войну в Корее в 1950-м. На его место пришла политика преднамеренной изоляции коммунистических правителей в Пекине. Наглядным символом подобного рода умонастроений был отказ Даллеса пожать руку Чжоу Эньлаю на Женевской конференции 1954 года по Индокитаю, и память об этом у китайского премьера вовсе не стерлась, когда тот приветствовал меня в Пекине через семнадцать лет и осведомился, был ли я среди тех американцев, которые отказались пожать руки китайским руководителям. Единственный действующий дипломатический контакт между двумя нациями осуществлялся через соответствующих послов в Варшаве, да и те во время своих нерегулярных встреч обменивались нападками друг на друга. Во время китайской «культурной революции» конца 60-70-х годов, число жертв которой сопоставимо со сталинскими чистками, все китайские послы (за исключением, в силу каких-то непостижимых причин, посла в Египте) были отозваны в Китай, что прервало варшавские переговоры и лишило Вашингтон и Пекин каких-либо дипломатических и политических контактов вообще.

Интересно, что лидерами, впервые осознавшими возможности, проистекающие из китайско-советского разрыва, оказались два ветерана европейской дипломатии: Аденауэр и де Голль. Аденауэр, полагаясь на только что прочитанную им книгу, заговорил об этом где-то в 1957 году, хотя Федеративная Республика была еще не в состоянии вести глобальную политику. Де Голль не ощущал для себя ни малейших ограничений. Он верно вычислил в начале 60-х годов, что у Советов возникают серьезные проблемы на всем протяжении обширной границы с Китаем, и это заставит их в большей степени склоняться к сотрудничеству в своих отношениях с Западом. Будучи де Голлем, он верил, что этот факт позволит ускорить франко-советскую разрядку. С учетом наличия у Москвы китайской проблемы Москва и Париж могли соответственно провести переговоры по устранению «железного занавеса» и добиться осуществления мечты де Голля о «Европе от Атлантики до Урала». Но деголлевская Франция ни в коей мере не обладала достаточной силой для проведения подобной дипломатической революции. Москва не видела в Париже равного партнера для разрядки. Однако хотя политические выводы де Голля были искажены видением через французскую призму, лежащий в основе их анализ отличался точностью. В течение продолжительного времени американские политики, ослепленные идеологическими предвзятостями, так и не могли осознать, что советско-китайский разрыв представлял собою стратегические возможности для Запада.

Американское общественное мнение относительно Китая в том виде, в каком оно тогда сложилось, оказалось разделенным знакомыми разграничительными линиями холодной войны. Небольшая группа синологов рассматривала раскол как психологический; они настаивали на том, чтобы Америка пошла навстречу китайским обидам и предоставила все китайские права в Организации Объединенных Наций Пекину, а также ослабила напряженность посредством широкомасштабных контактов. Абсолютное большинство информированных лиц, однако, считало коммунистический Китай неизлечимо экспансионистским, фанатично идеологизированным и безоговорочно преданным идее мировой революции. Америка в значительной степени пошла на вовлеченность в Индокитае, чтобы разгромить «коммунистический заговор», устроенный, как она предполагала, Китаем с целью захвата Юго-Восточной Азии. Как ранее применительно к Советскому Союзу утверждалось, что китайская коммунистическая система обязательно должна трансформироваться, прежде чем с нею можно будет вести переговоры.

Это мнение получило подтверждение из неожиданных источников. Советологи, которые уже на протяжении десятилетия настаивали на постоянном диалоге с Москвой, придерживались совершенно противоположной точки зрения в отношении Китая. Еще в начале первого срока пребывания Никсона на посту президента группа бывших послов в Советском Союзе, обеспокоенная первыми пробными поисками контактов с Пекином, высказала президенту в связи с этим серьезную озабоченность. Советские руководители, настаивали они, были преисполнены такой паранойей по отношению к коммунистическому Китаю, что любая попытка улучшить американские отношения с Пекином повлечет за собой абсолютно неприемлемый риск конфронтации с Советским Союзом.

Администрация Никсона не разделяла подобные взгляды на международные отношения. Исключать такую огромную страну, как Китай, из сферы деятельности американской дипломатии означало бы, что Америка действует на международной арене с одной рукой, завязанной за спиной. Мы были убеждены, что рост многовариантности в американской внешней политике смягчит, а не ужесточит поведение Советов. Политическое заявление, составленное мною для Нельсона Рокфеллера, выдвигавшего свою кандидатуру на пост президента от республиканской партии в 1968 году, гласило: «…Я начну диалог с коммунистическим

Китаем. В треугольнике отношений между Вашингтоном, Пекином и Москвой мы найдем для себя возможности урегулирования с каждым оппонентом, поскольку мы расширяем границы выбора применительно к обоим». Никсон высказывал идентичные воззрения еще ранее, но языком, более приспособленным к традиционным американским понятиям относительно мирового сообщества. В октябре 1967 года он писал в журнале «Форин аффэрз»:

«С долгосрочной точки зрения мы просто не можем себе позволить вечно держать Китай вне пределов семьи наций, заставляя его лелеять свои фантазии, вынашивать ненависть и угрожать соседям. Эта планета слишком мала, чтобы один миллиард потенциально наиболее способных людей жил бы на ней в злобной изоляции».

Вскоре после того, как Никсон был выдвинут кандидатом на пост президента, он стал выражаться более конкретно. В журнальном интервью в сентябре 1968 года он заявил: «Мы не должны забывать про Китай. Следует все время изыскивать возможности для разговора с ним, так же как и с СССР… Мы не можем просто ждать перемен, наша задача — эти перемены осуществить».

Походу дела Никсону удалось достичь своей цели, хотя для Китая стимулом присоединения к сообществу наций послужили скорее не перспективы диалога с Соединенными Штатами, но страх нападения со стороны мнимого союзника — Советского Союза. Администрация Никсона, поначалу не осознавшая такого аспекта китайско-советских отношений, обратила на это внимание благодаря усилиям самого Советского Союза. Не в первый и не в последний раз неуклюжая советская политика ускорила то, чего Кремль больше всего опасался.

Весной 1969 года произошла серия столкновений между китайскими и советскими вооруженными силами на отдаленном участке китайско-советской границы вдоль реки Уссури в Сибири. Исходя из опыта истекших двух десятилетий, Вашингтон поначалу не сомневался в том, что эти стычки были спровоцированы фанатичным китайским руководством. Но именно тяжеловесная советская дипломатия заставила в этом усомниться. Ибо советские дипломаты стали предоставлять детальные свидетельства советской версии событий в Вашингтон и заодно спрашивать, как Америка отнесется к тому, если произойдет эскалация этих столкновений.

Беспрецедентная советская готовность консультироваться с Вашингтоном относительно вопроса, по поводу которого Америка не проявила особенной озабоченности, заставила нас задать себе вопрос, не являются ли подобные брифинги зондированием почвы перед советским нападением на Китай. Подозрения только усилились, когда проработка вопроса американской разведкой, на которую ее подтолкнули советские брифинги, показала, что стычки неизменно имели место неподалеку от крупных советских баз военного снабжения и вдали от центров китайских коммуникаций: такого рода схема соответствовала лишь тому, что агрессором на деле были как раз советские вооруженные силы. Новым подтверждением такого вывода послужил факт беспрецедентного сосредоточения советских сил вдоль всей советско-китайской границы протяженностью в 4000 миль, численность которых за короткий срок составила свыше сорока дивизий.

Если анализ администрации Никсона был верен, то назревал крупный международный кризис, даже если большинству об этом не было известно. Советское военное вторжение в Китай означало бы самую серьезную угрозу глобальному соотношению сил со времен Кубинского ракетного кризиса. Распространение «доктрины Брежнева» на Китай предполагало бы, что Москва попытается сделать пекинское правительство столь же смиренным и покорным, каким в предшествующем году стало не по своей воле правительство Чехословакии. Наиболее многочисленная из наций мира была бы подобным образом подчинена одной из ядерных сверхдержав — зловещая комбинация! Она привела бы к восстановлению столь опасного китайско-советского блока, монолитный характер которого внушал такой страх в 50-е годы. Способен ли был Советский Союз воплотить на практике подобный проект, до сих пор остается весьма неясным. Однако стало очевидным, особенно для администрации, основывающей свою внешнюю политику на геополитических концепциях, что на такой риск идти нельзя. Если говорить о соотношении сил всерьез, то тогда даже перспектива геополитического переворота должна получить отпор; ибо к тому времени, как перемены действительно произойдут, противодействовать им окажется слишком поздно. Как минимум стоимость противостояния возрастет в невероятной степени.

Такого рода соображения заставили Никсона принять летом 1969 года два решения чрезвычайного характера. Первое — отказаться от постановки всех тех вопросов, которые являлись содержанием имевшего место китайско-американского диалога. На Варшавских переговорах была разработана повестка дня столь же сложная, сколь и отнимающая время. Каждая из сторон подчеркивала свои обиды: китайские касались будущего Тайваня и китайских активов, секвестированных в Соединенных Штатах; Соединенные Штаты добивались отказа от применения силы в отношении Тайваня, участия Китая в переговорах по контролю над вооружениями и урегулирования американских экономических претензий к Китаю.

Вместо этого Никсон решил сосредоточиться на более широких аспектах китайского подхода к диалогу с Соединенными Штатами. В первую очередь следовало определить объем и контуры китайско-советско-американского треугольника. Если бы стало очевидным, что Советский Союз и Китай больше боятся друг друга, чем Соединенных Штатов, у американской дипломатии появились бы беспрецедентные возможности. Если на этой основе отношения улучшатся, традиционные вопросы повестки дня решатся сами собой; если же отношения не улучшатся, традиционные вопросы повестки дня так и останутся неразрешенными. Иными словами, практические вопросы будут решены как следствие китайско-американского сближения, а не в качестве его предпосылки.

Реализуя стратегию превращения мира, основанного на противостоянии двух держав, в стратегический треугольник, Соединенные Штаты предприняли в июле 1969 года серию односторонних инициатив, чем продемонстрировали перемену подхода. Был снят запрет на поездки американцев в Китайскую Народную Республику; американцам было разрешено ввозить в

Соединенные Штаты изготовленные в Китае товары на сумму в сто долларов; а также были разрешены ограниченные отгрузки зерна из Америки в Китай. Эти меры, пусть даже незначительные сами по себе, наглядно показывали новаторство подхода Америки к решению накопившихся международных проблем.

Государственный секретарь Уильям П. Роджерс раскрыл суть этих намеков в программной речи, одобренной Никсоном. Он заявил в Австралии 8 августа 1969 года, что Соединенные Штаты приветствовали бы, если бы коммунистический Китай стал играть важную и существенную роль в азиатских и тихоокеанских делах. Если китайские руководители откажутся от интроспективного «видения мира», то Америка «откроет каналы связи». В самом теплом заявлении, сделанном американским государственным секретарем относительно Китая на протяжении двадцати лет, Роджерс привлек внимание к односторонним инициативам, предпринятым Америкой в экономической области, назвав их шагами, предназначенными для того, чтобы «помочь напомнить людям континентального Китая о нашей исторической дружбе с ними».

Но коль скоро имелась реальная опасность советского нападения на Китай летом 1969 года, могло не хватить времени для постепенного развертывания столь сложных маневров. Поэтому Никсон пошел, вероятно, на самый смелый шаг за все время своего пребывания на посту президента и предупредил Советский Союз, что Соединенные Штаты не останутся в стороне, если тот соберется напасть на Китай. Независимо от тогдашнего отношения Китая к Соединенным Штатам, Никсон и его советники считали независимость Китая обязательной для глобального равновесия сил и полагали наличие дипломатических контактов с Китаем существенно важным для гибкости американской дипломатии. Предупреждение Никсона Советам явилось также наглядным выражением нового подхода администрации, заключавшегося в том, что она стала базировать политику Америки на тщательном анализе национальных интересов.

Озабоченный наращиванием советской военной мощи вдоль китайской границы, Никсон санкционировал твердое, обоюдоострое заявление от 5 сентября 1969 года, гласившее, что Соединенные Штаты «глубоко озабочены» возможностью китайско-советской войны. Заместителю государственного секретаря Эллиоту Ричардсону было поручено обнародовать послание; занимая достаточно высокое в иерархическом плане место, чтобы исключить всякие сомнения в том, что он говорит по уполномочию президента, Ричардсон не был столь заметной фигурой, чтобы его слова воспринимались, как непосредственный вызов Советскому Союзу:

«Мы не стремимся воспользоваться ради собственной выгоды враждебными действиями между Советским Союзом и Китайской Народной Республикой. Идеологические разногласия между двумя коммунистическими гигантами нас не касаются. Однако мы не можем не быть глубоко озабочены эскалацией этого спора и превращением его в массированное нарушение международного мира и спокойствия».

Когда страна отказывается от намерения воспользоваться в своих интересах конфликтом между двумя другими сторонами, это означает, что на деле она подает знак, что обладает возможностями это сделать и что каждой из сторон лучше всего позаботиться о нейтралитете. Вдобавок, когда нация выражает «глубокую озабоченность» по поводу возможных обстоятельств военного характера, она этим желает сообщить, что будет содействовать — каким образом, она пока что не указывает — жертве того, что она определит как агрессию. Никсон — уникальная фигура среди американских президентов XX века, ибо он проявил готовность поддержать страну, с которой у Соединенных Штатов на протяжении двадцати лет не было дипломатических отношений. И это при том, что у его администрации пока что не было с Китаем совершенно никаких контактов, и при том, что китайские дипломаты и средства массовой информации клеймили американский «империализм» на каждом шагу. Это означало возврат Америки в мир «Realpolitik».

Чтобы подчеркнуть этот новый подход, важность улучшения отношений между Китаем и Соединенными Штатами особо оговаривалась в каждом из ежегодных президентских докладов по вопросам внешней политики. В феврале 1970 года, еще до того, как возникли прямые контакты между Вашингтоном и Пекином, в докладе содержался призыв к переговорам с Китаем по практическим вопросам и подчеркивалось, что Соединенные Штаты не будут объединяться с Советским Союзом против Китая. Это, конечно, было обратной стороной предупреждения Москве; предполагалось, что подобный выбор всегда имелся в распоряжении Вашингтона, если обстоятельства принудят его сделать. Доклад, представленный в феврале 1971 года, вновь подтвердил готовность Америки установить контакт с Китаем и заверил Китай в отсутствии у Америки враждебных по отношению к нему намерений:

«Мы готовы установить диалог с Пекином. Мы не можем согласиться с его идеологическими аксиомами, а также с утверждением, будто бы коммунистический Китай должен осуществлять гегемонию над всей Азией. Но мы также не желаем ставить Китай в такое положение в международном плане, которое бы препятствовало ему в защите законных национальных интересов».

И вновь в докладе настоятельно утверждался нейтралитет Америки в конфликте между двумя крупнейшими коммунистическими центрами:

«Мы ничего не предпримем, чтобы обострить этот конфликт или его поощрять. Абсурдно предполагать, что мы способны объединиться с одной из сторон против другой…

В то же время мы не можем позволить ни коммунистическому Китаю, ни СССР диктовать нам политику и образ действий по отношению к противоположной стороне… Мы будем судить о Китае, как и об СССР, не по их риторике, а по их действиям».

Демонстративный отказ от объединения с любым из коммунистических гигантов подталкивал каждого из них улучшить

отношения с Вашингтоном и являлся предупреждением относительно последствий продолжения враждебных действий. В том смысле, в каком Китай и Советский Союз в состоянии были сделать расчет, что они либо нуждаются в американской доброй воле, либо опасаются американского шага в направлении их противника, у них обоих появлялся стимул к улучшению отношений с Соединенными Штатами. И каждому из них было сказано четко и ясно — ибо все это было написано черным по белому, — что предпосылкой для сближения с Вашингтоном является отказ от угроз жизненно важным американским интересам.

Как выяснилось, оказалось легче обрисовать новую структуру отношений с Китаем, чем претворить ее в жизнь. Изоляция в отношении между Америкой и Китаем была до такой степени полной, что ни одна из стран не знала, как вступить в контакт с другой и как убедить другую сторону, что сближение не обернется ловушкой.

Китай испытывал большие трудности отчасти потому, что дипломатия Пекина была непрямой и до такой степени изобиловала нюансами, что большая их часть просто не воспринималась в Вашингтоне. 1 апреля 1969 года — через два месяца после того, как Никсон принял присягу при вступлении в должность, — в докладе Линь Бяо, китайского министра обороны, который вот-вот должен был быть провозглашен наследником Мао, на IX национальном съезде коммунистической партии впервые не прозвучало стандартное до сих пор утверждение, что Соединенные Штаты являются главным врагом Китая. Линь Бяо назвал Советский Союз по крайней мере равной с ними угрозой, и это означало: основополагающая предпосылка дипломатии треугольника была налицо. Линь Бяо также повторил заявление Мао, сделанное в 1965 году в беседе с журналистом Эдгаром Сноу: у Китая не имеется вооруженных сил за рубежом, и у него нет намерения воевать с кем бы то ни было, если на его территорию не будет совершено нападение.

Одной из причин, почему на сигналы Мао реакции не последовало, была существенная переоценка Китаем значения личности Эдгара Сноу в Америке. Сноу, американский журналист, издавна симпатизировавший китайским коммунистам, считался пекинскими лидерами лицом, пользующимся особым доверием в Соединенных Штатах в отношении китайского вопроса. Вашингтон, однако, воспринимал его как орудие коммунистов и не был готов доверять ему свои тайны. Жест Мао, поместившего Сноу рядом с собой на трибуне парада по случаю китайского Дня независимости в октябре 1970 года, пропал для нас втуне. Точно то же произошло с интервью, полученным Сноу от Мао в декабре 1970 года, когда тот пригласил Никсона посетить Китай либо в качестве туриста, либо — президента Америки. Хотя Мао распорядился, чтобы его переводчик сверил записи со Сноу (чтобы удостовериться в точности передачи), Вашингтон так и не узнал об этом приглашении до того момента, когда вопрос, связанный с визитом Никсона, уже через несколько месяцев после этого был урегулирован по другим каналам. А пока что в декабре 1969 года в Варшаве возобновились контакты между Соединенными Штатами и Китаем. Они оказались не более удовлетворительными, чем в прошлом. Никсон проинструктировал Уолтера Стессела, исключительно способного и скрытного американского посла в Варшаве, обратиться к китайскому поверенному в делах на первом же протокольном мероприятии, куда будут приглашены оба, и попросить его о возобновлении переговоров на уровне послов. Такая возможность представилась Стесселу 3 декабря 1969 года при довольно необычных обстоятельствах: на показе югославской моды в варшавском Дворце культуры. Китайский поверенный в делах, не имеющий абсолютно никаких инструкций на случай обращения к нему американского дипломата, поначалу просто убежал. И только тогда, когда Стессел в прямом смысле загнал в угол его переводчика, он смог передать сообщение. К 11 декабря поверенный в делах, однако, уже получил инструкции, как вести себя с американцами, и пригласил Стессела в китайское посольство для возобновления давно начатых варшавских переговоров.

И почти сразу же они зашли в тупик. Повестка дня, включавшая в себя стандартные вопросы каждой из сторон, не оставляла места для рассмотрения подспудных геополитических проблем, которые, с точки зрения Никсона — и, как выяснилось, Мао и Чжоу, — должны были определить будущее китайско-американских отношений. Более того, эти вопросы вентилировались американской стороной посредством громоздких консультаций с Конгрессом и основными союзниками, а это значило, что решение поставленной задачи окажется долгим и мучительным. А в итоге — еще неизвестно, не будет ли наложено на достигнутое множество разных вето!

Результатом переговоров в Варшаве явилось то, что они породили гораздо больше споров внутри правительства Соединенных Штатов, чем на встречах сторон. Мы с Никсоном испытали своего рода чувство облегчения, когда узнали, что Китай прерывает переговоры на уровне послов в знак протеста против американского удара по лагерям в Камбодже в мае 1970 года. С тех пор обе стороны стали искать более подходящий канал. Эту потребность затем удовлетворило пакистанское правительство. Кульминацией этих контактов, происходивших в ускоренном темпе, явилась моя тайная поездка в Пекин в июле 1971 года.

Я еще не встречал таких собеседников, которые были бы столь восприимчивы к никсоновскому стилю дипломатии, как китайские руководители. Как и Никсон, они считали традиционные вопросы повестки дня делом второстепенным, и прежде всего их заботило выяснение того, возможно ли сотрудничество на базе согласования интересов. Вот почему позднее одним из первых замечаний Мао, адресованных Никсону, было: «Маленьким вопросом является Тайвань; большим вопросом является весь мир».

А конкретно китайские руководители хотели получить заверения в том, что Америка не будет сотрудничать с Кремлем в деле реализации «доктрины Брежнева»; Никсон же желал знать, до какой степени Китай сможет сотрудничать с Америкой в области противодействия советской геополитической угрозе. Цели каждой из сторон были, по существу, концептуальны, хотя рано или поздно каждая из них должна была адекватно претвориться в дипломатическую практику. Ощущение наличия взаимных интересов должно было родиться из убедительности представления каждой из сторон своего видения мира — задачи, для которой в высшей степени годился Никсон. По этой причине ранние стадии китайско-американского диалога концентрировали свое внимание на сопоставлении концепций и фундаментальных подходов. Мао, Чжоу, а позднее и Дэн оказались выдающимися

личностями. Мао был визионером, жестким, безжалостным, часто кровожадным революционером; Чжоу — элегантным, очаровательным, блестящим администратором; а Дэн — реформатором глубинных убеждений. Все трое являлись воплощением общих традиций усерднейшего анализа и совмещения опыта древнейшей страны и инстинктивного разграничения между перманентным и тактически обусловленным.

Их переговорный стиль разительно отличался от стиля советской стороны. Советские дипломаты почти никогда не обсуждают вопросы концептуального характера. Их тактикой является упор на проблему, интересующую Москву в данный конкретный момент, и настоятельное упорство в достижении ее разрешения, рассчитанное не столько на то, чтобы убедить собеседников, сколько на то, чтобы их вымотать. Настойчивость и упорство, с которыми советские участники переговоров проводили в жизнь решения Политбюро, отражали железный характер дисциплины и внутренний стиль советской политической деятельности, превращая высокую политику в изнурительную мелочную торговлю. Квинтэссенцию подобного подхода к внешнеполитической дипломатической деятельности олицетворял Громыко.

Китайские руководители представляли собой в эмоциональном плане более прочное сообщество. Их не столько интересовали тонкости формулировок, сколько установление обстановки доверия. На встрече Никсона с Мао китайский руководитель не тратил времени на заверения президента в том, что Китай не будет применять силу против Тайваня. «Мы в настоящее время обходимся без него (Тайваня) и займемся этим через сто лет». Мао не просил взаимности, сделав заявление, которого Америка ждала двадцать лет.

В феврале 1972 года Никсон подписал Шанхайское коммюнике, которое стало путеводным ориентиром для китайско-американских отношений на последующее десятилетие. Коммюнике обладало беспрецедентной особенностью: более половины текста было посвящено констатации противоположных точек зрения обеих сторон по вопросам идеологии, международных отношений, Вьетнама и Тайваня. Странным образом перечень расхождений придавал большее значение тем вопросам, по которым обе стороны договорились. В коммюнике утверждалось, что:

— прогресс в направлении нормализации отношений между Китаем и Соединенными Штатами служит интересам всех стран;

— обе стороны желают уменьшить опасность возникновения международного военного конфликта;

— ни одна из сторон не претендует на гегемонию в азиатско-тихоокеанском регионе, и каждая из них будет противостоять усилиям любой другой страны или группы стран установить подобную гегемонию;

— ни одна из сторон не собирается вести переговоры от имени любой третьей стороны, или вступать в соглашения, направленные против прочих государств.

Если убрать дипломатический жаргон, то смысл этих соглашений заключался по меньшей мере в том, что Китай не будет ничего делать, чтобы обострить ситуацию в Индокитае или Корее, что ни Китай, ни Соединенные Штаты не будут сотрудничать с советским блоком и что обе страны будут противостоять попыткам любой из стран добиться господства в Азии. Поскольку единственной страной, способной добиться господства в Азии, был Советский Союз, в силу вступала молчаливая договоренность союзного характера блокировать советский экспансионизм в Азии (по типу Антанты между Великобританией и Францией в 1904 году и между Великобританией и Россией в 1907 году).

В пределах года взаимопонимание между Соединенными Штатами и Китаем превратилось в нечто более конкретное и нечто более глобальное: в коммюнике, опубликованном в феврале 1973 года, Китай и Соединенные Штаты договорились совместно (уровень выше, чем «обязательства, принимаемые на себя каждой из сторон») противодействовать (уровень выше, чем «противостоять» в Шанхайском коммюнике) попыткам любой из стран установить мировое (уровень выше, чем «над Азией») господство. На протяжении каких-то полутора лет китайско-американские отношения превратились из откровенно враждебных и изоляционистских по отношению друг к другу в де-факто союзные против преобладающей угрозы.

Шанхайское коммюнике и предшествовавшая ему дипломатическая деятельность позволили администрации Никсона создать то, что она назвала, пусть, быть может, слишком высокопарно, новой структурой сохранения мира. Как только Америка объявила о сближении с Китаем, характер международных отношений резко переменился. Позднее отношения с Китаем стали именоваться на Западе китайской «картой», как будто политика неуступчивых лидеров, правящих из Запретного Города, могла замышляться в Вашингтоне. На деле китайская «карта» либо разыгрывала себя сама, либо вовсе не существовала. Роль американской политики заключалась в том, чтобы очертить определенные границы готовности каждой из наций поддержать другую, когда их национальные интересы совпадают.

Согласно анализу Никсона и его советников, пока Китаю в большей степени есть чего опасаться со стороны Советского Союза, чем со стороны Соединенных Штатов, собственные интересы Китая заставят его сотрудничать с Соединенными Штатами. Согласно той же схеме Китай будет противостоять советскому экспансионизму не в качестве услуги Соединенным Штатам, пусть даже это пойдет на пользу и Америке, и Китаю одновременно. Допустим, что на Никсона произвела впечатление ясность мысли китайских руководителей, особенно премьера Чжоу Эньлая. И все же Соединенным Штатам незачем было безоговорочно вставать на одну из конфликтных сторон. Переговорная позиция Америки становилась наиболее сильной, когда Америка оказывалась ближе к каждому из коммунистических гигантов — Китаю и Советскому Союзу, — чем они сами друг к другу.

После американского сближения с Китаем Советский Союз стоял перед лицом вызова на двух фронтах: со стороны НАТО на Западе и со стороны Китая на Востоке. В период, который в другом смысле был вершиной советской уверенности в себе и

точкой падения для Америки, администрации Никсона удалось перетасовать колоду. Она продолжала следить за тем, чтобы всеобщая война оставалась чересчур рискованной для Советов. После сближения с Китаем советское давление ниже уровня всеобщей войны становилось точно так же чересчур рискованным, поскольку потенциально могло ускорить столь опасное китайско-американское примирение. Как только Америка встала на путь сближения с Китаем, наилучшим выбором для Советского Союза стало, в свою очередь, ослабление напряженности с Соединенными Штатами. Поскольку в теории Кремль мог предложить Соединенным Штатам больше, чем Китай, он даже лелеял мечты преуспеть в том, чтобы искусными маневрами убедить Америку заключить нечто вроде союза, направленного против Китая, что и было топорно предложено Брежневым Никсону как в 1973, так и в 1974 году.

Применяя новый подход в области внешней политики, Америка вовсе не собиралась поддерживать более сильного против более слабого в любой из ситуаций, связанных с наличием равновесия сил. Будучи страной с наибольшими физическими возможностями нарушить мир, Советский Союз обретал стимул умерять существующие кризисы и не создавать новых, коль скоро его ожидало противодействие на двух фронтах. А Китай, возможности которого позволяли нарушить равновесие сил в Азии, сдерживался бы необходимостью сохранять добрую волю Америки, ставящей пределы советскому авантюризму. И на этом фоне администрация Никсона могла бы попытаться решить практические вопросы с Советским Союзом, одновременно поддерживая глобальный концептуальный диалог с Китаем.

Хотя многие эксперты по Советскому Союзу предупреждали Никсона, что улучшение отношений с Китаем отрицательно повлияет на советско-американские отношения, случилось как раз прямо противоположное. До моей секретной поездки в Китай Москва в течение года замораживала организацию встречи на высшем уровне между Брежневым и Никсоном. Посредством своего рода обратной взаимозависимости она пыталась подчинить встречу на высшем уровне целому ряду условий. И вдруг, не прошло и месяца с моего визита в Пекин, как Кремль резко переменил свою позицию и пригласил Никсона в Москву. Ускорились все советско-американские переговоры, едва лишь советские руководители оставили попытки добиться односторонних уступок со стороны Америки…

Важную роль в европейской политике периода холодной войны играл «фактор Берлинской стены». После сооружения Берлинской стены в 1961 году вопрос объединения Германии стал исчезать из повестки дня в переговорах между Востоком и Западом, а германское стремление к единству было временно отложено в долгий ящик. В эти годы де Голль решил прозондировать возможность ведения переговоров с Москвой независимо от Соединенных Штатов посредством провозглашения политики «разрядки, согласия и сотрудничества» с Восточной Европой. Надеялся он на то, что, если Москва будет воспринимать Европу как самостоятельно действующую сторону, а не как американского сателлита, кремлевские руководители, с учетом наличия у них проблем с Китаем, возможно, ослабят мертвую хватку, которой они удерживали Восточную Европу. Де Голль хотел, чтобы Западная Германия в какой-то мере отошла бы от Вашингтона и последовала бы за Францией в ее обращении к Советам.

Анализ, сделанный де Голлем, был совершенно верен, но он переоценил возможности Франции воспользоваться быстротекущими изменениями в международном положении. Федеративная Республика не была настроена поворачиваться спиной к могущественной Америке. Тем не менее концепция де Голля нашла определенный отклик у некоторых западногерманских лидеров, которые пришли к мысли, что Федеративная Республика обладает такими переговорными плюсами, которых нет в распоряжении Франции. Брандт, являвшийся министром иностранных дел, когда генерал разыгрывал свой гамбит, понял, что лежало в основе представлений де Голля. Немцы, поддерживавшие инициативу де Голля, вспоминает он, «не смогли уяснить, что генерал не собирается претворять в жизнь их мечту о европейских силах ядерного устрашения (он твердо исключал германское в них участие). Они также не обращали внимания на тот факт, что он занимался разработкой такой политики разрядки, которую никогда бы не поддержало правое крыло Союза (германской консервативной партии) и которая во многих отношениях прокладывала дорогу нашей будущей "восточной политике"».

Советское вторжение в Чехословакию положило конец инициативе де Голля, но по иронии судьбы открыло дорогу Брандту, когда в 1969 году настал его черед быть западногерманским руководителем.

Брандт тогда выдвинул парадоксальный для того времени тезис, будто, поскольку надежда на Запад завела страну в тупик, объединение Германии может быть достигнуто путем германского примирения с коммунистическим миром. Он настаивал на том, чтобы его страна признала восточногерманское государство-сателлит, согласилась с польской границей (по линии Одер — Нейссе) и улучшила отношения с Советским Союзом. А когда ослабнет напряженность в отношениях между Востоком и Западом, Советский Союз, не исключено, окажется гораздо менее жестким в вопросах объединения. По крайней мере, могут быть значительно улучшены условия жизни восточногерманского населения.

Первоначально у администрации Никсона преобладала острейшая настороженность по поводу того, что Брандт называл «восточной политикой». Поскольку каждое из германских государств стремилось увлечь за собой другое, они могли в конце концов сойтись на какой-нибудь националистической, нейтралистской программе, чего опасались Аденауэр и де Голль. Федеративная Республика обладала более привлекательной политической и социальной системой; у коммунистов было то преимущество, что если их государство признают, то факт этот станет необратимым, и в их руках будет находиться ключ к объединению. Более всего администрация Никсона опасалась за единство Запада. Де Голль уже разорвал объединенный фронт Запада против Москвы, выведя Францию из НАТО и проводя собственную политику разрядки с Кремлем. Призрак Западной Германии, вырывающейся на волю и действующей самостоятельно, бросал Вашингтон в дрожь.

И все же, по мере развития инициативы Брандта, до Никсона и его окружения стало доходить, что, несмотря на все тернии «восточной политики», альтернатива была еще рискованнее. Внезапно стало до предела ясно, что «доктрина Халштейна»

нежизнеспособна. К середине 60-х годов сам Бонн вынужден был ее скорректировать применительно к восточноевропейским коммунистическим правительствам на том весьма зыбком основании, что они не обладают свободой самостоятельного принятия решений.

Проблема, однако, оказалась гораздо глубже. В 60-е годы и в голову не могло прийти, что Москва позволит своему восточногерманскому сателлиту рухнуть без какого бы то ни было кризиса. А любой кризис, который мог бы оказаться результатом настоятельного стремления Германии к осуществлению своих национальных чаяний или мог быть воспринят подобным образом, нес бы в себе мощнейший разрушительный потенциал для Западного альянса. Ни один из союзников не пожелал бы пойти на риск возникновения войны ради объединения страны, ставшей причиной стольких страданий в военное время. Никто не ринулся на баррикады, когда Никита Хрущев пригрозил передать пути доступа в Берлин под контроль восточногерманских коммунистов. Все без исключения западные союзники смирились с сооружением стены, разделившей Берлин и ставшей символом разделенной Германии. В течение многих лет демократические страны на словах выступали в защиту идеи германского единства, но ничего не делали ради ее осуществления. Этот подход исчерпал все пределы своих возможностей. Германская политика Атлантического союза терпела крах.

Поэтому Никсон и его советники пришли к признанию «восточной политики» необходимостью, даже полагая, что Брандт, в отличие от Аденауэра, никогда не был эмоционально близок Атлантическому союзу. Существовали только три державы, способные нарушить послевоенный статус-кво в Европе: обе сверхдержавы и Германия, если бы она решила пожертвовать всем ради объединения. В 60-е годы деголлевская Франция попыталась перекроить сложившиеся сферы влияния и потерпела неудачу. Но если бы Германия, экономически самая мощная из стран Европы и обладающая наибольшими поводами для недовольства в территориальном плане, попыталась разрушить послевоенный порядок, последствия могли бы быть самыми серьезными. И когда Брандт выказал намерения самостоятельно сделать шаг по направлению к Востоку, администрация Никсона сделала вывод, что Соединенным Штатам следует его поддержать, а не препятствовать его усилиям и идти на риск отрыва Федеративной Республики от связующей общности НАТО. Ведь это автоматически освободит ее от ограничений, налагаемых членством в Европейском экономическом сообществе!

Более того, поддержка «восточной политики» давала в руки Америки рычаги, необходимые для того, чтобы покончить с двадцатилетним кризисом по поводу Берлина. Администрация Никсона настаивала на строжайшей взаимосвязи «восточной политики» и вопроса доступа в Берлин, а также между обеими этими проблемами и советской сдержанностью в общем плане. Поскольку «восточная политика» базировалась на конкретных германских уступках: признании линии Одер — Нейссе и восточногерманского режима в обмен на столь неосязаемые вещи, как улучшение отношений, — Брандт никогда бы не получил парламентского одобрения, если бы это не было увязано с конкретными новыми гарантиями доступа в Берлин и свободы города-анклава. Иначе Берлин оказался бы жертвой коммунистических издевательств, будучи расположен на 110 миль вглубь территории восточногерманского сателлита, суверенитет которого был бы теперь признан международным сообществом, то есть возникла бы как раз та самая ситуация, которую пытались породить Сталин и Хрущев при помощи блокад и ультиматумов. В то же время Бонн не обладал достаточными средствами для самостоятельного решения берлинского вопроса. Только Америка была настолько сильна, чтобы преодолеть потенциальное давление, унаследованное вместе с изоляцией Берлина, и обладала дипломатическими рычагами, чтобы изменить процедуру доступа.

Юридический статус Берлина как анклава, располагающегося в глубине находящейся под советским контролем территории, основывался на правовой фикции, будто бы он с формальной точки зрения «оккупирован» четырьмя державами — победительницами во Второй мировой войне. Таким образом, переговоры по Берлину вынужденно сводились к дискуссиям между Соединенными Штатами, Францией, Великобританией и Советским Союзом. По ходу дела как советское руководство, так и Брандт (через своего исключительно умелого помощника Эгона Бара) обратились к Вашингтону с просьбой о помощи в выходе из тупика. В результате сложнейших переговоров летом 1971 года было подписано новое соглашение четырех держав, гарантирующее свободу Западного Берлина и доступ Запада в город. С того момента Берлин исчез из перечня международных кризисных точек. В следующий раз он появится в мировой повестке дня тогда, когда рухнет стена и настанет крах Германской Демократической Республики.

В дополнение к соглашению по Берлину «восточная политика» Брандта принесла с собой договоры о дружбе между Западной Германией и Польшей, между Западной и Восточной Германией и между Западной Германией и Советским Союзом. То, что Советы делали такой упор на признание Западной Германией границ, установленных Сталиным, на деле являлось признаком слабости и неуверенности в себе. Федеративная Республика, будучи усеченным государством, по сути дела, не в состоянии была бы бросить вызов ядерной сверхдержаве. В то же время эти договоры дали Советам гигантский стимул к сдержанности поведения хотя бы на период их обсуждения и ратификации. Когда эти договоры оказались на рассмотрении западногерманского парламента, Советы воздерживались от чего бы то ни было, что могло бы повредить их одобрению; а потом они проявляли особую осторожность, чтобы не побуждать Германию вернуться вспять, к политике Аденауэра. И потому, когда Никсон решил заминировать северовьетнамские порты и возобновить бомбардировки Ханоя, Москва в ответ в основном помалкивала. Пока положение Никсона во внутриполитическом плане было прочным, разрядка с успехом сводила воедино целый ряд проблем отношений Востока и Запада в масштабах всего земного шара. И если Советы хотели пожать плоды разрядки напряженности, они также были обязаны внести свой вклад в ее успех.

В то время как в Центральной Европе администрация Никсона была в состоянии связать отдельные переговоры друг с другом, на Ближнем Востоке она использовала политику разрядки как подстраховку в процессе уменьшения политического влияния Советского Союза. В 60-е годы Советский Союз стал основным поставщиком оружия для Сирии и Египта и организационно-технической опорой радикальных арабских группировок. На международных форумах Советский Союз действовал как глашатай

арабской позиции, причем весьма часто поддерживал наиболее радикальную точку зрения.

И пока такого рода ситуация существовала, дипломатический успех приписывался советской поддержке, а тупиковые ситуации были чреваты риском повторения кризисов. Выход из тупика мог бы быть найден только тогда, когда все заинтересованные стороны трезво оценили бы основополагающую геополитическую реальность Ближнего Востока: Израиль был слишком силен (или мог быть сделан таковым), чтобы его смогли победить даже сообща все его соседи, а Соединенные Штаты не останутся безучастными в случае советского вмешательства. Поэтому администрация Никсона настаивала на том, чтобы все стороны, а не только союзники Америки, проявили готовность пойти на жертвы, прежде чем Америка окажется вовлечена в мирный процесс. Советский Союз обладал достаточно внушительными возможностями поднять уровень напряженности, но у него не было в распоряжении средств довести кризис до стадии разрешения или защищать дело своих друзей дипломатическими средствами. Он мог угрожать интервенцией, как это было в 1956 году, но опыт доказывал слишком часто, что перед американским противодействием Советы предпочитали отступать.

Ключ к миру на Ближнем Востоке, следовательно, находился в Вашингтоне, а не в Москве. Если бы Соединенные Штаты аккуратно разыграли свои карты, либо Советский Союз вынужден был бы сделать вклад в подлинное разрешение конфликта, либо один из арабских его клиентов шагнул бы из строя в сторону Соединенных Штатов. В любом случае сократилось бы советское влияние на радикальные арабские государства. Вот почему в самом начале первого срока пребывания Никсона на посту президента я почувствовал себя достаточно уверенно, чтобы заявить журналисту: новая администрация постарается устранить советское влияние на Ближнем Востоке. Хотя столь неосторожное замечание произвело фурор, оно точно обрисовывало стратегию, к которой собиралась прибегнуть администрация Никсона.

Не понимая стоящей перед ними стратегической дилеммы, советские руководители попытались побудить Вашингтон к оказанию поддержки дипломатическим шагам, исход которых укрепил бы советские позиции в арабском мире. Но пока Советский Союз продолжал снабжать радикальные ближне— и средневосточные государства горами оружия, а их дипломатические программы были идентичны, Соединенные Штаты не интересовало сотрудничество с Москвой, хотя это было не совсем ясно тем, кто считал сотрудничество с Советским Союзом самоцелью. С точки зрения Никсона и его советников, наилучшей стратегией была бы демонстрация того, что возможности Советского Союза создавать кризисы не соответствовали его способностям их разрешать. Арабская умеренность вознаграждалась бы предоставлением ответственным арабским руководителям американской помощи и поддержки в тех случаях, когда их жалобы носили законный характер. Советский Союз тогда вынужден был бы либо принимать в этом участие, либо отойти на задворки ближневосточной дипломатии.

В процессе достижения этих целей Соединенные Штаты следовали двумя дополняющими друг друга путями: они блокировали любой шаг арабов, который проистекал бы из советской военной поддержки или мог бы повлечь за собой возникновение советской военной угрозы; а также брали в свои руки мирный процесс, как только разочарование из-за тупиковой ситуации заставляло ведущих арабских лидеров отъединяться от Советского Союза и поворачиваться к Соединенным Штатам. Такого рода обстоятельства создались после арабо-израильской войны 1973 года.

Первый признак того, что стратегия Никсона начинает оказывать влияние, появился в 1972 году. Египетский президент Анвар Садат отказался от услуг всех советских военных советников и попросил советских технических специалистов покинуть страну. Одновременно начались тайные дипломатические контакты между Садатом и Белым домом, хотя они и были достаточно ограниченными: вначале из-за американских президентских выборов, а потом из-за «уотергейта».

В 1973 году Египет и Сирия начали войну против Израиля. Это явилось полной неожиданностью как для Израиля, так и для Соединенных Штатов. Такой возможности никак не предполагали основанные на предвзятых мнениях разведывательные прогнозы! Американский прогноз был до такой степени подчинен идее о всеподавляющем превосходстве Израиля, что все арабские предупреждения отбрасывались как блеф. Нет доказательств тому, что Советский Союз активно подталкивал Египет и Сирию к войне, а Садат позднее рассказывал нам, что советские руководители с самого начала призывали к прекращению огня. Да и советские дополнительные поставки своим арабским друзьям даже отдаленно не напоминали по объему и качеству воздушный мост из Америки в Израиль.

По окончании войны стало ясно, что арабские армии воевали гораздо более эффективно, чем в любом из предыдущих конфликтов. Зато Израиль форсировал Суэцкий канал в точке, находящейся на расстоянии примерно двадцати миль от Каира, и занял сирийскую территорию вплоть до самых пригородов Дамаска. Потребовалась американская поддержка, во-первых, для того, чтобы восстановить довоенный статус-кво, а затем, чтобы продвинуться к миру.

Первым арабским лидером, признавшим это, оказался Садат, который отказался от своего прежнего принципа «все или ничего» и, отвернувшись от Москвы, обратился к Вашингтону в поисках содействия в постепенном продвижении к миру. Даже сирийский президент Хафез Асад, считавшийся наиболее радикальным из двух лидеров и более близкий к Советскому Союзу, обратился с призывом к американской дипломатии по проводу Голанских высот. В 1974 году были заключены промежуточные соглашения с Египтом и Сирией, с которых начался уход Израиля с арабских территорий в обмен на гарантии безопасности. В 1975 году Израиль и Египет заключили второе соглашение о разведении войск. В 1979 году Египет и Израиль заключили официальное мирное соглашение под эгидой президента Картера. С того времени каждая из американских администраций вносила свой крупный вклад в процесс мирного урегулирования, включая первые прямые переговоры между арабами и израильтянами в 1991 году, организованные государственным секретарем Джеймсом Бэйкером, и израильско-палестинское соглашение, заключенное под эгидой Клинтона в сентябре 1993 года. Кремль ни в одной из этих инициатив не играл существенной роли.

Как предмет дипломатических переговоров вопрос еврейской эмиграции из Советского Союза был порождением администрации Никсона. До 1969 года ничего подобного никогда не стояло в повестке дня при диалоге между Востоком и Западом; все прочие администрации обеих партий трактовали его как предмет внутренней юрисдикции Советского Союза. В 1968 году только 400 евреям было позволено эмигрировать из Советского Союза, и ни одна из демократических стран этого вопроса не затронула.

По мере улучшения американо-советских отношений администрация Никсона начала обсуждать проблему эмиграции в форме президентских закулисных переговоров, сопровождая это тем доводом, что советские действия не остаются незамеченными на самых высоких уровнях власти в Америке. Кремль начал реагировать на американские «соображения», особенно после того, как советско-американские отношения стали улучшаться. Каждый год росло число еврейских эмигрантов, и к 1973 году общее их число достигло 35 тыс. в год. Кроме того, Белый дом регулярно направлял советским руководителям перечень трудных случаев: когда конкретным лицам отказывали в выездной визе, или когда разлучались семьи, или когда кто-то попадал в тюрьму. Большинству из этих советских граждан было позволено эмигрировать.

Все это осуществлялось посредством того, что при изучении начального курса дипломатии именуется «молчаливым торгом». Не делается никаких официальных запросов, не дается никаких официальных ответов. Советские действия совершаются, не получая формального подтверждения. Но порядок эмиграции из Советского Союза постоянно совершенствовался, хотя Вашингтон никогда не предъявлял по этому поводу конкретных претензий. Администрация Никсона до того строго придерживалась подобных правил, что никогда не ставила себе в заслугу смягчение участи советских эмигрантов — даже во время избирательных кампаний — до тех пор, пока сенатор Генри Джексон не превратил вопрос еврейской эмиграции в предмет общественной конфронтации.

Джексона подвигло на это курьезное решение Кремля летом 1972 года наложить «выездной сбор» на эмигрантов якобы для того, чтобы возместить советскому государству расходы на образование отъезжающих граждан. Никаких объяснений дано не было; возможно, это была попытка подать себя наиболее выгодным образом в арабском мире, непрочность позиции которого наглядно продемонстрировало удаление из Египта советских боевых подразделений. А может быть, налог на отъезжающих был придуман как средство изыскания источников поступления иностранной валюты в надежде на то, что ее заплатят американские сторонники роста эмиграции. Боясь, что поток эмиграции иссякнет, еврейские группировки обращались как к администрации Никсона, так и к их неизменной опоре — Генри Джексону.

В то время как администрация Никсона продолжала действовать тихой сапой, чтобы разрешить этот вопрос с послом Добрыниным, Джексон изобрел оригинальное средство публичного оказания давления на Советский Союз. В рамках встречи 1972 года было подписано соглашение между Соединенными Штатами и Советским Союзом, предоставляющее Советскому Союзу статус наиболее благоприятствуемой нации в обмен на урегулирование оставшихся со времен войны долгов по ленд-лизу. В октябре 1972 года Джексон предложил поправку, запрещавшую предоставление статуса наиболее благоприятствуемой нации любой из стран, искусственно ограничивающих эмиграцию.

Это был блестящий в тактическом отношении ход. Сами слова «статус наибольшего благоприятствования» звучат весьма значительно, хотя по сути это означает всего лишь отсутствие дискриминации. Статус этот не дает никаких особых привилегий, но просто предоставляет реципиенту привилегии, имеющиеся у всех наций, с которыми Соединенные Штаты поддерживают нормальные коммерческие отношения (а число их тогда превышало сотню). Режим наибольшего благоприятствования способствует развитию нормальной торговли на базе коммерческой взаимности. С учетом состояния советской экономики объем такого рода торговли заведомо не мог быть большим. Зато при помощи поправки Джексона удалось достичь того, что советская эмиграционная практика стала не только предметом открытой дипломатической деятельности, но и законодательной деятельности американского Конгресса.

По существу предмета разногласий между администрацией и Джексоном не было. Более того, администрация заняла твердую точку зрения и по ряду других вопросов, связанных с правами человека. К примеру, я неоднократно и настойчиво обращался к Добрынину по поводу писателя-диссидента Александра Солженицына, что способствовало его отъезду из Советского Союза. Джексон, однако, не поощрял тихой дипломатии применительно к правам человека и настаивал на том, чтобы американская преданность этому делу демонстрировалась открыто и напоказ, чтобы успехи вознаграждались, а неудачи влекли за собой негативные последствия.

Для Джексона и его сторонников вопрос еврейской эмиграции был внешним выражением идеологической конфронтации с коммунизмом. Неудивительно, что каждую советскую уступку они рассматривали с точки зрения успешности своей тактики давления. Советские руководители отменили выездной сбор: вследствие ли представлений со стороны Белого дома, или в силу поправки Джексона, или благодаря и тому и другому, что наиболее вероятно, — мы, однако, сможем точно узнать это лишь тогда, когда раскроются советские архивы. Воспрявшие духом критики администрации потребовали увеличения вдвое численности еврейской эмиграции и снятия запретов на эмиграцию других национальностей в соответствии со схемой, подлежащей одобрению со стороны Соединенных Штатов. Силами сторонников Джексона были также законодательно оформлены ограничения по займам и кредитам Советскому Союзу со стороны Экспортно-импортного банка (поправка Стивенсона), так что в коммерческих вопросах Советский Союз в итоге очутился в худшем положении после начала разрядки по сравнению с ситуацией до начала ослабления напряженности между Востоком и Западом.

Будучи руководителем страны, которая только-только начинала приходить в себя после изнурительной вьетнамской войны, но зато входила в полосу кризиса президентской власти, Никсон шел только на такой риск, который соответствовал его концепции национальных интересов и который его страна была бы готова поддержать. Зато его критики желали, чтобы американская

дипломатия довела советскую систему до краха посредством требования односторонних уступок в деле контроля над вооружениями, ограничения торговли и демонстративной защиты прав человека. По ходу дела произошло кардинальное изменение позиций ряда основных участников общенациональных дебатов. «Нью-Йорк таймс» в одной из передовых статей в 1971 году предупреждала, что «тактика ограничения торговли с Америкой в качестве рычага позднейших уступок по поводу не связанных с этим вопросов в еще меньшей степени способна положительно повлиять на советскую политику, чем сама торговля…». Через два года автор передовиц сменил курс. Он осудил поездку министра финансов Джорджа Шульца в Советский Союз, объявив ее свидетельством того, что «администрация до такой степени заинтересована в торговле и разрядке, что готова отодвинуть в сторону в равной степени весомую озабоченность американского народа вопросами прав человека где бы то ни было».

Никсон старался поощрять умеренность в поведении Советского Союза на международной арене посредством лакмусовой бумажки роста торговли с Америкой, показывающей качество советской внешней политики. Его оппоненты пытались провести принцип увязки еще дальше, чтобы попытаться при помощи торговли стимулировать радикальные внутренние перемены в Советском Союзе в те времена, когда Советский Союз был еще силен и уверен в себе. Всего за четыре года до этого осуждаемый как глашатай холодной войны, Никсон теперь подвергался осуждению за исключительную мягкость и доверчивость в отношении Советского Союза — безусловно, впервые такого рода обвинение адресовалось человеку, который начал свою политическую карьеру антикоммунистическими расследованиями конца 40-х годов.

Вскоре был брошен вызов самой концепции улучшения советско-американских отношений, как это было сделано в передовой статье «Вашингтон пост»:

«Самый трудный вопрос по поводу того, что же является сущностью советско-американской разрядки, переходит из фазы дебатов в фазу политики. Значительное число американцев, похоже, приходит к убеждению, что улучшение отношений с Советским Союзом нежелательно, невозможно и небезопасно, пока Кремль не либерализирует кое-какие вопросы своей внутренней политики»«.

Споры превратились в дебаты, суть которых была известна еще со времен Джона Квинси Адамса и заключалась в том, должны ли Соединенные Штаты довольствоваться утверждением собственных моральных ценностей или обязаны начинать в их защиту крестовый поход. Никсон пытался соотнести цели и задачи Америки с ее возможностями. В этих пределах он был готов воспользоваться влиянием Америки для пропаганды ее ценностей, что доказывается его поведением по вопросу еврейской эмиграции.

Критики требовали от него немедленного воплощения в жизнь универсальных принципов и отмахивались с нетерпением от понятия целесообразности, считая ссылку на него доказательством морального несоответствия или исторического пессимизма. Утверждая исключительность американского идеализма, администрация Никсона полагала, что он исполняет важную просветительскую функцию. В тот момент, когда Америку наставляли, что она на примере Вьетнама должна научиться определять пределы геополитических возможностей, фигуры общенационального масштаба в авангарде критикующих вьетнамскую политику настаивали на том, чтобы страна избрала курс неограниченного и глобального вмешательства в проблемы мировой гуманности. Какая ирония судьбы!

Как потом покажут годы пребывания Рейгана на президентском посту, более решительная политика по отношению к Советскому Союзу породила ряд успехов и достижений, хотя эти успехи стали очевидны лишь на позднейшей стадии советско-американских отношений. Но когда только разгорались дебаты по поводу разрядки, Америке еще предстояло оправиться после Вьетнама и позабыть про «уотергейт». А у советских лидеров должна была произойти смена поколений. Но то, как разворачивались дебаты в начале 70-х годов, тем не менее позволило сохранить определенное равновесие между идеализмом, пронизывающим все великие американские инициативы, и реализмом, предопределенным переменой глобальной обстановки.

Критики разрядки упрощали предмет спора до предела; администрация Никсона во вред себе чересчур педантично отвечала на все вопросы. Уязвленный нападками со стороны бывших друзей и союзников, Никсон отмахивался от критики, как политически мотивированной. Каким бы верным ни было это его предположение, вряд ли надо обладать глубинной проницательностью, чтобы обвинять профессиональных политиков в наличии у них политических мотивов. Администрации следовало бы задать себе вопрос: почему столько политиков сочло для себя целесообразным присоединиться к лагерю Джексона.

Очутившись в тисках между уравнительным морализаторством и чрезмерным упором на геополитику, американская политика к концу срока пребывания Никсона на посту президента оказалась в тупике. Пряник роста торговли был припрятан, кнут роста оборонных расходов, или даже готовность противостоять геополитическим конфронтациям, и вовсе отсутствовал. Переговоры об ОСВ замерли; еврейская эмиграция из Советского Союза превратилась в тоненькую струйку; а коммунистическое геополитическое наступление возобновилось с направлением кубинского экспедиционного корпуса в Анголу, где образовалось коммунистическое правительство, в то время как американские консерваторы выступали против твердого американского ответа на это. Я обрисовал эти трудности следующим образом:

«Если одна группировка критиков подрывает ведение переговоров по контролю над вооружениями и устраняет перспективы более конструктивных связей с Советским Союзом, то другая группировка урезает наши оборонные бюджеты и сокращает разведывательные службы, что становится серьезной помехой сопротивляемости Америки советскому авантюризму, причем объединенное воздействие обеих тенденций, независимо от первоначальных намерений каждой из группировок, в итоге приводит к тому, что разрушает способность нации вести твердую, изобретательную, умеренную и благоразумную внешнюю политику»…

Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе, в котором приняло участие тридцать пять государств и результатом которого явились Хельсинкские соглашения, потомки назовут значительнейшим дипломатическим достижением Запада. Этот громоздкий дипломатический процесс имел в своей основе глубоко укоренившееся у Москвы чувство неуверенности в себе и неуемную жажду легитимизации. Даже создав гигантский военный истеблишмент и удерживая при себе более сотни наций, Кремль действовал так, словно постоянно нуждался в подтверждении собственного могущества. Независимо от наличия огромного и постоянно растущего ядерного арсенала, Советский Союз требовал от тех самых стран, которым он угрожал в течение десятилетий и которых приговорил к тому, чтобы они оказались на мусорной свалке истории, той или иной формулировки, при помощи которой освящались бы их приобретения. В этом смысле Европейское Совещание стало брежневским эрзацем хрущевскому мирному договору с Германией, которого Хрущеву так и не удалось добиться при помощи берлинского ультиматума, и крупномасштабным подтверждением послевоенного статус-кво.

Конкретная выгода, предусмотренная Москвой, вовсе не была самоочевидной. Настоятельное желание колыбели идеологической революции получить подтверждение собственной легитимности со стороны заведомых жертв исторической необходимости являлось симптомом исключительной неуверенности в себе. Возможно, советские руководители делали ставку на вероятность того, что конференция создаст по окончании какие-либо институты, которые либо растворят в себе НАТО, либо лишат его какого бы то ни было значения.

Это являлось чистейшим самообманом. Ни одна из стран НАТО не собиралась подменять декларативно-бюрократическими конструкциями Европейского Совещания военные реалии НАТО или присутствие американских вооруженных сил на континенте. Москва, как выяснилось позднее, теряла от этой конференции гораздо больше, чем демократические страны, ибо в итоге она предоставила всем своим участникам, включая Соединенные Штаты, право голоса в вопросах политического устройства Восточной Европы.

После периода сомнений администрация Никсона согласилась с предложением о проведении Совещания. Отдавая себе отчет в том, что у Советского Союза существует свой, прямо противоположный план его проведения, мы тем не менее воспользовались столь далеко идущими возможностями. Границы стран Восточной Европы давно уже были признаны мирными договорами, заключенными по окончании Второй мировой войны между военными союзниками и военными сателлитами Германии в Восточной Европе. Они затем были четко подтверждены в двухсторонних соглашениях, заключенных Вилли Брандтом между Федеративной Республикой и странами Восточной Европы, а также между другими демократическими странами НАТО, особенно Францией, и странами Восточной Европы (включая Польшу и Советский Союз). Более того, все союзники по НАТО настаивали на проведении Европейского Совещания по вопросам безопасности; на каждой из встреч с советскими представителями западноевропейские лидеры делали очередной шаг в сторону принятия советской повестки дня.

И тогда в 1971 году администрация Никсона решила включить Европейское Совещание по безопасности в число своего списка инициатив, стимулирующих советскую сдержанность. Мы применили стратегию «увязывания», итоги которой подвел откровенно и точно советник государственного департамента Хельмут Зонненфельдт: «Мы воспользовались ею ради заключения Германо-Советского договора, мы воспользовались ею ради соглашения по Берлину, и мы опять-таки воспользовались ею ради начала переговоров МБФР (переговоров по взаимному сбалансированному сокращению вооруженных сил в Европе)».

Вначале администрация Никсона, а затем администрация Форда предопределили исход конференции, обусловив участие в ней Америки сдержанностью советского поведения по всем другим вопросам. Они настояли на удовлетворительном завершении переговоров по Берлину и на начале переговоров о взаимном сокращении вооруженных сил в Европе. Когда все это было завершено, делегации тридцати пяти наций прибыли в Женеву, хотя тернистый путь этих переговоров почти не освещался западной прессой. Зато в 1975 году Совещание вышло на авансцену, когда было объявлено, что договоренность достигнута и соглашения будут подписаны в Хельсинки во время встречи на уровне глав государств.

Американское влияние способствовало сведению положения о признании границ к обязательству не изменять их при помощи силы, что являлось прямым повторением Устава ООН. Поскольку ни одна из европейских стран не обладала возможностью осуществить такого рода насильственные изменения или проводить направленную на это политику, то такого рода формальный отказ вряд ли можно было считать советским достижением. Даже это ограниченное признание их законности перечеркивалось утверждением предшествовавшего этому положению принципа, в основном отстаивавшегося Соединенными Штатами. Он гласил, что нижеподписавшиеся государства «полагают, что их границы могут быть изменены в соответствии с международным правом, мирными средствами и путем соглашения».

Наиболее важным положением Хельсинкских соглашений явилась так называемая «третья корзина» по вопросам прав человека. («Первая» и «вторая» «корзины» соответственно касались политических и экономических вопросов.) «Третьей корзине» было суждено сыграть ведущую роль в исчезновении орбиты советских сателлитов, и она стала заслуженной наградой всем активистам в области прав человека в странах НАТО. Американская делегация, безусловно, внесла свой вклад в выработку заключительного акта Хельсинкских соглашений. Но особой благодарности заслуживают именно активисты движений за права человека, потому что в отсутствие давления с их стороны прогресс осуществлялся бы гораздо медленнее и масштабы его были бы куда менее значительны.

«Третья корзина» обязывала все подписавшие соглашения страны претворять в жизнь и обеспечивать определенные, конкретно перечисленные основные права человека. Западные составители этого раздела надеялись, что эти положения создадут международный стандарт, который будет сдерживать советские репрессии против диссидентов и преобразователей. Как выяснилось, герои-реформаторы в Восточной Европе использовали «третью корзину» как фундамент сплочения в борьбе за

освобождение своих стран от советского владычества. Вацлав Гавел в Чехословакии и Лех Валенса в Польше обеспечили себе место в пантеоне борцов за свободу благодаря тому, что использовали эти положения как во внутреннем, так и во внешнем плане для подрыва не только советского господства, но и коммунистических режимов в собственных странах.

Европейское Совещание по безопасности, таким образом, сыграло важную роль двоякого характера: на предварительных этапах оно делало более умеренным советское поведение в Европе, а впоследствии — ускорило развал советской империи.

Через три недели после Совещания я суммировал в своей речи отношение ко всему этому администрации Форда:

«Соединенные Штаты осуществляют процесс ослабления напряженности с позиции силы и уверенности в себе. Не мы обороняемся в Хельсинки; не нам бросают вызов все делегации с требованием жить согласно принципам, под которыми ставится наша подпись. В Хельсинки впервые за весь послевоенный период вопросы прав человека и фундаментальных свобод стали признанными предметами диалога и переговоров между Востоком и Западом. Конференция выдвинула наши стандарты человеческого поведения, которые были и остаются маяком надежды для миллионов».

«Доктрина Рейгана» и Горбачев

(Из книги Г. Киссинджера «Дипломатия»)

Холодная война началась тогда, когда Америка ожидала наступления эры мира. А закончилась холодная война в тот момент, когда Америка готовила себя к новой эре продолжительных конфликтов. Крушение советской империи свершилось еще более внезапно, чем развал ее за пределами границ собственно СССР; с той же скоростью Америка диаметрально изменила собственное отношение к России, за какие-то несколько месяцев перейдя от враждебности к дружбе.

Эти моментальные перемены свершились под эгидой двух совершенно невероятных партнеров. Избрание Рональда Рейгана было своего рода реакцией на кажущееся американское отступление ради утверждения традиционных истин американской исключительности. Горбачев, пробившийся к известности через жесточайшую борьбу на всех уровнях коммунистической иерархии, был преисполнен решимости вдохнуть новую силу в передовую, как он считал, советскую идеологию.

И Рейган, и Горбачев верили в конечную победу собственной стороны. Однако существовало знаменательное различие между этими двумя столь неожиданными партнерами: Рейган понимал, какие силы движут его обществом, в то время как Горбачев абсолютно утерял с ними связь. Оба лидера апеллировали к тому лучшему, что видели в своих системах. Но Рейган высвободил дух своего народа, пустив в ход золотой запас инициативы и уверенности в себе. Горбачев же резко ускорил гибель представляемой им системы, призывая к реформам, провести которые он оказался не способен.

Вслед за крахом в Индокитае в 1975 году последовало отступление Америки из Анголы и углубление внутреннего раскола вследствие невероятного всплеска советского экспансионизма. Кубинские вооруженные силы распространились от Анголы до Эфиопии в тандеме с тысячами советских военных советников. В Камбодже вьетнамские войска, поддерживаемые и снабжаемые Советским Союзом, подчиняли себе эту истерзанную страну. Афганистан был оккупирован советскими войсками в количестве более 100 тыс. человек. Правительство прозападно настроенного шаха Ирана рухнуло, и на его место пришел радикально антиамериканский фундаменталистский режим, захвативший пятьдесят два американца, большинство из которых были официальными лицами, в качестве заложников. Независимо от причин, костяшки домино продолжали выпадать.

И все же когда международный престиж Америки опустился до самого низкого уровня, коммунизм начал отступать. В какой-то момент в начале 80-х казалось, что коммунизм набрал темп и вот-вот сметет все на своем пути; и почти немедленно, в отмеренное историей время, коммунизм приступил к саморазрушению. В пределах десятилетия прекратила свое существование орбита восточноевропейских сателлитов, а советская империя распалась на части, теряя почти все русские приобретения со времен Петра Великого. Ни одна мировая держава не рассыпалась до такой степени полностью и так быстро, не проиграв войны.

Отчасти советская империя распалась, потому что собственная история подталкивала ее к перенапряжению. Советское государство возникло вопреки всему, а затем ухитрилось пережить гражданскую войну, изоляцию и последовательное пребывание у власти свирепейших правителей. В 1934–1941 годах оно умело превратило маячившую на горизонте Вторую мировую войну в так называемую «империалистическую гражданскую войну», а затем преодолело нацистский натиск при содействии западных союзников. Позднее перед лицом американской атомной монополии оно сумело создать цепочку государств-сателлитов в Восточной Европе, а в послесталинский период превратить себя в глобальную сверхдержаву. Поначалу советские армии угрожали лишь сопредельным территориям, но потом дотянулись до отдаленных континентов. Советские ядерные силы росли с такой скоростью, которая заставляла многих американских экспертов опасаться того, что советское стратегическое превосходство неизбежно. Как британские лидеры XIX столетия Пальмерстон и Дизраэли, американские государственные деятели полагали, что Россия повсеместно находится на марше.

Фатальным просчетом раздувшегося империализма Советов было то, что их руководители на этом пути утеряли чувство меры и переоценили способности своей системы консолидировать сделанные приобретения как в военном, так и в экономическом отношении, а к тому же позабыли, что они в буквальном смысле бросают вызов всем прочим великим державам при наличии весьма слабого фундамента. Да и не в состоянии были советские руководители признаться самим себе, что их система была смертельно поражена неспособностью генерировать инициативу и творческий порыв; что на самом деле Советский Союз, несмотря на всю свою военную мощь, являлся все еще весьма отсталой страной. Причины, которыми руководствовалось советское Политбюро, душили творческие способности, необходимые для развития общества, и мешали его устойчивости в конфликте, который само Политбюро спровоцировало.

Попросту говоря, Советский Союз не был достаточно силен или достаточно динамичен для исполнения той роли, которую назначили ему советские руководители. Сталин, возможно, имел смутные предчувствия относительно истинного соотношения сил и потому отреагировал на американское наращивание военного потенциала в период Корейской войны «мирной нотой» 1952 года. В переходный период после смерти Сталина его отчаявшиеся преемники ложно истолковали собственное выживание в отсутствие вызова извне как доказательство слабости Запада. И они тешили себя тем, что воспринимали как кардинальный советский прорыв в мир развивающихся стран. Хрущев и его преемники сделали вывод, что они сумеют переплюнуть тирана. Чем раскалывать капиталистический мир, что и было фундаментальной стратегией Сталина, они предпочитали одерживать над ним победу посредством ультиматумов по Берлину, размещения ракет на Кубе и авантюрного поведения на всем пространстве мира развивающихся стран. Эти усилия, однако, до такой степени превысили советские возможности, что превратили стагнацию в крах.

Развал коммунизма стал заметен уже во второй срок пребывания Рейгана на посту президента, а к тому моменту, как он покинул этот пост, стал необратим. Следует отдать должное президентам, предшествовавшим Рейгану, и его непосредственному преемнику Джорджу Бушу, который умело управлял развязкой. Тем не менее поворотным пунктом послужило именно пребывание Рейгана на посту президента.

Рейган вел себя потрясающе, а для ученых наблюдателей — уму непостижимо. Рейган почти не знал истории, а то немногое, что он знал, приспосабливал, подгоняя под предвзятые суждения, которых он твердо придерживался. Он рассматривал библейские ссылки на Армагеддон как оперативные инструкции. Множество любимых им исторических анекдотов не базировались на фактах в том смысле, как вообще понимается само слово «факт». Как-то в частной беседе он сравнил Горбачева с Бисмарком, утверждая, что оба преодолели идентичное внутреннее сопротивление, уходя от централизованного планирования экономики в мир свободного рынка. Я посоветовал нашему общему другу предупредить Рейгана, чтобы он никогда не сообщал столь нелепого умозаключения германским собеседникам. Друг, однако, счел неразумным передавать это предупреждение, ибо оно бы лишь еще более глубоко врезало подобное сравнение в сознание Рейгана.

Подробности внешнеполитической деятельности Рейгана утомляли. Он усвоил несколько основополагающих идей относительно опасностей умиротворения, зол коммунизма и величия собственной страны, но анализ существенно важных проблем был ему не под силу. Все это послужило для меня поводом к замечанию, сделанному, как мне казалось, вне протокола в обществе собравшихся на конференцию историков в помещении Библиотеки Конгресса: «Когда вы разговариваете с Рейганом, то иногда удивляетесь, почему кому-то могло прийти в голову, что он может быть президентом или даже губернатором. Но тогда именно вам, историкам, следует объяснить, как столь неинтеллектуальный человек мог управлять Калифорнией восемь лет, а Вашингтоном уже почти семь».

Средства массовой информации стали охотно пережевывать лишь первую часть моего заявления. Однако для историка вторая гораздо более интересна. С учетом всего сказанного и сделанного президент при самой что ни на есть неглубокой академической подготовке сумел разработать внешнюю политику исключительной содержательности и целенаправленности. Да, у Рейгана, возможно, было всего лишь несколько основных идей, но они-то как раз оказались стержневыми внешнеполитическими проблемами того периода. Это доказывает, что ключевыми качествами руководителя являются чувство выбора направления и крепость собственных убеждений. Вопрос о том, кто составлял для Рейгана заявления по внешнеполитическим вопросам — а ни один президент сам их не сочиняет, — почти не имеет отношения к делу. Бытует предание, будто бы Рейган был орудием тех, кто писал ему речи, но подобные иллюзии характерны для большинства работников такого рода. Но в конце концов ведь именно сам Рейган отбирал себе людей, которые мастерили ему речи, а он произносил их с исключительной убежденностью и убедительностью. Знакомство с Рейганом не оставляет никаких сомнений в том, что эти речи отражали его личные взгляды и что по некоторым вопросам, к примеру, в отношении «стратегической оборонной инициативы», он был значительно впереди собственного окружения.

В американской системе управления, где президент является единственным общенационально избираемым официальным лицом, стыковка внешнеполитических направлений проистекает — если таковая вообще наличествует — из президентских заявлений. Они являются наиболее исчерпывающей директивой для расползшейся самодовольной бюрократии и предметом дебатов в обществе и в Конгрессе. Рейган выдвинул внешнеполитическую доктрину, в величайшей степени взаимоувязанную и обладающую значительной интеллектуальной мощью. Он обладал исключительным интуитивным настроем на глубинные источники американской мотивации. Одновременно он осознавал изначальную хрупкость советской системы, а его проницательность шла вразрез с мнением большинства экспертов, даже в его собственном консервативном лагере.

Рейган обладал незаурядным талантом объединять американский народ. И сам являлся необычайно милой и неподдельно добродушной личностью. Даже жертвы его риторики с огромным трудом могли отыскать что-то, направленное против них лично. Он доводил меня до белого каления, когда ему не удалось выставить свою кандидатуру на президентских выборах 1976 года, но я не мог долго на него сердиться, несмотря на то что, будучи советником по вопросам национальной безопасности, консультировал его в течение многих лет без единого протеста с его стороны относительно той самой политики, на которую он нападал. Когда все уже было позади, я вспоминал не предсъездовскую риторику, но сочетание здравого смысла с буквально сказочной доброй волей Рейгана во время консультаций. Во время ближневосточной войны 1973 года я сообщил ему, что мы возместим Израилю все потери в авиации, но вопрос в том, как обуздать реакцию арабов. «А почему бы вам не заявить, что вы возместите все то число самолетов, которое было сбито согласно заявлениям арабов?» — предложил Рейган, поскольку такое предложение обернуло бы беспредельно раздутые пропагандистские заявления арабов против их авторов.

Внешнее добродушие Рейгана скрывало под собой невероятно сложную личность. Он был одновременно близок всем по духу и от всех далек, любитель разделить общее веселье, но в итоге настороженный одиночка. Светскость служила ему способом сохранять дистанцию между собой и всеми прочими. Если он отнесется ко всем одинаково дружелюбно и будет угощать всех одними и теми же историями, никто не сможет претендовать на особые отношения с ним. Запас анекдотов, которые пускались в обращение от беседы к беседе, защищал от односторонности и политической слепоты. Как и многие актеры, Рейган был квинтэссенцией одинокой личности — столь же очаровательной, сколь и эгоцентричной. Один человек, который, как многие полагали, находился в доверительных с ним отношениях, сказал как-то мне, что Рейган одновременно самый дружелюбный и самый далекий из всех людей, с кем ему доводилось встречаться.

Рейган отвергал «комплекс вины», отождествляемый им с администрацией Картера, и гордо защищал достижения Америки как «величайшей силы, действующей в пользу мира во всех местах нынешнего мира». На своей первой же пресс-конференции он заклеймил Советский Союз как империю разбоя, готовую «совершить любое преступление, солгать, смошенничать», чтобы

добиться своих целей. Это было предтечей заявления 1983 года, в котором Советский Союз именуется «империей зла», то есть предтечей прямого морального вызова, от которого отшатнулись бы все предшественники президента. Рейган пренебрег общепринятой дипломатической мудростью и пошел на сознательное упрощение сущности американских добродетелей, взяв на себя миссию убедить американский народ в том, что идеологический конфликт между Востоком и Западом значим и реален. Борьба на международной арене ведется по поводу того, кто будет победителем, а кто побежденным, и никто не задается вопросом, кто сохранит свое могущество и кто окажется лучшим дипломатом.

Риторика первого срока пребывания Рейгана на посту президента означала официальное окончание периода разрядки. Целью Америки становилось уже не ослабление напряженности, но крестовый поход и обращение противника в свою веру. Рейган был избран, как многообещающий носитель воинствующего антикоммунизма, и остался верен этому до конца. Оказавшись в счастливом положении, когда упадок Советского Союза все более ускорялся, он отверг, как нечто весьма относительное, упор Никсона на национальные интересы и отказался от сдержанности Картера, как чересчур пораженческой по сути. Вместо этого Рейган выступил с апокалиптическим видением конфликта, становящегося более терпимым вследствие исторической неизбежности его итога. В речи на Королевской галерее палаты лордов в Лондоне в июне 1982 года он так описывал ситуацию в Советском Союзе:

«В ироническом смысле Карл Маркс был прав. Мы сегодня являемся свидетелями гигантского революционного кризиса, кризиса, где требования экономического порядка находятся в прямом противоречии с требованиями политического порядка. Однако кризис этот происходит не на свободном, немарксистском Западе, а дома у марксизма-ленинизма, в Советском Союзе…

Сверхцентрализованная, обладающая ничтожными стимулами или вовсе ими не обладающая советская система направляет большую часть самых ценных своих ресурсов на изготовление орудий разрушения. Постоянное падение показателей экономического роста наряду с ростом военного производства налагают тяжкое бремя на советский народ.

То, что мы видим, представляет собой политическую надстройку, более не соответствующую экономическому базису, общество, где производительные силы наталкиваются на препятствия со стороны сил политических».

Рейган полагал, что отношения с Советским Союзом улучшатся от разделенного с Америкой страха перед ядерным Армагеддоном. Он был преисполнен решимости довести до сведения Кремля весь риск непрекращающегося экспансионизма. Десятилетием ранее подобная риторика была чревата выходом из-под контроля внутриамериканского движения гражданского неповиновения и могла привести к конфронтации со все еще уверенным в себе Советским Союзом; десятилетием позднее она бы воспринималась как безнадежно устаревшая. В обстановке 80-х годов она закладывала фундамент беспрецедентного диалога между Востоком и Западом.

В 1981 году, во время выздоровления после покушения, Рейган направил Леониду Брежневу письмо, написанное от руки, где пытался развеять советскую подозрительность по отношению к Соединенным Штатам, как будто семьдесят пять лет господства коммунистической идеологии могут быть устранены личным обращением. Это почти дословно соответствовало заверениям, которые в конце Второй мировой войны Трумэн предоставил Сталину:

«Часто делаются намеки на то… что мы вынашиваем империалистические планы и потому представляем собой угрозу как вашей собственной безопасности, так и безопасности вновь нарождающихся наций. Но не только не существует доказательств, подкрепляющих это обвинение, а, напротив, имеются весомые доказательства того, что Соединенные Штаты, в то время как они могли бы господствовать над миром без всякого для себя риска, не делают ни малейших усилий в этом направлении… Да будет мне позволено заявить, нет абсолютно никакого основания для того, чтобы обвинять Соединенные Штаты в империализме или попытках навязать свою волю другим странам посредством применения силы…

Господин Президент, неужели нам, нашим народам, которые представляете вы и которые представляю я, не следует заняться устранением препятствий, мешающих осуществлению самых сокровенных устремлений?».

Как совместить умиротворяющий тон письма, автор которого явно полагает, что вполне можно доверять адресату, с заявлением Рейгана, сделанным всего лишь за несколько недель до направления этого письма, что советские руководители способны на любое преступление? Рейган не ощущал необходимости объяснять столь очевидное несоответствие, возможно, потому, что глубоко верил в истинность обоих своих заявлений: в зло советского поведения и одновременно в возможность идеологического обращения советских лидеров.

А затем, после смерти Брежнева в ноябре 1982 года, Рейган направил написанную от руки ноту — 11 июля 1983 года — преемнику Брежнева, Юрию Андропову, вновь опровергая наличие у Америки каких бы то ни было агрессивных устремлений. Когда Андропов вскоре умер, а на его место пришел пожилой и немощный Константин Черненко (явно промежуточное назначение), Рейган сделал такую запись в дневнике, бесспорно предназначенном для публикаций:

«У меня какое-то подспудное чувство, что мне стоило бы переговорить с ним о наших проблемах, как мужчина с мужчиной, и посмотреть, удастся ли убедить его. Мне кажется, что Советы обретут материальную выгоду, если они присоединятся к семье наций, и т. д.».

Через шесть месяцев, 28 сентября 1984 года, Громыко нанес свой первый визит в Белый дом в период деятельности администрации Рейгана. И вновь Рейган делает запись в дневнике — в том смысле, что первейшей его задачей является устранение у советских руководителей подозрительности по отношению к Соединенным Штатам:

«Меня одолевает чувство, что, пока они будут так же подозрительно относиться к нашим мотивам, как и мы — к их, с сокращением вооружений продвинуться невозможно. Я полагаю, что нам необходимо встретиться и как-то дать им понять, что у нас нет никаких враждебных замыслов в их отношении, но зато мы думаем, что у них имеются такие замыслы в отношении нас».

Коль скоро на протяжении жизни двух поколений поведение Советов было обусловлено подозрительностью к Соединенным Штатам, Рейган мог бы сделать вывод, что это чувство является органичным и неотъемлемым для советской системы. Пылкая надежда — особенно у столь откровенного антикоммуниста — на то, что советскую настороженность можно устранить одной-единственной беседой с министром иностранных дел (который, кроме всего прочего, лично представлял собой квинтэссенцию коммунистического правления), поддается объяснению лишь в свете непобедимой американской убежденности в том, что взаимопонимание между людьми — вещь нормальная, а напряженность представляет собой аберрацию, причем доверие может быть достигнуто самоотверженной демонстрацией доброй воли.

И потому случилось так, что Рейган, воплощение гнева Божьего, направленного на коммунизм, не видел ничего странного в том, чтобы так описывать вечер перед первой встречей с Горбачевым в 1985 году и состояние нервозного ожидания в надежде, что встреча разрешит конфликт, существующий на протяжении жизни двух поколений, — отношение, не свойственное Ричарду Никсону и скорее характерное для Джимми Картера:

«Еще во времена Брежнева я мечтал о встрече с глазу на глаз с советским руководителем, поскольку полагал, что таким образом можно осуществить то, чего не в состоянии сделать наши дипломаты, поскольку у них нет достаточной власти. Иными словами, я чувствовал, что, если переговоры ведут те, кто на самом верху, и если имеет место личная встреча на высшем уровне, и затем двое участников встречи выходят, держась за руки, и говорят: «Мы договорились о том-то и том-то», — бюрократы уже не в состоянии испоганить договоренность. До Горбачева я не имел возможности проверить эту идею. Теперь у меня появился шанс».

Биограф Рейгана описывает одно из его «мечтаний», которое лично высказывалось и при мне:

«Одной из фантазий Рональда Рейгана как президента было то, как он возьмет с собой Михаила Горбачева и покажет ему Соединенные Штаты. Пусть советский руководитель увидит, как живет рядовой американец. Рейган часто говорил об этом. Он представлял себе, как они с Горбачевым полетят на вертолете над рабочим поселком, увидят завод и автостоянку при нем, забитую машинами, а затем сделают круг над жилым районом, расположенным в живописной местности, где у заводских рабочих есть дома «с лужайками и задними дворами, где, возможно, на подъездной дорожке стоит вторая машина или лодка, — дома, непохожие на бетонные крольчатники, которые я видел в Москве». Вертолет снизился бы, и Рейган пригласил бы Горбачева постучаться в двери и спросить жителей поселка, «что они думают о нашей системе». А рабочие рассказали бы ему, до чего чудесно жить в Америке».

Рейган искренне верил, что его долгом является ускорить неизбежное осознание Горбачевым или любым другим советским лидером того факта, что коммунистическая философия ошибочна и что стоит только прояснить ложность советских концепций относительно истинного характера Америки, как вскорости наступит эра примирения. В этом смысле, несмотря на все свое идеологическое рвение, точка зрения Рейгана на сущность международного конфликта оставалась строго американско-утопической. Поскольку он не верил в наличие непримиримых национальных интересов, то не мог признать существование неразрешимых конфликтов между нациями. И считал, что, как только советские лидеры переменят свои идеологические воззрения, мир будет избавлен от споров, характерных для классической дипломатии. При этом он не видел промежуточных стадий между перманентным конфликтом и вечным примирением.

Со времени инаугурации Рейгана США одновременно преследовали две цели: во-первых, противодействие советскому геополитическому давлению, пока процесс экспансионизма не будет вначале остановлен, а затем обращен вспять; и, во-вторых, развертывание программы перевооружения, предназначенной для того, чтобы пресечь советское стремление к стратегическому превосходству и добиться стратегической лабильности.

Идеологическим инструментом перемены ролей был вопрос прав человека, которым Рейган и его советники воспользовались, чтобы подорвать советскую систему. Конечно, его непосредственные предшественники также утверждали важность прав человека. Никсон действовал подобным образом применительно к эмиграции из Советского Союза. Форд совершил самый крупный прорыв посредством «третьей корзины» соглашений Хельсинки. Картер сделал права человека альфой и омегой своей внешней политики и пропагандировал их столь интенсивно применительно к американским союзникам, что его призыв к праведности то и дело угрожал внутреннему единству в этих странах.

Рейган и его советники сделали еще один шаг и стали трактовать права человека как орудие ниспровержения коммунизма и демократизации Советского Союза, что явилось бы ключом ко всеобщему миру, как подчеркивал Рейган в послании «О положении в стране», от 25 января 1984 года: «Правительства, опирающиеся на согласие управляемых, не затевают войны со своими соседями». В Вестминстере в 1982 году Рейган, приветствуя волну демократии, разливающуюся по всему миру, обратился к свободным нациям с призывом «…укреплять инфраструктуру демократии, систему свободной прессы, профсоюзы, политические партии, университеты, что позволяет людям выбирать свой собственный путь, развивать свою собственную культуру, разрешать свои собственные разногласия мирными средствами».

Призыв совершенствовать демократию у себя дома явился прелюдией к классической теме: «Если концу нынешнего столетия суждено быть свидетелем постепенного развития свободы и демократических идеалов, мы должны принять меры, чтобы

оказать содействие кампании за демократию». Таким образом, команда Рейгана перевернула вверх ногами призывы времен раннего большевизма: не ценности «Коммунистического манифеста», но демократические ценности грядут, определяя собою будущее…

Задачей рейгановского геостратегического натиска было дать понять Советам, что они перенапряглись. Отвергая доктрину Брежнева относительно необратимости коммунистических достижений, Рейган своей стратегией отразил убежденность в том, что коммунизм может быть побежден, а не только сдержан. Рейгану удалось добиться отмены поправки Кларка, не позволявшей Америке оказывать помощь антикоммунистическим силам в Анголе, резкого усиления поддержки антисоветских афганских партизан, разработки крупномасштабной программы противостояния коммунистическим партизанам в Центральной Америке и даже предоставления гуманитарной помощи Камбодже. Это стало замечательной наградой единению американского общества: не прошло и пяти лет с момента катастрофы в Индокитае, как преисполненный решимости президент вступает в схватку со всемирной советской экспансией, причем на этот раз добивается успеха.

Было сведено на нет большинство советских политических достижений 70-х годов, хотя отдельные из событий приходятся уже на период деятельности администрации Буша. Вьетнамская оккупация Камбоджи завершилась в 1990 году, а в 1993 году прошли выборы и беженцы стали готовиться к возвращению домой; в 1991 году завершился вывод кубинских войск из Анголы; поддерживаемое коммунистами правительство Эфиопии рухнуло в 1991 году; в 1990 году сандинисты в Никарагуа были вынуждены смириться с проведением свободных выборов — на подобный риск до того не готова была пойти ни одна правящая коммунистическая партия; и, возможно, самым главным был вывод советских войск из Афганистана в 1989 году.

Все эти события заметно умерили идеологические и геополитические амбиции коммунизма. Наблюдая за упадком советского влияния в так называемом «третьем мире», советские реформаторы стали вскоре ссылаться на дорогостоящие и никчемные брежневские авантюры как на доказательство банкротства коммунистической системы, в которой, как они полагали, следовало срочно пересмотреть недемократический стиль принятия решений.

Администрация Рейгана добилась этих успехов, применяя на практике то, что потом стало именоваться «доктриной Рейгана»: оказание помощи Соединенными Штатами антикоммунистическим антизаговорщическим силам, выводящим свои страны из советской сферы влияния. Такой помощью были вооружение афганских моджахедов в их борьбе с русскими, поддержка «контрас» в Никарагуа и антикоммунистических сил в Эфиопии и Анголе. На протяжении 60-70-х годов Советы занимались подстрекательством коммунистических восстаний против правительств, дружественно настроенных к Соединенным Штатам. Теперь, в 80-е годы, Америка давала попробовать Советам прописанное ими же лекарство. Государственный секретарь Джордж Шульц разъяснил эту концепцию в речи, произнесенной в Сан-Франциско в феврале 1985 года:

«В течение многих лет мы наблюдали, как наши оппоненты без всякого стеснения поддерживали инсургентов по всему миру, чтобы распространять коммунистические диктатуры… Сегодня, однако, советская империя ослабевает под давлением собственных внутренних проблем и внешних обязательств… Силы демократии во всем мире ценят наше с ними единение. Оставить их на произвол судьбы было бы постыдным предательством — предательством не только по отношению к храбрым мужчинам и женщинам, но и по отношению к самым высоким нашим идеалам».

Наиболее фундаментальным вызовом Рейгана Советскому Союзу явилось наращивание вооружений. Во всех своих избирательных кампаниях Рейган осуждал недостаточность американских оборонных усилий и предупреждал о надвигающемся советском превосходстве. Сегодня мы знаем, что эти опасения отражали чересчур упрощенный подход к характеру военного превосходства в ядерный век. Но независимо от точности проникновения Рейгана в сущность советской военной угрозы, ему удалось мобилизовать и привлечь на свою сторону консервативный круг избирателей в гораздо большей степени, чем Никсону при помощи демонстрации геополитических опасностей.

До начала деятельности администрации Рейгана стандартным аргументом радикального осуждения политики холодной войны являлся тот довод, что наращивание вооружений будто бы бессмысленно, поскольку Советы всегда и на любом уровне найдут ответ американским усилиям. Это оказалось еще более неточным, чем предсказание неминуемого советского превосходства. Масштаб и темпы американского наращивания вооружений при Рейгане вновь оживили сомнения, уже одолевавшие умы советского руководства в результате катастроф в Афганистане и Африке: могут ли они выдержать гонку вооружений в экономическом плане и — что еще более важно — могут ли они ее обеспечить в плане технологическом.

Рейган вернулся к системам вооружений, отвергнутым администрацией Картера, таким как бомбардировщик B-1, и начал развертывание ракет MX — первых новых межконтинентальных ракет наземного базирования за десятилетие. Два стратегических решения способствовали больше всего окончанию холодной войны: развертывание силами НАТО американских ракет средней дальности в Европе и принятие на себя Америкой обязательств по разработке системы «стратегической оборонной инициативы» (СОИ).

Решение НАТО о развертывании ракет среднего радиуса действия (порядка 1500 миль) в Европе относится еще ко временам администрации Картера. Целью его было успокоить западногерманского канцлера Гельмута Шмидта в связи с односторонним отказом Америки от так называемой нейтронной бомбы, запроектированной таким образом, чтобы сделать ядерную войну менее разрушительной, причем Шмидт поддерживал этот проект, несмотря на оппозицию со стороны собственной социал-демократической партии. Но на деле вооружение среднего радиуса действия (частично баллистические ракеты, частично запускаемые с земли крейсирующие ракеты) было предназначено для решения военной проблемы иного характера: противодействия значительному количеству новых советских ракет (СС-20), способных достичь любой из европейских целей из глубины советской территории. В сущности, доводы в пользу вооружений среднего радиуса действия были политическими, а не

стратегическими и проистекали из той же самой озабоченности, которая двадцать лет назад породила дебаты между союзниками по вопросам стратегии; на этот раз, однако, Америка постаралась развеять европейские страхи.

В упрощенном смысле вопрос вновь стоял о том, может ли Западная Европа рассчитывать на ядерное оружие Соединенных Штатов в деле отражения советского нападения, имеющего своей целью Европу. Если бы европейские союзники Америки действительно верили в ее готовность прибегнуть к ядерному возмездию при помощи оружия, расположенного в континентальной части Соединенных Штатов или морского базирования, новые ракеты на европейской земле оказались бы ненужными. Но решимость Америки поступать подобным образом как раз и ставилась европейскими лидерами под сомнение. Со своей стороны, американские руководители имели собственные причины успокоительно ответить на опасения европейцев. Это являлось частью стратегии «гибкого реагирования» и давало возможность избирать промежуточные варианты между войной всеобщего характера, нацеленной на Америку, и уступкой советскому ядерному шантажу.

Существовало, конечно, и более замысловатое объяснение, чем просто сублимированное взаимное недоверие участников Атлантического партнерства. И оно сводилось к тому, что новое оружие поначалу будто бы объединяло стратегическую защиту Европы со стратегической защитой Соединенных Штатов. Утверждалось, что Советский Союз не совершит нападения обычными силами до тех пор, пока не постарается уничтожить ракеты средней дальности в Европе, которые, благодаря близости расположения и точности попадания, могут вывести из строя советские командные центры, что позволит американским стратегическим силам беспрепятственно нанести всесокрушающий первый удар.

С другой стороны, нападать на американские ракеты средней дальности, оставляя американские силы возмездия нетронутыми, было бы также чересчур рискованно. Достаточное количество ракет средней дальности могло уцелеть и нанести серьезный урон, давая возможность находящимся в целости и сохранности американским силам возмездия выступить в роли арбитра происходящего. Таким образом, ракеты среднего радиуса действия закрывали бы пробел в системе «устрашения». На техническом жаргоне того времени оборона Европы и Соединенных Штатов оказывались «в связке»: Советский Союз лишался возможности нападать на любую из этих территорий, не порождая риск неприемлемой для него ядерной войны всеобщего характера.

Эта «связка» также являлась ответом на растущие страхи перед германским нейтрализмом по всей Европе, особенно во Франции. После поражения Шмидта в 1982 году социал-демократическая партия Германии, похоже, вернулась на позиции национализма и нейтрализма, причем до такой степени, что на выборах 1986 года один из ее лидеров, Оскар Лафонтен, утверждал, что Германии следует выйти из-под объединенного командования НАТО. Мощные демонстрации против развертывания ядерных ракет потрясали Федеративную Республику.

Почуяв возможность ослабить связь Германии с НАТО, Брежнев и его преемник Андропов сделали противостояние развертыванию ракет средней дальности стержнем советской внешней политики. Вначале 1983 года Громыко посетил Бонн и предупредил, что Советы покинут Женевские переговоры по контролю над вооружениями, как только «першинги» прибудут в Западную Германию — угроза, способная воспламенить германских сторонников протеста. Когда Коль посетил Кремль в июле 1983 года, Андропов предупредил германского канцлера, что, если он согласится на размещение «Першингов-2», «военная угроза для Западной Германии возрастет многократно. Отношения между нашими двумя странами также обязательно претерпят серьезные осложнения. Что касается немцев в Федеративной Республике Германии и в Германской Демократической Республике, им придется, как недавно кем-то было сказано (в «Правде»), глядеть друг на друга через плотный частокол ракет».

Московская пропагандистская машина развернула крупномасштабную кампанию в каждой из европейских стран. Массовые демонстрации, организованные различными группами сторонников мира, требовали, чтобы первоочередной задачей считалось разоружение, а не развертывание новых ракет, и чтобы немедленно был введен ядерный мораторий.

Как только казалось, что Германия поддается искушениям нейтрализма, что в понимании Франции означало национализм, французские президенты старались сделать максимально привлекательной для Бонна идею европейского или атлантического единства. В 60-е годы де Голль был бескомпромиссным сторонником германской точки зрения по Берлину. В 1983 году Миттеран неожиданно выступил в роли главного европейского сторонника американского плана развертывания ракет средней дальности. Миттеран защищал этот ракетный план в Германии. «Любой, кто играет в отделение Европейского континента от Американского, способен, по нашему мнению, разрушить равновесие сил и, следовательно, помешать сохранению мира», — заявил Миттеран в германском бундестаге. Совершенно ясно, что для президента Франции французские национальные интересы, связанные с размещением в Германии ракет средней дальности, оказались превыше идеологической общности между французскими социалистами и их братьями — германскими социал-демократами.

Рейган выступил с собственным планом отражения советского дипломатического натиска и предложил в обмен на отказ от развертывания американских ракет средней дальности демонтировать советские СС-20. Поскольку СС-20 явились скорее предлогом для развертывания американских ракет, чем его причиной, то это предложение порождало острейшие вопросы относительно «разрыва связки» между оборонительными системами Европы и Соединенных Штатов. Однако, хотя аргументы в пользу «связки» были весьма профессионально-замысловатыми, предложение относительно ликвидации целой категории вооружений было понять нетрудно. И поскольку Советы переоценили свои возможности и отказались обсуждать какую бы то ни было часть предложения Рейгана, так называемый «нулевой вариант» облегчил европейским правительствам процесс развертывания ракет. Это была убедительная победа для Рейгана и германского канцлера Гельмута Коля, который безоговорочно поддерживал американский план. И это доказало, что неустойчивое советское руководство теряет способность запугивать Западную Европу.

Развертывание ракет средней дальности совершенствовало стратегию «устрашения»; но когда 23 марта 1983 года Рейган объявил о своем намерении разработать стратегическую оборону от советских ракет, он уже угрожал стратегическим прорывом: «…Я обращаюсь к научному сообществу нашей страны, к тем, кто дал нам ядерное оружие, чтобы они обратили теперь свой великий талант на дело выживания человечества и всеобщего мира: дали нам средства сделать это ядерное оружие бессильным и устаревшим».

Эти последние слова «бессильным и устаревшим», должно быть, бросили Кремль в холодную дрожь. Советский ядерный арсенал являлся ключевым элементом статуса Советского Союза как сверхдержавы. В течение двадцати лет пребывания Брежнева у власти основной целью СССР было достижение стратегического паритета с Соединенными Штатами. Теперь при помощи одного-единственного технологического хода Рейган предлагал стереть с лица земли все, ради чего Советский Союз довел себя до банкротства.

Если призыв Рейгана создать стопроцентно эффективную систему обороны хотя бы приблизится к воплощению в реальность, фактом станет американское стратегическое превосходство. Следовательно, американский первый удар обязательно увенчается успехом, поскольку оборонительная система сумеет сдержать относительно малые и дезорганизованные советские ракетные силы, уцелевшие к этому моменту. Как минимум, провозглашение Рейганом программы СОИ уведомило советское руководство, что гонка вооружений, которую они столь отчаянно начали в 60-е годы, либо полностью поглотит их ресурсы, либо приведет к американскому стратегическому прорыву.

Рейган превратил то, что прежде было бегом на марафонскую дистанцию, в спринт. Его конфронтационный стиль, граничащий с рисковой дипломатией, возможно, сработал бы в самом начале холодной войны, когда еще не консолидировались обе сферы интересов, или сразу же после смерти Сталина. Именно на такого рода дипломатии настаивал, в сущности, Черчилль, когда вернулся на свой пост в 1951 году. Но как только раздел Европы был упрочен, а Советский Союз все еще чувствовал себя уверенно, попытка силой навязать урегулирование наверняка вызвала бы крупномасштабный раскол в Атлантическом союзе и привнесла бы в него сильнейшую напряженность; большинство же членов его не желали ненужных испытаний на прочность. В 80-е годы советская стагнация сделала наступательную стратегию вновь возможной. Заметил ли Рейган степень дезинтеграции Советов или его своеволие наложилось на благоприятные обстоятельства?

В конце концов, не важно, действовал ли Рейган инстинктивно или в результате анализа. К концу пребывания Рейгана на посту президента повестка дня переговоров между Востоком и Западом вернулась ко временам разрядки. Вновь контроль над вооружениями стал центральной темой переговоров между Востоком и Западом, хотя больший упор стал делаться на сокращение вооружений и появилась большая готовность к устранению целых классов вооружений.

Что касается региональных конфликтов, то тут Советский Союз выступал в роли обороняющейся стороны и лишился в значительной степени своих способностей быть инициатором беспорядков. А раз уменьшалась степень озабоченности вопросами безопасности, то по обеим сторонам Атлантики стал расти национализм, хотя по-прежнему провозглашалось единство среди союзников. Америка во все большей и большей степени стала полагаться на оружие, размещенное на собственной территории или имеющее морское базирование, в то время как Европа расширяла проработку политических вариантов, связанных с Востоком. Но в итоге эти негативные тенденции были перекрыты крахом коммунизма.

Радикальнее всего переменилось то, как политические взаимоотношения между Востоком и Западом стали представляться американской общественности. Рейган инстинктивно накладывал друг на друга идеологический крестовый поход и утопическое стремление ко всеобщему миру, прослаивая их жесткой геостратегической политикой периода холодной войны, что одновременно импонировало двум основным направлениям американской общественной мысли в области внешней политики — миссионерскому и изоляционистскому, «теологическому» и «психиатрическому».

На деле Рейган был ближе, чем Никсон, к классическим схемам американского мышления. Никсон никогда бы не использовал по отношению к Советскому Союзу выражения «империя зла», но он также никогда бы не предложил ему полного отказа от всего ядерного оружия и не ожидал бы, что холодная война может кончиться путем грандиозного личного примирения с советскими руководителями во время одной-единственной встречи. Идеологические устремления Рейгана служили ему защитой, когда он позволял себе наполовину пацифистские высказывания, за которые поносили бы президента-либерала. А его преданность делу улучшения отношений между Востоком и Западом, особенно в период второго срока пребывания на посту, наряду с достигнутыми им успехами, смягчали остроту его воинственной риторики. Остается сомнительным, сумел бы Рейган и далее до бесконечности балансировать на канате, если бы Советский Союз продолжал оставаться крупномасштабным соперником. Но второй срок пребывания Рейгана на посту президента совпал с началом распада коммунистической системы — процессом, ускоряемым политикой его администрации.

Михаил Горбачев, седьмой по счету высший советский руководитель начиная от Ленина, вырос в Советском Союзе, обладавшем беспрецедентной мощью и престижем. И именно ему было суждено председательствовать при кончине империи, создание которой было оплачено столь большой кровью и растратой национального богатства.

Когда Горбачев пришел к власти в 1985 году, он был руководителем ядерной сверхдержавы, находящейся в состоянии экономического и социального застоя. Когда же он вынужден был уйти с занимаемой должности в 1991 году, Советская армия оказала поддержку его сопернику Борису Ельцину, Коммунистическая партия была объявлена вне закона, а империя, возводимая на крови всеми русскими правителями, начиная с Петра Великого, развалилась.

Этот крах показался бы фантастикой в марте 1985 года, когда Горбачев был миропомазан на должность Генерального секретаря.

Как это имело место в момент прихода к власти любого из его предшественников, Горбачев внушал как страх, так и надежду. Надежду на поворот к давно ожидаемому миру и страх зловещий по сути, исходящий от страны, чей стиль руководства — загадка. Каждое слово Горбачева анализировалось в поисках намека на ослабление напряженности; в эмоциональном плане демократические страны были вполне готовы открыть в Горбачеве зарю новой эры, точно так же они вели себя со всеми его предшественниками после смерти Сталина.

Но на этот раз вера демократических стран оказалась не только набором благих пожеланий. Горбачев принадлежал к иному поколению, чем те советские руководители, чей дух был сломлен Сталиным. У него не было «тяжелой руки» прежних представителей «номенклатуры». В высшей степени интеллигентный и обходительный, он походил на несколько абстрактные фигуры из русских романов XIX века: космополитичный и провинциальный, интеллигентный, но несколько несобранный; проницательный, но лишенный понимания сути стоящего перед ним выбора.

Последовал едва слышный вздох облегчения: наконец как будто бы наступил долгожданный для внешнего мира и до того почти неуловимый момент советской идеологической трансформации. До самого конца 1991 года Горбачева считали в Вашингтоне до такой степени незаменимым партнером в строительстве нового мирового порядка, что президент Буш счел украинский парламент, как невероятно бы это ни выглядело, подходящим для себя местом, чтобы именно на этом форуме превознести до небес достоинства данного советского руководителя и заявить о важности сохранения единого Советского Союза. Удержание Горбачева у власти превратилось в основную цель западных политиков, убежденных в том, что с любым другим будет гораздо труднее иметь дело. Во время странного, по видимости антигорбачевского, путча в августе 1991 года все лидеры демократических стран сплотились на стороне «законности» в поддержку коммунистической конституции, поставившей Горбачева у власти.

Но высокая политика не делает скидок на слабость, даже если сама жертва тут ни при чем. Загадочность Горбачева достигла предела, когда он выступил в роли лидера-умиротворителя идеологически агрессивного, вооруженного ядерным оружием Советского Союза. Но когда политика Горбачева стала скорее отражением растерянности, чем конкретно поставленной цели, положение его пошатнулось. Через пять месяцев после провалившегося коммунистического путча он вынужден был уйти и уступить Ельцину посредством процедуры столь же «незаконной», как и та, что вызвала гнев Запада пять месяцев назад. На этот раз демократические страны быстро сплотились вокруг Ельцина, приводя в поддержку своих действий практически те же доводы, которыми пользовались некоторое время назад применительно к Горбачеву. Игнорируемый окружающим миром, который только что им восторгался, Горбачев вошел в зарезервированный для потерпевших крушение государственных деятелей круг прижизненно загробного бытия, преследуя цели, находящиеся за пределами их возможностей. Горбачев, однако, осуществил одну из самых значительных революций своего времени. Он разрушил Коммунистическую партию, специально созданную для захвата и удержания власти и на деле контролировавшую все аспекты советской жизни.

После своего ухода Горбачев оставил за собой поколебленные остатки империи, напряженно собиравшейся веками. Организовавшиеся независимые государства, все еще боящиеся российской ностальгии по прежней империи, превратились в новые очаги нестабильности. Они испытывали угрозу одновременно со стороны своих прежних имперских хозяев и осколков различных некоренных этнических групп — часто именно русских, — возникших здесь за века русского господства.

Ни одного из этих результатов Горбачев даже отдаленно не предвидел. Он хотел добиться своими действиями модернизации, а не свободы; он попытался приспособить Коммунистическую партию к окружающему миру; а вместо этого оказался церемониймейстером краха той самой системы, которая его сформировала и которой он был обязан своим возвышением.

Америка на вершине: империя или лидер?

(Из книги Г. Киссинджера «Нужна ли Америке внешняя политика?»)

На заре нового тысячелетия Америка вкушает плоды своего могущества, превосходящего мощь величайших империй прошлого. От военной сферы до бизнеса, от науки до технологий, от высшего образования до массовой культуры, Америка господствует в мире в беспрецедентных масштабах. В последнее десятилетие XX века доминирующее положение Америки сделало ее незаменимой в деле обеспечения международной стабильности. Соединенные Штаты играли роль посредника в самых горячих точках, а на Ближнем Востоке они в буквальном смысле стали участником процесса мирного урегулирования. Страна настолько втянулась в эту роль, что почти автоматически стала назначать себя посредником, иногда даже там, где заинтересованные стороны ее об этом не просили, например в конфликте между Индией и Пакистаном по поводу Кашмира в июле 1999 года. Соединенные Штаты стали считать себя как источником, так и гарантом сохранения демократических институтов во всем мире, все чаще видя себя в роли судьи, определяющего, насколько демократичны выборы в других странах, и применяли экономические санкции или прибегали к иным средствам давления, если им казалось, что эти выборы недостаточно демократичны.

В результате американские войска разбросаны по всему миру — от равнин Северной Европы до рубежей противостояния в Восточной Азии. Американское вмешательство во имя сохранения мира повсюду оборачивается постоянным военным присутствием. На Балканах Соединенные Штаты выполняют, по сути, ту же функцию, которую ранее выполняли Австро-Венгерская и Оттоманская империи, когда они создали протектораты, разъединившие две воюющие этнические группы. США доминируют в международной финансовой системе, являются крупнейшим источником инвестиционного капитала, наиболее привлекательным прибежищем для инвесторов, а также самым крупным рынком для иностранных экспортеров. Во всем мире американская поп-культура задает вкусовые стандарты, хотя время от времени это и вызывает негодование то в одной, то в другой стране.

90-е годы оставили нам парадоксальное наследие. С одной стороны, Соединенные Штаты достаточно сильны, чтобы настаивать на своей позиции и проводить ее в жизнь, невзирая на обвинения в стремлении к мировому господству. В то же время в рецептах, которые США прописывают миру, нередко прослеживаются или их внутренние проблемы, или сентенции времен холодной войны. В результате доминирующее положение страны сочетается с реальной возможностью оказаться в стороне от многих тенденций, влияющих на мировой порядок и, в конечном счете, преобразующих его. В мире наблюдается странная смесь уважения к Америке, покорности ее воле и время от времени раздражения тем, что она предписывает [другим], непонимания ее долгосрочных целей.

Любопытно, что сам народ Америки нередко испытывает к американскому превосходству глубокое безразличие. Насколько можно судить по двум важным барометрам — средствам массовой информации и ощущениям конгрессменов, — интерес американцев к внешней политике сегодня находится на низшей из возможных отметок. Поэтому благоразумные политики предпочитают избегать внешнеполитических дискуссий и считать мировое лидерство скорее фактором, формирующим мироощущение американцев, чем их требованием более серьезно относиться к стоящим перед США проблемам. Последние президентские выборы были третьими по счету, в ходе которых внешняя политика оказалась за рамками серьезных дискуссий. Американское превосходство, особенно в 90-е годы, в меньшей степени покоилось на стратегических замыслах и в большей — на тактических решениях, призванных удовлетворить избирателей, хотя в экономической сфере оно обеспечивалось технологическими успехами и обусловленным ими ростом производительности. Все это порождало искушение действовать так, как если бы Соединенным Штатам вовсе не нужна была долгосрочная внешняя политика и они могли ограничиваться лишь реакцией на отдельные вызовы по мере их возникновения.

Находясь в апогее своего могущества, Соединенные Штаты оказались в двусмысленной ситуации. Перед лицом, быть может, самых глубоких и всеобъемлющих потрясений, с какими когда-либо сталкивался мир, они не в состоянии предложить идеи, адекватные возникающей новой реальности. Победа в холодной войне искушала самодовольством; удовлетворенность сложившимся status quo побуждала проецировать на будущее текущую политику; впечатляющие экономические успехи давали политическим лидерам соблазн смешивать стратегическое мышление с экономическим, понижая чувствительность к политическому, культурному и духовному воздействию глубоких трансформаций, вызываемых американским технологическим прогрессом.

Совпавшее по времени с окончанием холодной войны, это сочетание самодовольства и процветания породило ощущение особой «американской миссии», выразившееся в двойном мифе. В стане левых многие увидели в Соединенных Штатах главного арбитра по внутриполитическим вопросам во всем мире. Приверженцы этого взгляда стали действовать так, как если бы у Америки всегда имелось в наличии правильное демократическое решение, пригодное для любого общества, независимо от его культурных или исторических особенностей. Для них внешняя политика стала аналогом политики социальной. Они преуменьшают значение победы в холодной войне, поскольку считают, что историческое развитие и неизбежное движение к демократии сами по себе привели бы к распаду коммунистической системы. Среди правых некоторые полагают, будто крах Советского Союза произошел в значительной мере автоматически — в результате решительных изменений американской риторики (вспомним «империю зла»), а не вследствие полувековых усилий девяти последних администраций. И на основании такого рода умозаключений они считают, будто решение всех сложных мировых проблем лежит в признании гегемонии США и беззастенчивом утверждении американского всемогущества. Каждый из этих взглядов затрудняет детальную разработку долгосрочного подхода к проблемам меняющегося на наших глазах мира. Подобное противоречие в [подходах к выработке] внешней политики приводит к тому, что кто-то предлагает заняться благородной миссионерской деятельностью, а кто-то

считает самоценным [дальнейшее] аккумулирование мощи. Споры фокусируются на том, ценности или интересы, идеализм или реализм должны определять американскую внешнюю политику. Правильное же решение состоит в том, чтобы [гармонично] соединить то и другое; ни один серьезный американский специалист по внешней политике не может отвлечься от традиций исключительности, в которых сформировалась американская демократия. Но он не может также игнорировать обстоятельств, в которых эта исключительность себя проявляет.

Сегодня не только Соединенные Штаты, но и многие европейские государства отвергают принцип невмешательства во внутренние дела других стран в пользу идей гуманитарной интервенции или вмешательства на основе следования всемирной юрисдикции. В сентябре 2000 года на саммите ООН, посвященном наступлению нового тысячелетия, этот подход был одобрен и поддержан многими другими государствами. В 90-е годы Соединенные Штаты по гуманитарным соображениям предприняли четыре военные операции — в Сомали, на Гаити, в Боснии и Косово; другие страны возглавили такие операции еще в двух местах — в Восточном Тиморе (Австралия) и в Сьерра-Леоне (Великобритания). Все эти интервенции, кроме интервенции в Косово, были санкционированы ООН.

В то же время претерпевает метаморфозы и господствовавшее прежде представление о национальном государстве. В соответствии с общепринятым подходом каждое государство называет себя нацией, но не все из них являются таковыми, если исходить из принятого в XIX веке определения нации как языковой и культурной общности. Из «великих держав» на пороге нового тысячелетия только демократические государства Европы и Япония соответствуют этому определению. Китай и Россия имеют национальную и культурную сердцевину, но с многочисленными этническими добавками. Соединенные Штаты все настойчивее связывают свою национальную идентичность с мультиэтничностью. В остальном мире преобладают государства со смешанным этническим составом, и целостности многих из них угрожает опасность со стороны населяющих их меньшинств, требующих автономии или независимости на основе теорий XIX и XX веков, провозглашающих идеи национализма и самоопределения. Даже в Европе падение рождаемости и рост иммиграции создают опасность мультиэтничности.

Исторически сложившиеся национальные государства, которые осознают, что их размеры не позволяют им играть определяющую роль в глобальном мире, стремятся объединиться в более крупные структуры. Наиболее яркий пример такой политики являет собой Европейский Союз. Но и в Западном полушарии возникают подобные транснациональные группировки, такие как Североамериканское соглашение о свободной торговле (NAFTA) и Mercosur в Южной Америке или Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (ASEAN) в Азии. Под эгидой Китая и Японии идея о создании элементов зоны свободной торговли возникла и в Азии.

Каждое из этих новых образований, определяя свою идентичность, побуждается — иногда подсознательно, но чаще осознанно — желанием противопоставить себя государствам, доминирующим в данном регионе. Для ASEAN конкурентами служат Китай и Япония (а впоследствии, возможно, Индия). Для Европейского Союза и Mercosur'а — это Соединенные Штаты, порождающие новых соперников, по мере того как они одолевают прежних.

В прошлые столетия даже не столь значительные преобразования приводили к масштабным войнам; войны, разумеется, случаются и в нынешней международной системе, однако они никогда не вовлекают великие державы в конфликт друг с другом. Ядерный век изменил как значение, так и роль силы, во всяком случае в той мере, в какой это касается взаимоотношений между ведущими державами. До его начала войны чаще всего вспыхивали из-за территориальных споров или доступа к ресурсам; победы добивались во имя усиления могущества и влияния своего государства. В наше время территориальный фактор как элемент государственного могущества утратил свою прежнюю значимость; технологический прогресс может гораздо сильнее укрепить мощь той или иной страны, чем любые территориальные приобретения. Сингапур, у которого нет практически никаких ресурсов, за исключением интеллектуального потенциала населения и его лидеров, обладает куда большим доходом в расчете на душу населения, чем намного более крупные и щедро одаренные ресурсами страны. При этом он частично использует свое богатство для создания — по крайней мере в местном масштабе — впечатляющих вооруженных сил, призванных остудить пыл алчных соседей. В сходном положении находится и Израиль.

Обладание ядерным оружием снизило вероятность войн между ядерными державами — впрочем, это утверждение вряд ли останется верным, если продолжится расползание этого оружия среди стран с иными представлениями о ценности человеческой жизни или еще не знакомых с его разрушительной силой. До наступления ядерной эры государства вступали в войны, считая, что последствия поражения или даже компромиссного решения менее приемлемы, чем сам конфликт; именно такой ход рассуждений привел Европу к Первой мировой войне. Но если речь идет о ядерных державах, такой выбор разумен только в самых безнадежных случаях. Большинство лидеров основных обладающих ядерным оружием стран убеждено, что последствия ядерной войны будут более тяжелыми, чем последствия уступок, необходимых для достижения компромисса [между конфликтующими сторонами], и даже, возможно, чем последствия поражения. Парадокс ядерной эры заключается в том, что увеличению ядерного потенциала — и, следовательно, общей военной мощи — неизбежно сопутствует уменьшение желания ею воспользоваться.

Все другие формы могущества также претерпели революционные изменения. До конца Второй мировой войны государственная мощь была относительно однородной: ее составляющие — военная, экономическая или политическая — дополняли друг друга. Общество не могло быть сильным в военном отношении без того, чтобы не занимать лидирующего положения в остальных областях. Однако во второй половине XX века различные волокна этого каната явно начали расплетаться. Отдельные государства внезапно обрели мощную экономику без заметного увеличения армии (например, Саудовская Аравия) или развили огромную военную мощь вопреки явно стагнирующей экономике (свидетельство тому — бывший Советский Союз).

В XXI столетии, похоже, эти волокна сплетаются вновь. Судьба СССР показала, что односторонняя установка на военную мощь не может обеспечить стабильности, особенно в век экономической и технологической революций, когда посредством современных коммуникаций в каждый дом на планете входит отчетливое осознание огромного разрыва в уровне жизни [в различных странах]. Вдобавок на глазах всего лишь одного поколения наука совершила такой скачок, какого не делала за всю историю человечества. Компьютер, интернет и растущие возможности биотехнологии придали техническим и прикладным наукам такую свободу действий, о которой не могли и помыслить предыдущие поколения. Передовая система технического образования стала условием роста государственной мощи в длительной перспективе. Ныне она играет роль мускулатуры и жизненной энергии в теле общества; без нее увядают все остальные виды могущества.

Глобализация распространила власть экономики и технологий по всему миру. Возможность мгновенной передачи информации сделала решения, которые принимаются в одном регионе, заложниками решений, принимающихся в других частях мира. Глобализация привела к беспрецедентному, хотя и неравномерному процветанию, и необходимо еще выяснить, не ускоряет ли она кризисные явления с таким же успехом, с каким порождает всеобщее благоденствие, не создает ли она тем самым предпосылки глобальной катастрофы. Помимо этого, глобализация — при всей ее неизбежности — может привести и к нарастанию гнетущего ощущения бессилия, поскольку решения, влияющие на судьбы миллионов, выходят из-под контроля местных властей. Возникает опасность того, что современные политики могут не совладать с изощренным характером экономики и технологии…

Но самой глубинной причиной того, почему в 90-е годы Америка столкнулась с трудностями в выработке внятной стратегии поведения на мировой арене, где ее положение является столь значимым, стало то, что характер американской роли в современном мире оспаривался представителями трех различных поколений, исповедовавшими весьма отличные подходы к внешней политике. В этой борьбе сошлись ветераны холодной войны 50-х и 60-х годов, стремившиеся использовать свой опыт в новых обстоятельствах; активисты движения против войны во Вьетнаме, ищущие применения вынесенных ими уроков в формировании мирового порядка; и молодое поколение, полагающееся на собственный опыт и затрудняющееся принять взгляды как поколения холодной войны, так и вьетнамских протестантов.

Стратеги времен холодной войны стремились уладить противоречия между ядерными сверхдержавами с помощью политики сдерживания Советского Союза. Хотя они не забывали и о невоенных аспектах проблемы (по большому счету план Маршалла был столь же важен, как и НАТО), политики этого поколения настаивали на том, что в международных отношениях наличествует постоянная силовая составляющая, и ее значимость определяется способностью предотвратить советскую военную и политическую экспансию.

Эти стратеги ослабили, а на какое-то время и вовсе устранили из американского сознания исторически сложившееся противоречие между идеализмом и силой. В мире, где доминировали две сверхдержавы, идеологические требования и потребность соблюдать баланс сил почти сливались. Внешняя политика превратилась в своеобразную игру с нулевой суммой, в которой выигрыш одной стороны был проигрышем другой.

Помимо политики сдерживания, главные усилия американской дипломатии времен холодной войны были направлены на то, чтобы инкорпорировать побежденных противников, Германию и Японию, в формирующуюся мировую систему в качестве полноправных членов. Эта задача, абсолютно беспримерная в отношении государств, вынужденных безоговорочно капитулировать менее чем за пять лет до этого, была хорошо понятна поколению американских руководителей, сформировавшихся во времена Великой депрессии 30-х годов. Поколение, организовавшее сопротивление Советскому Союзу, усвоило «новый курс» Франклина Рузвельта, курс, который, ликвидировав существовавшую в Америке пропасть между ожиданиями [населения] и экономической реальностью, восстановил политическую стабильность. Это же поколение защищало демократию во Второй мировой войне.

Шокированные разочаровывающим вьетнамским опытом, многие интеллектуалы, некогда поддерживавшие политику холодной войны, перестали мыслить стратегическими категориями, другие стали отвергать самую суть послевоенной внешней политики США. Администрация президента Билла Клинтона — первая, в составе которой было много тех, кто в свое время протестовал против действий США во Вьетнаме — воспринимала холодную войну как пример непонимания, неизлечимого в силу американской непреклонности. Она отвергала идею превосходства национальных интересов и с недоверием относилась к применению силы, допустимому лишь в каком-то «бескорыстном» случае, то есть тогда, когда не затрагивались непосредственные американские интересы. Не раз, причем на нескольких континентах, дело доходило до того, что президент Клинтон приносил извинения за действия своих предшественников, исходивших из ошибочных, на его взгляд, принципов холодной войны. Но холодная война не была политической ошибкой, хотя, разумеется, в ходе нее ряд ошибок действительно был допущен; дело касалось вопросов выживания государства. Как ни странно, целым рядом стран, которые традиционно рассматривали дипломатию в качестве средства примирения интересов, эти претензии [Клинтона] на беспристрастность были восприняты как частный случай непредсказуемости и даже ненадежности [Соединенных Штатов].

Разумеется, Соединенные Штаты не могут, да и не должны возвращаться к политике времен холодной войны или к дипломатии XVIII века. Современный мир гораздо сложнее и требует намного более дифференцированных подходов [к возникающим проблемам]. Нельзя ни потакать собственным слабостям, ни проявлять самодовольство протестных времен. Во всяком случае, оба эти стиля мышления относятся к завершившейся эпохе, аргументы которой кажутся поколению, родившемуся после 1960 года, слишком неясными и академичными.

Это поколение еще не вырастило лидеров, способных быть приверженными последовательной и ориентированной на далекую перспективу внешней политике. Более того, некоторые его представители задаются вопросом, нужна ли нам вообще какая-то

внешняя политика. В глобализованном экономическим мире поколение, родившееся после холодной войны, относится к Уолл-стриту или Силиконовой долине так же, как их родители относились к государственной службе в Вашингтоне. Такое восприятие отражает приоритет, придаваемый экономике над политикой, приоритет, вызванный в том числе и растущим нежеланием заниматься делом, подразумевающим постоянное присутствие на публике, что слишком часто ведет к краху карьер и репутаций.

Поколение, родившееся после холодной войны, мало интересуется дебатами по поводу войны в Индокитае, поскольку в массе своей оно незнакомо с деталями тех событий и считает эти рассуждения непонятными. Равным образом оно не гнушается исповедовать ориентацию на собственные интересы, каковую ежедневно проявляет в экономической сфере (хотя время от времени и призывает к национальному бескорыстию, чтобы успокоить собственную совесть). Являясь продуктом системы образования, уделяющей очень мало внимания истории, это поколение нередко не видит перспектив развития международных отношений. Оно соблазнено идеей создания безопасной глобальной среды как компенсации за напряженную конкуренцию, пронизывающую их частную жизнь. На таком фоне легко прийти к мысли, что преследование собственных экономических интересов в конечном счете почти автоматически приведет ко всеобщему политическому примирению и демократии.

Такой подход стал возможен лишь по причине почти полного исчезновения страха перед мировой войной. В этом новом мире поколение американских лидеров, родившихся после холодной войны (включающее как тех, кто ранее участвовал в протестных движениях, так и тех, кто окончил школы бизнеса), находит для себя возможным придерживаться той точки зрения, что внешняя политика — это или политика экономическая, или политика, призванная учить остальной мир американским добродетелям. Неудивительно, что со времен холодной войны усилия американской дипломатии все более сводились к предложениям, способствующим принятию американского подхода [к тем или иным проблемам].

Но экономический глобализм не заменяет собой мирового порядка, хотя и может быть его существенным компонентом. Уже сам по себе успех глобализированной экономики станет источником неурядиц и напряженности как внутри государств, так и в отношениях между ними, что с неизбежностью окажет соответствующее давление на мировых политических лидеров. Между тем во многих частях света национальное государство, пока еще остающееся единицей политической ответственности, подвергается влиянию двух противоположных тенденций: или распадается на этнические компоненты, или растворяется в больших региональных объединениях.

До тех пор пока поколение новых национальных лидеров будет стеснено в выработке недвусмысленных представлений об обоснованных национальных интересах, его уделом будет прогрессирующий паралич, а не моральное возвышение…

Отношения с Россией

(Из книги Г. Киссинджера «Нужна ли Америке внешняя политика?»)

Отношения Запада с Россией всегда были пронизаны двойственностью. Для европейских стран Россия остается относительно новым игроком на международной сцене. Отсталая, загадочная, неконтролируемая, огромная, она решительно заявила о себе Европе только в XVIII веке. В его первой четверти Россия все еще воевала со шведскими захватчиками в самом центре той территории, которую теперь занимает Украина. Менее чем через пятьдесят лет, во время Семилетней войны, русские армии стояли уже на подступах к Берлину. Еще одним поколением позже, после поражения Наполеона, русские войска заняли Париж.

Более автократичная, чем любое европейское государство, Россия практиковала мистическую и националистическую форму христианства в виде русского православия — государственнической церкви, легитимизировавшей российское стремление к экспансии и престижу. Хотя Россия и принимала участие в дипломатических переговорах, проводившихся на основе концепции баланса сил, она не распространяла эти принципы на отношения с соседними странами. Она провозгласила зону своих интересов на Балканах, где защищала как панславистское движение, так и свое право оберегать православных христиан от мусульманской Оттоманской империи, а также в Средней Азии, где преследовала колониальные и религиозно-миссионерские цели.

Россия всегда была страной уникальной, особенно если сравнивать ее с европейскими соседями. Раскинувшись на одиннадцати часовых поясах, Россия (даже в ее нынешнем постсоветском виде) обладает территорией, большей, чем любое другое современное государство. Санкт-Петербург ближе к Нью-Йорку, чем к Владивостоку, который, в свою очередь, ближе к Сиэттлу, чем к Москве. Страна подобных масштабов не должна бы страдать от клаустрофобии. Тем не менее проблема ползучего экспансионизма красной нитью проходит через всю российскую историю. На протяжении четырех веков Россия жертвовала благосостоянием своего населения в пользу [возможности наносить] безжалостные удары вовне, угрожая всем своим соседям. Столетия такой жертвенности породили в российском самосознании представление об особой миссии России, отчасти во имя собственной безопасности, отчасти во имя утверждения высочайших нравственных принципов, якобы ведомых России.

Исторические достижения и амбиции России соответствовали ее масштабам. Дважды размеры страны и выдержка народа помешали завоевателям покорить Европу: Наполеону в XIX веке и Гитлеру в XX. Но в результате каждого из этих гигантских напряжений сил нации Россия использовала мир для навязывания своих автократических принципов всюду, где побывали ее армии: это делалось во имя консерватизма через Священный Союз в XIX веке и во имя коммунизма — в веке XX.

В обоих этих случаях Россия переоценивала свои возможности и терпела крах: в Крымской войне в XIX веке и в годы распада Советского Союза. На протяжении всей ее истории, при всех ее взлетах и падениях Россия настойчиво, терпеливо и искусно вела дипломатические дела: с Пруссией и Австрией она выступала против призрака французского господства; с Францией — против имперской Германии; с Англией, Францией и гитлеровской Германией — с целью избежать изоляции; с Соединенными Штатами и Великобританией — чтобы не допустить катастрофы во время Второй мировой войны; и, наконец, в период холодной войны она стремилась отколоть Европу от Соединенных Штатов с помощью комбинации ядерного шантажа и поддержки движений, изображавших Америку как величайшую угрозу миру в ядерный век.

История России породила в Европе романтическую ностальгию по временам сотрудничества [с этой страной] вкупе с неясным страхом перед российской обширностью и непостижимостью. Многие в Германии объясняют собственные национальные катастрофы тем, что Германия пренебрегла заветом Бисмарка постоянно крепить дипломатические отношения с Россией; Франция помнит, что в двух мировых войнах ее спас союз с Россией. Историческая память Великобритании более трезва и менее сентиментальна, слишком многое в ее истории связано с сопротивлением угрозам России на Босфоре и на подступах к Индии.

Историческая память этих стран поддерживается общественным мнением, побуждающим свои правительства служить связующим звеном в отношениях между Россией и Соединенными Штатами. Вот почему некоторые европейские лидеры поговаривают о том, чтобы когда-нибудь в отдаленном будущем пригласить Россию вступить в Европейский Союз. Та же причина скрывается за попытками всех ведущих европейских держав установить особые отношения с Россией, чтобы предотвратить повторение известных истории случаев давления с ее стороны, а также в качестве страховки от подобных же действий соседей.

Американский опыт общения с Россией не носит столь непосредственного характера. В XIX веке Россию рассматривали как уменьшенную копию европейской автократии; после большевистской революции 1917 года для многих она стала воплощением основного зла. Соединенные Штаты не устанавливали дипломатических отношений с Советским Союзом до начала 1934 года. В 30-х годах некоторые небольшие группы, подстегнутые подъемом нацизма, увидели в коммунизме наилучшую преграду фашизму и провозвестника нового и более справедливого мирового порядка. Вторжение Германии в СССР породило чувство доброжелательности в отношении жертвы нападения, а также некоторую сентиментализацию советской действительности. Президент Франклин Рузвельт рассматривал Советский Союз как один из столпов зарождающегося мирового устройства. Очевидно, он был убежден, что ни века царской автократии и империализма, ни то, что жизнь целого поколения прошла под знаком сталинизма, не станут непреодолимым препятствием для послевоенного советско-американского сотрудничества.

Медовый месяц оказался очень коротким. Сталинская непримиримость, коммунистическая идеология, советская оккупация Европы вплоть до берегов Эльбы и раздел Германии привели к возникновению атмосферы подозрительности и враждебности.

Международные отношения приобрели четко выраженный биполярный характер; две противостоящие сверхдержавы взирали друг на друга через границу, проведенную в центре Европы, и множили свои ядерные потенциалы по обе ее стороны.

В течение всех этих сорока лет конфронтации незначительное меньшинство в США — и несколько более крупные группы в Европе — подвергали сомнению установки, лежавшие в основе атлантической политики холодной войны. Сторонники возвращения к политике советско-американского товарищества времен Второй мировой войны, иногда используемые инициаторами коммунистической борьбы за мир, даже если они и не имели к данной инициативе прямого отношения, порицали Соединенные Штаты за их чрезмерное увлечение ядерной стратегией и политикой с позиции силы. На протяжении последних двадцати лет холодной войны с СССР велись переговоры, в основном касавшиеся контроля над вооружениями, но мотивированные осознанием того факта, что какими бы ни были расхождения обеих сторон по идеологическим и геополитическим вопросам, ядерное оружие означает риск катаклизма, угрожающего самому существованию цивилизации, и что долг двух ядерных сверхдержав состоит в ограничении или устранении этого риска.

Эти переговоры привели к образованию трех течений в американском общественном мнении: сторонники первого полагали, что советская политическая система преобразится (или уже преобразилась) в результате самого процесса переговоров; апологеты второго подхода рассматривали коммунизм как главную, если не единственную угрозу миру во всем мире и были уверены, что прочного мира можно достичь только при помощи крестового похода против коммунизма; третья же группа характеризовалась надеждой удерживать СССР в узде путем комбинирования дипломатических и стратегических усилий до тех пор, пока он не выдохнется, коммунистическое идеологическое рвение не изживет себя и Советский Союз из идеологической конструкции не превратится в государство, преследующее традиционные национальные интересы.

Споры между сторонниками этих трех подходов прекратились с окончанием самой холодной войны. Но поскольку первые две группы исходили из одной и той же предпосылки, а именно той, что российская проблема явилась почти исключительно следствием коммунистической идеологии и структуры, американские кремленологи после окончания холодной войны все больше зацикливались на внутренних изменениях, происходивших в Москве. По мере того как коммунизм переставал быть загадкой, отношения атлантических стран с Россией все в меньшей мере строились на геополитических соображениях и все более принимали в расчет ее внутриполитическую ситуацию, что, в свою очередь, предполагало повышенное внимание к личности российского лидера Бориса Ельцина.

Западные демократические страны стали действовать так, как если бы внутрироссийские реформы были главным, если не единственным ключом к устойчивым взаимоотношениям. Россию рассматривали не как серьезную силу, но как объект снисходительного внимания к ее внутренним проблемам.

Действуя так, как будто они сами были частью российского внутриполитического процесса, западные лидеры на протяжении всего срока правления Бориса Ельцина осыпали его похвалами, стремясь укрепить его приверженность реформам. Президент Клинтон, выступая по поводу отставки Ельцина, говорил о том, что Россия стала «плюралистической политической системой и гражданским обществом, конкурирующим на мировых рынках и подключенным к интернету». Уход Ельцина он объяснил его «твердой уверенностью в праве и возможности российского народа выбирать своего собственного лидера». Между тем едва ли не все прочие обозреватели считали отставку Ельцина результатом умелой манипуляции российской конституцией, позволившей ему посадить на свое место воспитанного в КГБ протеже, которого еще полгода назад никто не знал, и тем самым обезопасить существование самого себя и своей семьи в постпрезидентские годы.

Многие россияне, не усматривая большой разницы между внешней и внутренней политикой России, стали ассоциировать Соединенные Штаты с ельцинской эпохой, отмеченной черным рынком, беззастенчивой спекуляцией, массовой преступностью и государственным капитализмом, когда огромные промышленные предприятия попадали в руки их прежних коммунистических руководителей под прикрытием приватизационных лозунгов. Такое положение дел дало возможность националистам и коммунистам утверждать, что вся [сложившаяся при Ельцине] система носила мошеннический характер и была навязана Западом, чтобы ослабить Россию.

В порядке общего утверждения следует заметить, что когда внешняя политика в отношении России отождествляется с попытками определять российскую внутреннюю политику, возможности повлиять на действия российского государства на международной арене уменьшаются. Но исторически именно внешние действия России представляли собой величайший вызов международной стабильности. Западные демократии, приняв так близко к сердцу драматические события в России, дали российским лидерам возможность отвлечь своих сограждан от разочаровывающей повседневности, вызывая к жизни образы российского славного прошлого.

Каковы бы ни были достоинства подобных взглядов в рискованный период отхода России от коммунизма и сколь бы значительными ни выглядели достижения Ельцина в следовании курсом, позволившим избежать катастроф, сегодня мир имеет дело с русским политическим деятелем нового типа. В отличие от своего предшественника, который отточил зубы в яростной борьбе с коммунистической партией, Путин вышел из мира тайной полиции. Продвижение в этой таинственной иерархии предполагало сильную приверженность национализму и характер холодного аналитика. Это ведет к внешней политике, подобной многовековому курсу царизма, опиравшемуся на веру народа в [особую] русскую миссию и нацеленному на доминирование над теми соседями, которых нельзя покорить. Что же касается других государств, то обычно их внешняя политика включает в себя сочетание методов давления и убеждения, причем соотношение между этими методами определяется путем тщательной, терпеливой и осторожной балансировки сил.

31 декабря 1999 года, за день до своего производства в президенты, тогда еще премьер-министр Путин писал: «Никогда не

случится, если это вообще возможно, чтобы Россия стала похожа на Соединенные Штаты или Великобританию. Для русских сильное государство — не аномалия, от которой следует избавляться. Напротив, они видят в его лице гаранта порядка, инициатора и главную движущую силу любых перемен». В своем инаугурационном обращении в мае 2000 года Путин четко отметил имперские традиции России: «Мы должны знать свою историю, знать ее такой, какая она есть, извлечь из нее уроки и всегда помнить о тех, кто создавал российское государство, защищал его достоинство и сделал его великой, могучей и сильной державой».

Как Россия, так и Соединенные Штаты исторически приписывали своим обществам особую глобальную миссию. Но в то время как американские идеалы рождались из представлений о свободе, российские происходили из ощущения совместного страдания и всеобщей покорности властям. Американские ценности открыты для всех, российские же сберегаются для русской нации, исключая даже малые народности империи. Американский идеализм заигрывает с изоляционизмом, русский — дает толчок экспансионизму и национализму.

Эта позиция нашла отражение в документе по вопросам российской политики национальной безопасности, принятом 3 октября 1999 года, когда Путин был еще премьер-министром, и подписанном им в качестве одного из первых официальных документов, после того как он стал исполняющим обязанности президента в январе 2000 года: «Создать единое со странами Содружества Независимых Государств экономическое пространство», то есть включить в него все прежние республики, входившие в Советский Союз (за исключением государств Балтии, которые не являются членами Содружества, но тем не менее постоянно испытывают давление со стороны России).

Документ не определяет, что имеется в виду под «единым пространством» или как такая амбициозная задача может быть ограничена только экономической сферой. Встретившись с почти единодушным сопротивлением таким планам, российская [внешняя] политика при Ельцине и в еще большей степени при Путине попыталась с помощью присутствия российских войск, поддержки гражданских войн или экономического давления сделать независимость этих стран как можно более болезненной, с тем чтобы возвращение в российское лоно показалось им меньшим злом.

Такая политика приносит успехи. В Молдове коммунистическая партия недавно выиграла выборы. Безжалостное давление оказывается на Грузию: экономическое, через манипулирование экспортом энергоресурсов, а также военное и политическое, выражающееся в поддержке антиправительственных группировок. Подобное давление испытывают также Азербайджан и Узбекистан. Беларусь уже фактически является сателлитом России. Украину раздирают внутренние противоречия, причиной многих из которых является Россия, которая в то же время может облегчить положение осажденного правительства (разумеется, также ответственного за некоторые трудности). Расширяя свое влияние на всей территории бывшей империи, Россия искусно использует процесс приватизации, скупая промышленные предприятия в бывших республиках Советского Союза и тем самым увеличивая свое экономическое влияние.

Одна из ключевых проблем в отношениях атлантических государств с Россией заключается в том, можно ли побудить ее к пересмотру своего традиционного представления о безопасности. С позиций своего исторического опыта Россия просто обязана проявлять особый интерес к безопасности на всей ее обширной территории, и, как было сказано выше, Западу надлежит быть очень осторожным, чтобы не приближать границы своего объединенного военного блока вплотную к России. Но равным образом у Запада есть обязательства побудить Россию отказаться от своих намерений доминировать над соседями. Если Россия успокоится в своих нынешних границах, ее отношения с внешним миром быстро улучшатся. Но если реформы создадут укрепившуюся Россию, вновь обращенную к политике гегемонизма, — а именно этого и боится большинство ее соседей — неизбежно вернется и напряженность времен холодной войны.

Соединенным Штатам и их союзникам необходимо установить два приоритета в их отношениях с Россией. В первую очередь нужно постараться, чтобы к мнению России с уважением прислушивались в возникающей системе международных отношений; необходимо сделать все для того, чтобы Россия почувствовала, что она участвует в принятии многосторонних решений, особенно касающихся ее безопасности. В то же время Соединенные Штаты и их союзники должны постоянно подчеркивать — вопреки любым своим пристрастиям, — что их обеспокоенность сохранением баланса сил отнюдь не исчезла с окончанием холодной войны. Соединенные Штаты не должны смиряться с поддержкой Россией ядерной программы Ирана, ее систематическими нападками на американскую политику в Персидском заливе, особенно в отношении Ирака, и ее стремлением поддерживать группировки, провозгласившие своей целью демонтаж того, что российские лидеры упорно называют американской гегемонией. Соединенные Штаты должны уважать законные интересы России в области безопасности. Но это предполагает, что российское понимание законности должно быть совместимо с независимостью соседних государств, а сама Россия должна серьезно относиться к американской обеспокоенности распространением ядерных и ракетных технологий.

На развитие российской внутренней политики нельзя смотреть как на индикатор содержания внешней, всегда волновавшей ее соседей. Связь между рыночной экономикой и демократическим государством — а также между демократическим государством и мирной внешней политикой — далеко не так очевидна, как это может показаться с позиций здравого смысла. Западной Европе понадобились столетия, чтобы процесс демократизации принес свои плоды, что не исключало целого ряда катастрофических войн. В России, у которой нет необходимых капиталистических или демократических традиций и которая не переживала ни периода Реформации, ни эпохи Просвещения, ни века Великих [географических] открытий, соответствующая эволюция, скорее всего, будет проходить непросто. На раннем этапе этот процесс может даже побудить российских лидеров искать народной поддержки, апеллируя к националистическим чувствам.

Но при всех этих оговорках Соединенные Штаты и атлантические государства весьма заинтересованы в России, экономически развивающейся и демократизирующейся, в России, которая впервые в своей истории сосредоточивается на проблемах

внутреннего развития и не ищет безопасности, пускаясь во внешние авантюры. Им следует быть терпеливыми, но они не должны ставить на карту безопасность соседей России или свою собственную. Сама же Россия должна получить все стимулы, для того чтобы пересмотреть свои исторические приоритеты. Ее гигантский арсенал ядерного оружия, даже если в технологическом отношении он не слишком пригоден для наступательных действий — а может быть, даже благодаря этому обстоятельству, — обеспечивает ей щит безопасности от посягательств на ее территорию в духе Наполеона или Гитлера. И даже неядерные вооружения стали сегодня столь совершенны, что войны прежнего типа между ведущими державами становятся все менее и менее вероятными.

Для доброжелательно настроенных иностранных государств наиболее острая проблема, связанная с Россией, состоит в том, сможет ли потенциально могучая держава, имеющая бурную историю, создать систему устойчивых отношений с остальным миром? Сократившись в своей европейской части до границ времен Петра Великого, Россия стоит перед задачей привыкнуть к утрате империи, причем как раз в тот период, когда она занята созданием институтов, исторически ей совершенно незнакомых.

Атлантические союзники должны донести до России, что считают осуществляемые ею преобразования историческими, и помогать ей, как только возможно. Но сколь бы сочувственными ни были эти государства в своих устремлениях, они окажут себе плохую услугу, если сделают вид, что Россия уже завершила процесс реформирования, который на самом деле находится в зачаточном состоянии, или если они примутся поздравлять российских лидеров с приобретением качеств, которые им еще только предстоит продемонстрировать. Войдет ли Россия во всемирную торговую систему в качестве надежного партнера, будет в большой степени зависеть от ее способности ввести у себя прозрачную законодательную систему, предсказуемую правительственную структуру и подлинную, а не олигархическую рыночную экономику. По мере того как эти цели будут достигаться, естественные ресурсы России и большой запас квалифицированной рабочей силы, безусловно, привлекут значительный приток иностранных инвестиций.

Некоторые воображают, что Европа может помочь России интегрироваться в международное сообщество, действуя в качестве посредника между Россией и Соединенными Штатами. Премьер-министр Тони Блэр претендует на особую роль Великобритании, имея в виду спорный вопрос противоракетной обороны. Другие намекают на возможность вступления России в НАТО в качестве конечной цели. Кое-кто спекулирует вокруг возможного членства России в Европейском Союзе в качестве противовеса Соединенным Штатам или Германии.

Но ни один из этих курсов не является подходящим для ближайших двух десятилетий. Членство России в НАТО превратит Атлантический альянс в инструмент безопасности типа мини-ООН или, напротив, в антиазиатский — особенно антикитайский — альянс западных индустриальных демократических государств. Российское членство в Европейском Союзе, с другой стороны, разделило бы два берега Атлантики. Такой шаг неизбежно подтолкнул бы Европу в ее поисках самоидентификации к дальнейшему отчуждению от Соединенных Штатов и заставил бы Вашингтон проводить соответствующую политику в остальном мире. Институциональные отношения между Россией и Европой, более близкие, чем отношения Европы с Соединенными Штатами, или даже сравнимые с ними, произвели бы переворот в трансатлантических взаимоотношениях — вот почему Путин так прилежно обхаживает кое-кого из американских союзников [в Европе].

Любой серьезный историк признает важную роль России в построении нового мирового порядка, отнюдь не поощряя ее возврата к прежней исторической модели. Похожая дилемма стояла перед Европой в конце наполеоновских войн. Несмотря на опасения относительно возрождения французского милитаризма, Европа все же сумела встроить Францию в свою систему международных отношений. Союз четырех — России, Великобритании, Австрии и Пруссии — защитил Европу от усиливавшейся в военном отношении Франции. В то же время Франция была уравнена в правах с членами этого Союза предоставлением ей места в так называемом «Согласии Европы» (Concert of Europe), занимавшемся политическими проблемами, которые влияли на европейскую стабильность.

Похожее решение необходимо принять и для создания современного мирового порядка. НАТО должна сохраняться как препятствие возрождению российского империализма. Одновременно индустриально развитым демократическим странам следует создать надежную систему сотрудничества с Россией. Политические консультации в рамках Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) должны получить дальнейшее развитие, быть подняты до уровня глав государств и периодически созываться для обсуждения международной ситуации. Россия уже принимает участие во встречах глав государств «Большой восьмерки». Именно таким образом в Европе можно будет выстроить новый порядок, причем с Запада на Восток, а не с Востока на Запад, как этого кое-кому хотелось бы.

Новый миропорядок — иначе хаос

(Из статьи Г. Киссинджера, опубликованной в газете «The Independent», Великобритания)

Сегодня, когда новая американская администрация готовится приступить к исполнению своих обязанностей в обстановке серьезнейшего финансового и международного кризиса, крайне нелогичными кажутся утверждения о том, что неурегулированный характер международных отношений сам по себе создает уникальную возможность для созидательной дипломатии.

В такой возможности присутствует мнимое противоречие. С одной стороны, финансовый кризис нанес мощнейший удар по репутации Соединенных Штатов. Если американские оценки в области политики зачастую оказывались противоречивыми, то рекомендации США в области мирового финансового порядка никто, в общем, не оспаривает. Но сейчас во всем мире распространилось разочарование по поводу того, как США этим порядком управляют.

В то же время масштабы бедствия уже не позволяют остальному миру прятаться за спиной американского господства и американских провалов.

Каждой стране придется задуматься над тем, какой она внесла вклад в возникший кризис. Каждый будет теперь изо всех сил стремиться устранить те условия, которые привели к краху. В то же время каждому придется посмотреть правде в глаза и признать, что проблемы кризиса можно преодолеть лишь совместными усилиями.

Даже самые богатые страны столкнутся с сокращением имеющихся ресурсов. Каждому государству придется пересмотреть свои национальные приоритеты. Если возникнет система совместимых приоритетов, то появится новый мировой порядок. Но если разные приоритеты согласовать и выверить не удастся, то произойдет катастрофа, и этот миропорядок расколется на части.

Крах нынешней мировой финансовой системы совпал по времени с многочисленными политическими кризисами в различных точках планеты. Никогда прежде в самых разных уголках мира одновременно не происходило такого большого количества изменений, о которых тут же становилось известно всем благодаря современным средствам коммуникации. Альтернативой новому международному порядку является хаос.

Финансовый и политический кризисы на самом деле тесно взаимосвязаны, потому что в период экономического процветания возник раскол между экономической и политической организацией нашего мира.

Мир экономики стал «глобализованным». Его институты проникли повсюду, и действует он, исходя из того, что глобальный рынок является саморегулирующимся механизмом.

Финансовый кризис показал, что это только мираж. Он продемонстрировал отсутствие глобальных институтов, способных смягчать удары и изменять тенденции. И неизбежно возникает следующая ситуация: когда испытывающее удары кризиса общество обращается к национальным политическим институтам, они в своей деятельности руководствуются главным образом внутренними соображениями, а не интересами мирового порядка.

Каждая крупная страна пытается решить встающие перед ней проблемы в основном самостоятельно, откладывая коллективные действия на потом, когда натиск кризиса ослабеет. Так называемые пакеты экстренной помощи появляются поштучно, отдельно в каждой стране. И в целом те внутренние кредиты, которые стали причиной краха, благодаря им просто подменяются казалось бы неисчерпаемыми государственными кредитами. И пока они не дают ничего, кроме сдерживания возникающей паники.

Международный порядок в политической и экономической сфере не возникнет до тех пор, пока не появятся общие правила, по которым смогут ориентироваться и сверять свой путь разные страны.

В конечном итоге гармонизации политической и экономической системы можно добиться лишь двумя способами: создав международную политическую систему регулирования тех же масштабов, что и мировой экономический порядок; или сократив охват экономических институтов до таких размеров, когда ими смогут управлять существующие политические структуры, что может привести к новому меркантилизму на региональном уровне.

Новое глобальное соглашение по образу и подобию Бреттон-Вудского — это самый предпочтительный вариант. И роль Америки в такого рода предприятии будет определяющей. Это парадокс, но американское влияние будет огромным, если сопоставить его со скромностью нашего поведения. Нам следует откорректировать ту добродетельность и праведность, которая была характерна для позиций и действий Америки по многим направлениям, особенно после распада Советского Союза.

Это эпохальное событие и последовавший за ним период почти непрерывного экономического роста заставили слишком многих приравнять мировой порядок к принятию американских схем и замыслов, включая наши внутренние предпочтения.

В результате этого возник некий неустранимый унилатерализм (на который постоянно жалуются европейские критики). Это своего рода настойчивый консилиум, требующий от стран доказывать свою пригодность к вступлению в международную систему — иными словами, свое соответствие американским предписаниям.

Со времен инаугурации президента Джона Кеннеди (John F. Kennedy) полвека тому назад в Америке не было ни одной новой администрации, на которую возлагались бы столь огромные надежды. Случай беспрецедентный: все главные актеры на

мировой сцене открыто заявляют о своем стремлении к преобразованиям, которые навязал им глобальный кризис, причем преобразования эти они хотят осуществлять во взаимодействии с США.

Экстраординарное воздействие избранного президента на представления человечества — это важный элемент в формировании нового мирового порядка. Однако оно лишь предоставляет возможность, но не определяет курс.

В конечном итоге главная задача состоит в том, чтобы определить и сформировать общие озабоченности большинства стран, а также всех ведущих государств в отношении экономического кризиса, отнеся туда коллективный страх перед террористическим джихадом. Затем все это должно быть превращено в общую стратегию действий, подкрепленную осознанием того, что новые вопросы, такие как распространение оружия массового уничтожения, энергетика и изменения климата, невозможно решать в рамках отдельной страны или региона.

Самую большую ошибку новая администрация совершит в том случае, если позволит себе почивать на лаврах собственной популярности, которой она пока пользуется. Дух взаимодействия и сотрудничества, который возник в настоящий момент, следует направить в русло стратегии высшего порядка, способной перешагнуть через рамки споров и разногласий недавнего прошлого.

В равной степени в создании нового мирового порядка важную роль играет Китай. Взаимоотношения между сторонами, которые начинались в основном как стратегическая схема сдерживания общего противника, с годами превратились в один из краеугольных камней международной системы.

Китай позволил Америке хвастаться своим расточительным потреблением, скупив американские долги. Америка помогла модернизировать и реформировать китайскую экономику, открыв свои рынки для ее товаров.

Обе стороны переоценили прочность этой схемы. Но пока она действовала, мир переживал эпоху невиданного глобального развития. Такая схема развеяла страхи по поводу роли и места Китая в мире, когда эта страна в полной мере проявила себя как ответственный член клуба сверхдержав. Возникло общее мнение о том, что враждебные отношения между этими столпами международной системы приведут к разрушению достигнутого и не принесут пользы никому. Такую убежденность необходимо сохранять и укреплять.

Обе страны, находящиеся на противоположных берегах Тихого океана, нуждаются в двустороннем сотрудничестве для ликвидации последствий мирового финансового кризиса. Сегодня, когда глобальный финансовый крах разрушил китайские экспортные рынки, эта страна сосредоточила усилия на развитии своей инфраструктуры и внутреннего потребления.

Набрать обороты будет нелегко. Темпы роста китайской экономики могут временно упасть ниже показателя в 7,5 процента. А специалисты по Китаю всегда говорили, что это та пограничная черта, ниже которой возникает угроза политической нестабильности. Америка нуждается в сотрудничестве с Китаем, чтобы решить проблемы своего бюджетного дисбаланса и предотвратить возникновение такой ситуации, когда взрывоопасный дефицит вызовет пожар разрушительной инфляции.

Какого рода глобальный экономический порядок возникнет в будущем — это в значительной степени зависит оттого, как Китай и Америка будут строить свои взаимоотношения в ближайшие годы. Разочаровавшись в США, Пекин может начать присматриваться к исключительно азиатской региональной структуре, база для которой уже существует в виде формата АСЕАН плюс три (Китай, Япония, Южная Корея — прим, перев.).

В то же время если в Америке усилится протекционизм или если она начнет относиться к Китаю как к противнику на долгие времена, то самосбывающееся пророчество может разрушить все шансы на создание мирового порядка.

Такой возврат к меркантилизму с его государственным вмешательством в хозяйственную деятельность и к дипломатии XIX века расколет мир на соперничающие между собой региональные блоки. А это будет иметь опасные и длительные последствия.

Китайско-американские отношения нужно поднять на новый уровень. Сегодняшний кризис можно преодолеть лишь при осознании общности целей. Такие вопросы, как распространение оружия массового уничтожения, энергетика и изменения климата, требуют укрепления политических связей между Китаем и Соединенными Штатами.

Нынешнее поколение лидеров имеет возможность трансформировать взаимоотношения государств по обе стороны Тихого океана в «проект общей судьбы», как это было с трансатлантическими отношениями в послевоенный период. Разница состоит в том, что существующие сегодня вызовы имеют в большей мере политический и экономический характер, нежели военный.

Этот проект должен включать и такие страны, как Япония, Корея, Индия, Индонезия, Австралия и Новая Зеландия, которые могут присоединиться к нему в рамках общих тихоокеанских и региональных структур, занимающихся конкретными вопросами, например энергетикой, нераспространением оружия массового уничтожения и охраной окружающей среды.

Сложность обретающего свои очертания нового мира требует от Америки в большей степени исторического подхода со взглядом на перспективу. Она должна отказаться от своих настойчивых заявлений о том, что каждая проблема должна решаться в рамках определенных программ с конкретными временными рамками, которые зачастую увязываются с политическими процессами в нашей стране.

Мы должны научиться действовать в рамках реально достижимого. Мы должны быть готовы к тому, чтобы добиваться конечной

цели постепенно, с учетом всех нюансов.

Международный порядок может быть постоянным лишь в том случае, если его участники вносят свой вклад не только в его создание, но и в его сохранение. Таким образом, Америка и ее потенциальные партнеры обретают уникальную возможность превратить момент кризиса в предвидении надежды.

2008 г.

Понять Путина

(Из интервью Г. Киссинджера агентству НВО)

— Каково ваше видение путинской России? Многие иностранные наблюдатели обеспокоены нынешними внутренними тенденциями в России, прежде всего атаками на СМИ, избирательными ударами по «нелояльным» Кремлю олигархам…

— Я знаю Россию с 60-х годов. Мне даже сложно сосчитать, сколько раз я с того времени бывал в Москве. Для меня перемены, происходящие сейчас в России, на самом деле огромны и поразительны. Они имеют чрезвычайно огромное политическое значение. Конечно, процесс еще не закончен, и сделать предстоит гораздо больше, чем уже сделано. Но в целом по отношению к путинской России я настроен весьма позитивно.

2003 г.

(Из интервью Г. Киссинджера для издания «Die Welt», Германия)

Генри Киссинджер (Henry Kissinger): Какова обстановка в Германии?

DIE WELT: Мы, собственно, хотели спросить об этом вас.

Генри Киссинджер: У меня такое впечатление, будто дает всходы новый национализм, правда, иной, чем прежде. Раньше немцы думали, что они самые лучшие воины в мире. Сегодня — хотят быть лучшими в мире пацифистами, превосходить других в нравственности, особенно американцев.

DIE WELT: Германия считается в Европе больным человеком. Насколько больна страна?

Генри Киссинджер: Германия доказала свою жизнеспособность тем, что возродилась после разрушений Второй мировой войны, однако у нее есть по некоторым причинам проблемы с идентификацией. Во-первых, Германия как национальное государство появилось очень поздно, потом были проиграны две мировые войны, немцам пришлось начинать все сначала. Во-вторых, воссоединение Германии стало большей психологической проблемой, чем ожидалось.

DIE WELT: Большая коалиция и канцлер демонстрируют, что желанием проводить реформы не отличаются и политики. Они предпочитают повышать налоги.

Генри Киссинджер: У меня нет сомнений, что госпожа Меркель (Merkel) после убедительной победы на выборах добилась и поддержки реформ. Нет причин сомневаться, что она в этом вопросе изменила мнение.

DIE WELT: Вы знали многих государственных деятелей. Какой вы находите Ангелу Меркель?

Генри Киссинджер: Я знаю Ангелу Меркель с середины девяностых годов. Она не случайно смогла из простого ассистента в институте физики стать генеральным секретарем крупной партии, а потом бороться за высший государственный пост. Один американский тренер по бейсболу однажды сказал: «Везение — это то, что остается после расчета» («Luck is the residue of design»). Эти слова наверняка уместны и в данном случае.

DIE WELT: Политические фигуры всегда являются также симптомом времени. Что олицетворяет Меркель?

Генри Киссинджер: Мы, быть может, являемся свидетелями ситуации, когда историческая необходимость рождает лидера, которого на его пути наверх систематически недооценивали, и теперь, заняв свой пост, он неожиданно становится прекрасным отражением момента, когда речь идет о том, чтобы убедительно и профессионально преодолеть ряд кризисов.

DIE WELT: Почему?

Генри Киссинджер: Ее отказ управлять с помощью харизмы, ее стремление видеть суть вещей, возможно, единственный путь решения проблем страны. Чисто тактические маневры в нынешнем положении завели бы в тупик.

DIE WELT: Что вы думаете о президенте России Путине?

Генри Киссинджер: У немцев всегда было очень противоречивое отношение к России. Была надменность, но была и симпатия. Существовало мнение, что когда российско-германские отношения складываются хорошо, хорошо обеим странам. Когда страны воюют, плохо обеим из них. Шредер, наверное, испытывал настоящую сентиментальную симпатию к России, что обычно для него не характерно. Запад ждет от Путина, что он возьмет за образец западные институты и будет управлять страной, пользуясь западными стандартами. Но у России огромная психологическая травма. Была проиграна не только коммунистическая революция, лишившая страну также 300-летней истории. Русские, как страна, находятся сегодня на этапе, который они уже переживали во времена Петра Великого.

С другой стороны, российское государство никогда не отличалось своими внутренними достижениями, свое «я» оно черпало из имперских амбиций и успехов. Эту империю русские потеряли, и Путин должен править государством, в котором определение господства постоянно имело тенденцию к крайности. Я, конечно, поддерживаю не все проявления путинского правления, но на

Западе существует слишком большая самоуверенность, что касается оценки российского президента.

DIE WELT: Вы испытываете симпатии к Путину?

Генри Киссинджер: Надо видеть, что некоторые из его действий объясняются традиционной российской склонностью к великодержавию. Путин, возможно, будет говорить, что сначала должен восстановить авторитет президентского поста, прежде чем заняться тонкостями российской политики.

DIE WELT: Как далеко может заходить Германия в своей политике в отношении России, чтобы не раздражать американцев?

Генри Киссинджер: Мы должны подойти к той черте, когда подобные вопросы возникать больше не будут. Нам нужна дискуссия о том, какими мы представляем себе отношения с Россией на ближайшие десять лет. Соединенные Штаты не могут определить несколько абстрактных пунктов, чтобы им следовали все. Германия и Соединенные Штаты должны прийти к единому пониманию российской дилеммы с учетом реального исторического опыта. Разумеется, в свете этого понимания нельзя позволить восстановление бывшей империи, но можно отказаться от политики, постоянно подвергающей Россию испытаниям и заставляющей ее постоянно оправдываться и что-то доказывать. Я очень надеюсь, что новое немецкое правительство и администрация США найдут единую позицию. Было бы неверно относиться к России как к врагу. Я не вижу вообще никаких проблем, что касается германо-российской дружбы, если ее целью не является стремление заставить русских занять антиамериканскую позицию.

2005 г.

(Из статьи Г. Киссинджера, распространенной Tribune Media Services)

…Спор о противоракетной обороне, которому уже почти полвека, вновь разгорелся после объявления планов о размещении элементов американской системы ПРО в Чехии и Польше. Опять звучат знакомые аргументы эпохи холодной войны: Россия ставит под сомнение необходимость развертывания этой системы и утверждает, что на самом деле она предназначена для подавления российских стратегических сил, а не отражения иранской угрозы, как заявляет администрация Буша.

Но помимо инвектив Кремль выдвинул смелую инициативу по развитию беспрецедентного сотрудничества между Россией и НАТО с целью отражения ракетной угрозы со стороны Ирана.

У концепции противоракетной обороны в США непростая судьба. Проект системы ПРО, предложенный президентом Ричардом Никсоном в 1969 году, не удалось провести через Конгресс. Для того чтобы сохранить его ядро, в 1972 году администрация Никсона подписала Договор о противоракетной обороне, который заморозил разработки противоракетных систем обеих сторон, а также впервые наложил ограничения на рост советских наступательных вооружений.

Резкое изменение международной обстановки в последующие десятилетия потребовало пересмотра принятых ранее решений. Во-первых, распад Советского Союза устранил на обозримое будущее концептуальную базу доктрины сдерживания, основанного на способности к взаимному уничтожению. Во-вторых, технический прогресс сделал противоракетную оборону гораздо более реалистическим проектом. В-третьих, распространение ядерного оружия и ракетной технологии создало беспрецедентную опасность случайных запусков и ракетных ударов со стороны стран-изгоев.

Не следует забывать и о моральном аспекте. Если бы произошло даже самое ограниченное ядерное нападение, то как бы президент объяснил населению, что, обладая технологией, позволяющей сгладить его последствия или вообще предотвратить их, он предпочел оставить страну незащищенной?

Эти соображения убедили администрацию Буша выйти в 2002 году из Договора о ПРО и начать создание глобальной системы противоракетной обороны, призванной отражать ограниченные нападения, особенно со стороны стран-изгоев. Размещение элементов системы началось на Аляске, а некоторые из уже имеющихся радаров в других регионах интегрируются в систему. Радар в Чехии и небольшое число ракет-перехватчиков в Польше станут первыми новыми объектами за пределами Соединенных Штатов, создаваемыми непосредственно для нужд противоракетной обороны.

Россия приняла выход США из Договора о ПРО в 2002 году практически без возражений, но планируемое размещение военных объектов в Польше и Чехии вызвало у нее нервную реакцию. В этом нет ничего удивительного.

Москва всегда испытывала большой интерес к противоракетной обороне.

В настоящее время американо-российский диалог идет по традиционной модели. Но за ним стоят не только стратегические соображения. После переломного выступления президента Владимира Путина в Мюнхене на его поведение накладывает отпечаток глубокое неприятие приближения военной инфраструктуры НАТО к границам России в нарушение предыдущих договоренностей, которые, по мнению Москвы, гарантировали, что этого не произойдет. Прежде всего это касается новейших военных технологий.

Аргумент США о том, что система ПРО создается для отражения атак со стороны Ирана, отвергается на том основании, что ракеты, способные достичь территории США, будут у Ирана не ранее чем через 10 лет. Поэтому, по мнению России, развертывание системы ПРО по своему характеру является частью плана, направленного против российских интересов. Тактика Москвы отражает эту риторику. Она начала интенсивную дипломатическую кампанию по давлению на НАТО и США с целью

отказа от размещения ПРО в Центральной Европе. Она взяла назад свои заверения в том, что ни одна российская ракета не будет направлена на территорию НАТО.

Но кое-что указывает и на более конструктивный подход. Путин сделал интригующее предложение, потенциально имеющее глубокое стратегическое значение: для отражения иранской угрозы связать российские радары, предназначенные для слежения за пусками ракет, — существующие в Азербайджане или проектируемые на юге России — с системой противоракетной обороны США и НАТО. В нынешнем виде это предложение неприемлемо, но оно содержит в себе видение реализации параллельных стратегических интересов, которое может создать прецедент ответа на другие глобальные вызовы.

На глазах у России и Соединенных Штатов возникает мировой порядок, несущий в себе как угрозы, так и перспективы, с которыми в одиночку не может справиться национальное государство, каким бы мощным оно ни было. Распространение оружия массового поражения, радикальный джихадизм, вопросы экологии, глобальная экономика — все это требует международного сотрудничества. Похоже, это находит понимание на уровне президентов и министров иностранных дел. Отношения имеют дружественный характер и характеризуются серьезными усилиями по налаживанию сотрудничества. Однако в общественном сознании появляются элементы, напоминающие о холодной войне.

Нельзя допустить закрепления этой тенденции. Соединенные Штаты и Россия более не ведут конкуренцию за глобальное лидерство. Оборонные меры каждой из сторон не направлены против другой, поскольку каждой из них грозят иные, более серьезные опасности.

Многие американцы понимают, что многие глобальные проблемы лучше всего решать в рамках американо-российского сотрудничества. Более того, возможно, это единственный путь их решения. Точно так же и российские лидеры не могут не осознавать, что глобальное соперничество с Соединенными Штатами не принесет их стране никакой пользы.

Разумеется, у каждой из сторон есть национальные интересы, которые не обязательно совпадают. Америке нужно выказать большее понимание российских озабоченностей. Москва должна понять, что требование принимать Россию такой, какая она есть, было услышано и что угрозы — не самый лучший способ достижения общих целей.

Вопрос о противоракетной обороне представляет собой самый насущный вызов. Для Америки альянс НАТО всегда служил основой ее выхода из изоляции и участия в международных делах. Поэтому не нужно требовать отказа от соглашений с Чехией и Польшей, призванных подчеркнуть их связи с Америкой и признанных лидерами США важными для безопасности страны.

Но Америка может и должна привести планируемое развертывание в соответствие с заявленной целью отражения угроз со стороны стран-изгоев и определить конкретные шаги, отделяющие размещение противоракет в Центральной Европе от стратегии гипотетической и крайне неправдоподобной войны с Россией.

За этими рудиментами традиционного контроля над вооружениями виднеется перспектива нового подхода к международному порядку. Инициатива Путина по связыванию систем предупреждения НАТО и России может быть или стать историческим прецедентом ответа на угрозы, стоящие перед всеми странами одновременно. Это одна из тех схем, которые легко поставить под сомнение аргументами технического характера, но, возможно, как и рейгановская программа «звездных войн», она является провозвестником будущего, открывающего совершенно новые творческие возможности. Она позволяет увидеть контуры поистине глобального подхода к проблеме распространения ядерного оружия, ответ на которую до сих пор давался политикой отдельных государств. Этот подход может стать предтечей решения других вопросов подобного масштаба.

Разумеется, вполне возможно (или даже наиболее вероятно), что предложение Кремля является главным образом тактическим маневром: выявить несуществующие американские планы против стратегических сил России; расколоть НАТО, поставив российские предложения на обсуждение Совета Россия-НАТО; наконец, выдвинуть новые инициативы, обусловленные отказом от размещения элементов американской системы ПРО в Польше и Чехии.

Жаль, если так. Ведь успешный диалог — и даже серьезные усилия по проведению такового — потребует рассмотрения переговоров с Ираном о нераспространении в кардинально новых рамках, а со временем, возможно, приведет к более широкому подходу к другим глобальным вызовам. Поэтому российская инициатива заслуживает подробного изучения. Как бы функционировала такая система? Как бы предлагаемая система отвечала на собственные предупреждения? Как в ней могут участвовать другие страны с аналогичными интересами?

Если на эти вопросы может быть дан конструктивный ответ — если, иными словами, заинтересованные страны объединят свои стратегии по вопросам нераспространения, — то могут возникнуть новые рамки для решения множества других проблем. Спор вокруг самого разрушительного оружия может перерасти в прокладывание пути к более безопасному миру.

2007 г.

(из интервью Г. Киссинджера для Voice of America в Нью-Йорке. Корреспондент Сюзанна Престо)

Сюзанна Престо: Вы назвали предложение Владимира Путина о сотрудничестве между Россией и НАТО «смелой инициативой». Почему?

Генри Киссинджер: Как я понял, это предложение предусматривает — по крайней мере, в определенных аспектах, — что Россия, НАТО и Америка должны объединить свои системы раннего предупреждения и в какой-то мере системы

противоракетной обороны, если мы считаем, что проблема исходит из Ирана. Фактически это стало бы очень большим отступлением от принципов, на основе которых эти вопросы решались в последнее время, и, возможно, указало бы путь к новым возможностям совместных действий в других областях, где возможно возникновение серьезных проблем.

СП: А что это, по вашему мнению, могут быть за «другие области»?

ГК: Глобальная экономика, проблемы окружающей среды, климата, а также более широкая проблема — проблема радикального джихада.

СП: Вы думаете, радикальный джихад для России или Америки представляет собой более серьезную проблему, чем они сами друг для друга?

ГК: Совершенно верно. Не думаю, что Россия или Соединенные Штаты должны считать друг друга военной угрозой. Естественно, между ними могут время от времени возникать столкновения мнений, но я не предвижу появления таких разногласий, после которых между этими двумя странами должны начинаться военные действия.

СП: В последнее время много говорят о том, что, мол, Россия начинает новую холодную войну, в первую очередь с Соединенными Штатами. Возникают также такие вопросы, как уничтожение свободной прессы и нарушение прав человека в России. Считаете ли вы, что США достаточно работают над этими вопросами?

ГК: У нас сложилось вполне определенное мнение по поводу того, как правильно управлять своей страной. Но и у России есть полное право иметь по этому поводу собственное мнение. Лично мне правильной кажется именно американская система, но это, по-моему, еще отнюдь не повод начинать холодную войну.

СП: Еще недавно президент Путин заявлял, что планирует серьезно усилить оборонные и разведывательные структуры страны в качестве ответа на планы американских военных в Европе, а сегодня он говорит, что НАТО и Россия должны работать вместе над отражением ракетной угрозы Ирана. Не считаете ли вы эту позицию несколько противоречивой?

ГК: Если одна из наших стран будет потенциально или реально угрожать другой в военном отношении, то при таких условиях, как я и написал в своей статье, достичь каких бы то ни было общих целей будет очень сложно, если вообще возможно. Однако я надеюсь, что когда лидеры [России и США] обдумают сложившуюся ситуацию — а я рассчитываю на то, что они обдумают сложившуюся ситуацию, — то окажется, что положительные перспективы перевешивают отрицательные. И я надеюсь, что из этого получится какой-нибудь положительный результат.

СП: А какова, по вашему мнению, на сегодняшний день реакция в США на предложение Путина?

ГК: До меня дошло несколько мнений, и они были выдержаны в положительном тоне.

СП: Вы писали, что со стороны России это может быть как историческая инициатива, так и тактический ход — это что, первое или второе?

ГК: Думаю, что в этом внешнеполитическом шаге, как и в большинстве внешнеполитических шагов любой страны, есть и первое, и второе. А вот превратить его в позитивную инициативу — это уже задача для настоящих государственников.

СП: Итак, откуда же на сегодняшний день исходит самая серьезная угроза?

ГК: Вообще, как мне кажется, самая серьезная угроза исходит от некоего сочетания факторов глобального масштаба, против которых отдельным странам не выстоять, потому что у них просто не хватит возможностей справиться с возникающими проблемами решительно и творчески. Поэтому, как я считаю, сейчас для лидеров разных стран самая важная задача — искать возможности для совместных действий.

СП: Так что насчет самой серьезной угрозы? Это Иран, исламский фундаментализм, еще какие-то конкретные…

ГК: Нет, я считаю, что это две отдельные проблемы. Распространение ядерных технологий представляет собой огромную опасность, но это опасность будущего. А вот исламский фундаментализм в его джихадистской форме — это угроза самая непосредственная. Не думаю, что мы должны выбирать, что из них «главнее»: они ведь в немалой степени связаны между собой. Если мы решим вопрос с распространением ядерных технологий, то тогда, как мне представляется, придет время решений, которые в конце концов смогут помочь нам разобраться и с джихадистами.

СП: А есть ли в этой системе, по-вашему, место Китаю?

ГК: Как вам наверняка известно, в свое время я стал первым официальным представителем Америки, посетившим Китай после 25-летнего перерыва. И я считаю, что Китай — значительная и неотъемлемая часть системы международных отношений. Поэтому все, что мы готовы делать совместно с Россией, мы должны быть готовы делать и с Китаем — естественно, после адаптации к конкретным обстоятельствам, характерным для работы с ним. Мы ведь достаточно плотно работали с Китаем по корейскому ядерному вопросу. И поэтому мое мнение: Китай ни в коем случае нельзя обходить стороной. Напротив, все, что мы делаем совместно с Россией, мы должны быть готовы делать и с Китаем — в каждом случае, естественно, как я уже говорил, применительно к конкретным условиям.

СП: У Польши и Чехии большой опыт жизни под властью Советского Союза, и поэтому сейчас они оказались в весьма интересном положении. Как вам кажется, дипломатам удастся спустить дело на тормозах или в конце концов угроза со стороны Ирана все же будет должным образом осознана?

ГК: У меня как в Польше, так и в Чехии множество близких друзей. Любой, кто знаком с историей этих стран, знает, сколько они страдали и какой героизм проявляли в течение многих веков. Дипломаты вряд ли смогут в одиночку переломить их настороженное отношение к России. Здесь необходимы как человеческие контакты, так и определенная международная система, в которой они могут чувствовать себя в безопасности, потому что это самая большая их проблема. Но я надеюсь, что если нам удастся создать по системам противоракетной обороны и по некоторым другим вопросам такую ситуацию, которую я описал, то Польша и Чехия убедятся, что опасности больше нет. Тем не менее я заявил, что те действия, которые были нами сделаны в отношении этих стран, необходимо поддерживать.

СП: Ну а если бы вы сейчас разрабатывали такие предложения, то как бы вы их сформулировали, чтобы они удовлетворили и Россию, и США и одновременно убедили бы Чехию и Польшу, что им ничего не грозит?

ГК: Знаете, я сюда пришел не для того, чтобы решать мировые проблемы — я в другой раз как-нибудь попробую. Думаю, сконцентрироваться нужно на том, что конкретно можно сделать прямо сейчас, и мне кажется, что самое полезное, что можно было бы сделать незамедлительно — это начать диалог между США и Россией по последнему российскому предложению, посмотреть, что из этого выйдет — и на основе того, что выйдет, уже обратиться к решению других вопросов.

2007 г.

(Из интервью Г. Киссинджера журналу Time)

— Преемник Владимира Путина Дмитрий Медведев говорит о том, что хотел бы, чтобы президент Путин остался в Кремле на посту премьер-министра. Это не очень похоже на демократическую передачу власти.

— Безусловно, Путин сегодня доминирующая личность в России. Возглавив список партии «Единая Россия», которая набрала 64,3 процента голосов, он теперь контролирует российский парламент, или Думу. Но я не считаю Россию диктаторским государством. Цифра в 64,3 процента показывает, что значительная часть населения не голосовала за Путина. Должность премьер-министра имеет иную конституционную основу, нежели пост президента. Следовательно, имеется значительный потенциал для постепенного развития. Америка не должна путать внешнюю политику по отношению к России с попытками выдачи рецептов по поводу того, как должен идти исторический процесс. Важно правильно понять и изложить наши приоритеты. Изменить внутреннюю ситуацию в России при помощи американских схем невозможно, особенно в ближайшей перспективе. Россия — это огромная страна, граничащая с Китаем, исламским миром и Европой. Отношения сотрудничества с этой страной крайне важны для обеспечения мира и решения глобальных проблем. Конечно, у нас есть свои предпочтения, свои симпатии, но нам приходится иметь дело с той властью в России, какая есть. И нам следует проявлять определенное понимание тех корректировок, которые приходится делать стране на переходном этапе.

— Как вы можете объяснить ту пропасть, которая существует между восприятием Путина некоторыми людьми на Западе как агрессивного, авторитарного и недемократичного человека, и той поддержкой, которой он пользуется среди россиян?

— В России он популярен по той причине, что стал президентом в плохой для страны период, как считают русские. Путин занял президентское кресло в тот момент, когда развалилась советская империя, а вместе с ней и трехсотлетняя история России. Российский рубль рухнул. Россияне оценивают его по разнице в уровне жизни сегодняшнего дня и того времени, когда он пришел к власти.

Они также ценят его за то, что он, по их мнению, восстановил Россию и обеспечил ей достойное место на международной арене. Возможно, многие из них считают, что нынешняя система власти более чутко реагирует на запросы общества, нежели предыдущие системы, хотя по западным меркам ее нельзя назвать демократической.

— Вы много раз встречались с ним. Что он за человек?

— Он очень умен и эрудирован, хорошо концентрируется на обсуждаемом вопросе, близко знаком с проблемами внешней политики. Он не пытается очаровать вас и произвести впечатление. В нем присутствует сочетание холодности, большого интеллекта, стратегического мышления и русского национализма.

— Какого рода отношения он хочет установить между Россией и Западом?

— Я не думаю, что он смотрит на Запад как на единый блок. Поскольку он проводит внешнюю политику, исходя из своего понимания национальных интересов России, он не прочь воспользоваться существующими между западными странами разногласиями, чтобы укрепить позиции своей страны. При этом мысль о том, что Россия должна присоединиться к демократическому сообществу или даже к западному сообществу, не является главным движущим мотивом. Прежде всего, он стремится добиться уважения к России и к тому, что она ищет собственный путь. На мой взгляд, он бы высоко ценил отношения дружбы и сотрудничества с Соединенными Штатами, но при условии четкого понимания и уважения каждой стороной национальных интересов партнера.

— Как бы вы оценили нынешнее состояние отношений между Москвой и Вашингтоном?

— У Путина очень хорошие личные отношения с Бушем. Когда Буш во время их самой первой встречи заявил, что заглянул Путину в глаза и увидел в них родственную душу, американская пресса подняла его на смех. Но для Путина это было признание равенства, права на равное партнерство с США. В Буше он уважает то, что президент, как правило, не читает ему лекций. Он не против того, что Буш жестко защищает американские национальные интересы, потому что именно таких действий он ожидает от любого государственного деятеля.

В других вопросах периодически возникают проблемы. Теоретически обе стороны хотят сотрудничать друг с другом, но порой одна сторона поступает так, что это действует на нервы другой. Россия раздражается, когда мы начинаем читать ей наставления по поводу ее внутренней ситуации. Или когда американские представители демонстративно встречаются с оппонентами правящего режима во время визитов высокопоставленных руководителей в Москву. Или когда мы расширяем границы НАТО, приближая их к российским рубежам. Нас же раздражает то, что российские лидеры порой не относятся к соседям как к подлинно независимым государствам. Многие американцы крайне недоброжелательно смотрят на ситуацию внутри России. То есть в наших отношениях есть определенные циклы, а некоторые проблемы имеют давнюю историю.

С другой стороны, есть огромная потребность в сотрудничестве. Существует слишком мощная тенденция относиться к России так, будто она представляет глобальную угрозу США. У России полно своих серьезных проблем. У нее очень длинная и неспокойная граница. У нее просто ужасающая смертность. Сокращается численность населения. Поэтому на Россию не нужно смотреть как на глобальную угрозу. Вместе с тем она хочет, чтобы ее уважали как сильную державу. Вопрос заключается в том, сумеем ли мы наладить конструктивные отношения со страной, в сотрудничестве с которой нуждаемся. Речь идет об Иране, в определенной мере об Ираке, а также о процессе мирного урегулирования на Ближнем Востоке. Русские также являются важными партнерами в таких областях, как энергоресурсы и охрана окружающей среды. Ведь эти вопросы можно решать только в глобальном масштабе, но отнюдь не на основе соперничества.

— Вы упомянули Иран. Считаете ли вы, что из-за выводов последнего доклада американской разведки Соединенным Штатам будет труднее убедить Россию выступить с нами единым фронтом против иранской ядерной программы?

— На мой взгляд, стратегические оценки русских в отношении создаваемых Ираном ядерных проблем очень похожи на наши. Однако тактические выводы, которые они делают на ближайшее будущее, отличаются. Отличие состоит в оценке степени опасности иранской стратегической угрозы. Но если русских убедить в том, что такая угроза неизбежна, тогда мы объединимся. Вопрос сейчас стоит так: не слишком ли далеко зашел этот процесс, не поздно ли предпринимать важные шаги и действия?

— Мы вкратце говорили о внутренней ситуации в России. Неужели США не заинтересованы в том, чтобы громко и открыто говорить о таких вещах, как ограничение политических и гражданских свобод?

— Важно понять то, что представляет собой Путин. Путин — это не Сталин, который считал своим долгом уничтожать любого, кто в будущем мог вступить с ним в противоречия. Путин — это тот человек, который хочет сосредоточить в своих руках власть, необходимую для выполнения ближайших задач. Поэтому мы не наблюдаем общего широкого наступления на гражданские свободы. Мы отмечаем посягательства на гражданские свободы тех организаций, которые, по мнению Путина, угрожают режиму. Процесс этот неоднородный. Да, телевидение под контролем, но пресса обладает значительной свободой. Однако мысль о том, что Америка в силах изменить внутреннюю ситуацию в России путем угроз, ведет к перманентному кризису. Америка должна отстаивать демократические ценности. Она должна защищать права человека. Но одновременно ей следует соотносить данные цели с другими своими интересами.

— Путин и Буш вступают в последний год своего президентства. Вы встречались и разговаривали с обоими. Чего они могут добиться совместно, прежде чем уйдут в отставку?

— Путин не хочет, чтобы Соединенные Штаты Америки выступали в роли гегемона, потому что у России по определению не будет на США сдерживающего влияния, если они станут гегемоном. Поэтому он будет пытаться создавать нам противовес там, где это возможно. Он не станет пытаться лишить нас того, что мы имеем, но постарается не дать нам пойти дальше. В то же время, в соответствии со стратегическим замыслом Путина, Америка является логическим партнером для России. Мы с ней не граничим. Нам не нужна российская территория. Мы никогда не пытались отнимать ее территорию, и мы очень сильны. Мы можем взаимодействовать в вопросах глобальной безопасности. Кроме того, связи с нами добавляют России престижа. Все эти реалии дают хорошие возможности, но мы должны суметь привести в соответствие наши миссионерские представления о стратегических целях. Иран, мирный процесс на Ближнем Востоке, глобальный подход к нераспространению оружия массового уничтожения — вот эти возможности.

— Что, по мнению России, она может получить благодаря партнерству с США?

— Прежде всего, безопасность. Во-вторых, престиж. В-третьих, экономическое сотрудничество в глобальных вопросах. Россия граничит с Азией, Ближним Востоком и Европой. И там у нее нигде нет естественных союзников. В России не существует традиции завоевывать на свою сторону союзников там, где у нее не было войск. Исторически она связывает свое величие с экспансионистской внешней политикой. Сегодня империалистический аспект российской политики привел к окончанию холодной войны. У русских больше нет средств, чтобы этим заниматься. Для этого нужна новая российская политика, а также определенное время для ее выработки и для привыкания к ней.

— Как оценят историки президентство Путина и его значение?

— Американцам трудно понять русскую психологию. Если взять великих русских реформаторов, таких как Петр I или Екатерина Великая, то они были крайне деспотичны у себя дома, но очень прогрессивны по современным меркам Запада. Екатерина поддерживала тесные взаимоотношения с передовыми философами. Петр год прожил в Европе, а затем постоянно направлял туда посланников. Но что касается внутреннего устройства России, то они считали, что страна должна быть организована таким образом, чтобы возможности общества были максимально сосредоточены на укреплении государства. Если смотреть на Путина в таком контексте, то он считает себя реформатором. Возможно, в истории страны его будут считать знаковой фигурой, но он не демократ.

Как его оценят? Пока рано об этом говорить. Конечно, как значимую личность. Великую? Что ж, посмотрим. Руководитель становится великим, если ему удается создать систему, которая не зависит полностью от одного человека. Пока не ясно, способен ли Путин сделать это.

2007 г.

(По материалам присутствовавшей при этом событии обозревателя «РИА Новости» Н. Асадовой)

В центре Вашингтона в отеле Mayflower отмечал свое 80-летие небезызвестный в России политолог Збигнев Бжезинский. Гости, среди которых были многие ветераны холодной войны, рассуждали о международных проблемах современности. Украшением вечера стал спор о России между виновником торжества и его давним оппонентом Генри Киссинджером.

Свой 80-й день рождения Збигнев Бжезинский решил отметить в форме коллоквиума, посвященного трем темам:

«Холодная война, крушение советской империи и воссоединение Европы», «Стратегическая расстановка сил великих держав в XX веке» и «Америка движется вперед». Живейший интерес многих гостей, большинство из которых были ровесниками юбиляра, вызвала именно первая тема.

— Помню тот вечер, когда Горбачев позвонил и сказал: «Я сижу в Кремле совершенно один. Только что советский флаг был спущен. СССР больше нет». Это был один из самых волнительных моментов в моей жизни. Холодная война закончилась, — делился воспоминаниями генерал Брент Скоукрофт, который был помощником президента по вопросам национальной безопасности в администрациях Джеральда Форда и Джорджа Буша-старшего.

Но вскоре мирные воспоминания ветеранов холодной войны переросли в горячий спор о том, какой же фактор сыграл ведущую роль в развале СССР. Брент Скоукрофт утверждал, что у Михаила Горбачева был выбор: он мог развалить СССР или трансформировать его, сохранив коммунистическую идеологию.

— Горбачев искренне верил, что может трансформировать СССР, — уверял генерал Скоукрофт. — Но здесь главную роль сыграл Ельцин. Он считал, что может избавиться от Горбачева и занять место лидера только в результате развала СССР.

— У Горбачева не было выхода. Националистические настроения в Грузии, Казахстане и других советских республиках были настолько сильны, что Горбачеву не удалось бы их удержать в составе СССР, — спорил с ним генерал-лейтенант Уильям Одом, возглавлявший Агентство национальной безопасности в годы правления Джорджа Буша-старшего.

В итоге участники дискуссии пришли к заключению, что СССР развалился благодаря мудрой стратегии американских и европейских лидеров, а решающим фактором победы стала навязанная Вашингтоном СССР гонка вооружений.

Второе и третье отделения коллоквиума стало местом схватки двух тяжеловесов американской внешней политики: Генри Киссинджера и Збигнева Бжезинского. Говорят, что они уже более полувека соревнуются друг с другом. Оба они покинули Европу в результате Второй мировой войны: Киссинджер иммигрировал в США из Германии, Бжезинский — из Польши. Оба закончили факультет международных отношений в Гарварде. Оба занимали высокие посты в администрации США. Генри Киссинджер был советником президента по вопросам национальной безопасности, а затем госсекретарем при Ричарде Никсоне, сохранив этот пост и в администрации Джеральда Форда. Збигнев Бжезинский был советником по национальной безопасности у Джимми Картера. Книги Збигнева Бжезинского «Великая шахматная доска» и Генри Киссинджера «Дипломатия» стали бестселлерами во всем мире.

Правда, несмотря на схожесть биографий, политические взгляды двух тяжеловесов зачастую прямо противоположны. Например, по войне в Ираке. Республиканец Киссинджер поддерживает войну и подчеркивает опасность распространения иранского влияния. Демократ Збигнев Бжезинский, напротив, является одним из главных сторонников прекращения войны и считает, что участие США в конфликтах на Ближнем Востоке «может привести к мировому кризису и подорвать лидерство Америки в мире».

По-разному видят заклятые друзья и отношения с Россией. По словам Генри Киссинджера, хотя российские СМИ продолжают поддерживать менталитет холодной войны, нельзя недооценивать тот диалог между властями России и США по стратегическим направлениям. Господин Киссинджер уделяет особое внимание документу о стратегическом сотрудничестве, подписанному в Сочи президентами Владимиром Путиным и Джорджем Бушем. Этот документ, по мнению экс-госсекретаря, «демонстрирует широкий спектр возможностей для сотрудничества: от вопросов энергетики до нераспространения ядерного оружия, а также участия России в системе коллективной безопасности вместе с США и Европой».

— Это могло бы стать базой взаимоотношений, которая может быть развита следующей администрацией США вне зависимости от того, кто станет президентом, — заявил он.

Кстати, сам Генри Киссинджер, похоже, внес немалый вклад в разработку этого документа. Напомним, что в апреле 2007 года с одобрения Владимира Путина была создана рабочая группа «Россия — США. Взгляд в будущее». С российской стороны ее возглавляет Евгений Примаков, а с американской — господин Киссинджер. Заседания этой группы обычно проходят накануне ключевых российско-американских встреч вроде личных саммитов двух президентов или визитов в Москву госсекретаря США Кондолизы Райс и главы Пентагона Роберта Гейтса.

Конструктивность недавней сочинской встречи двух президентов не отрицает и Збигнев Бжезинский. Однако господин Бжезинский, являющийся советником по внешней политике в штабе кандидата в президенты США Барака Обамы, исповедует более жесткий подход к России. По его словам, «если Россия хочет достичь экономического успеха и обеспечить свою безопасность, у нее нет другого выбора, кроме как двигаться в сторону Запада».

— Мы должны создать политические условия для движения России в сторону Запада, — сказал господин Бжезинский. — Например, если Украина будет частью Запада, частью ЕС, вероятность того, что Россия ускорит свое сближение с Западом, возрастет. Если же Украину исключат из процесса европейской интеграции, в России усилятся имперские настроения. Снова возобладает идея, что Украина, Грузия, Центральная Азия должны быть российской зоной влияния.

Советник Барака Обамы не хотел бы, чтобы лидеры США создавали бы иллюзию личной дружбы с российскими лидерами:

— В то же время мы должны быть очень уважительны с российскими лидерами. Поэтому с новым президентом Медведевым, который был, по сути, назначен на эту должность, я бы общался так, как будто он был действительно избран.

К этому моменту юбиляр говорил уже 45 минут. Неожиданно Генри Киссинджер, который отпразднует в этом году свой 85-летний юбилей, встал прямо посредине речи своего давнего соперника и демонстративно направился к выходу.

— Постой, Генри, ты же уходишь не из-за того, что я говорю? — прервал свое выступление господин Бжезинский.

— Я ждал такого момента 30 лет, — ответил Генри Киссинджер с немецким акцентом и направился к двери.

2008 г.

(Из статьи Г. Киссинджера, распространенной Tribune Media Services)

Инаугурацию Дмитрия Медведева и его вступление на посту президента Российской Федерации логично оценивать как продолжение двух сроков президента Владимира Путина, господства одной и той же кремлевской элиты, а также проведения агрессивной внешней политики.

Я убежден, что подобная оценка является упрощенной и преждевременной.

С одной стороны, структура власти в Москве является намного более сложной, чем принято считать на Западе. Это всегда казалось достаточно странным, почему при основной задаче — удержать власть — Путин на пике популярности, которая позволила бы ему внести поправки в конституцию, чтобы продлить срок своего пребывания на посту президента России, выбрал сложный и извилистый пусть пересесть в кресло премьер-министра.

У меня сложилось впечатление, что в российской политике настал новый этап и изменения уже идут полным ходом. Переезд Путина из Кремля в здание российского правительства в этом смысле символичен. Медведев заявил, что он собирается возглавить Совет Национальной Безопасности как гарант российской конституции. Он заявил также о том, что его действия способствуют укреплению имиджа российской внешней политики. Утверждение, что президент разрабатывает внешнюю политику и политику безопасности, а премьер-министр ее реализует, стало мантрой российских чиновников от Медведева и Путина вниз. Я не столкнулся ни с одним из российских политиков или правительственных чиновников, кто бы сомневался, что происходит перераспределение власти. Все они в этом были полностью уверены.

Путин остался мощным и весьма влиятельным лидером. Он рассматривается большинством россиян как лидер, который преодолел унижение и хаос 1990-х годов, когда русское государство, его экономика и идеология рухнули после распада Советской империи. Восстановление экономики России зависело в тот момент от иностранной помощи, а внешняя политика России была пассивной.

Вполне вероятно, что Путин присвоил себе право следить за действиями своего преемника; вполне возможно, что он держит открытой возможность стать кандидатом на будущих президентских выборах.

Каким бы ни был конечный результат, русские выборы знаменует собой переход от фазы консолидации к периоду модернизации. Добровольная уступка власти правителем, который не был обязан это сделать, послужило беспрецедентным событием в истории России. Растущая сложность российской экономики породила необходимость в строгом регулировании правовых процессов и четких правовых процедурах, что уже и предзнаменовало появление нового лидера — Дмитрия Медведева. Работа российского правительства — по крайней мере первоначально — с двумя центрами власти может в перспективе эволюционировать в систему сдержек и противовесов, аналогов которой до сих пор не существовало.

Эволюция российской формы правления в демократическую отнюдь не предопределена, разумеется, и мотив для подобной эволюции никак не связан с нашими теоретическими представлениями о природе демократии. Но и на Западе не было

предпосылок для эволюции демократии. В конце концов, Великая хартия вольностей была документом, предназначенным для гарантии прав аристократии, а не большинства людей.

Каковы могут быть последствия для американской внешней политики? В течение нескольких последующих месяцев Россия будет занята выработкой практических средств для разработки и реализации политики национальной безопасности. Администрации Буша и аппарату президента было бы целесообразно дать России некоторую возможность выработать свою концепцию путем ограничения публичных обсуждений.

Что касается долгосрочной перспективы, то после распада Советского Союза в 1991 году череда американских администраций действовали так, как будто создание российской демократии было основной американской задачей. Часто звучали выступления, осуждающие российские действия в разных ситуациях, и демонстрировались жесты времен холодной войны.

Сторонники такой политики утверждают, что трансформация российского общества является предпосылкой для создания более гармоничного международного порядка. Они утверждают, что если нынешняя власть в России находится под международным давлением, то страна постепенно развалится так же, как это случилось с Советским Союзом. Политика диктовать россиянам свою волю и вторгаться в их суверенные дела ошибочна как с точки зрения геополитики, так и с точки зрения морали.

Есть, несомненно, отдельные группы и люди в России, которые смотрят на Америку как на тех, кто поможет им ускорить построение демократии. Но почти все наблюдатели сходятся во мнении, что подавляющее большинство россиян считают, что Америка слишком самонадеянно лезет во внутренние дела России. Такая среда, скорее всего, способствует националистическим настроениям и очень враждебна.

Было бы жаль, если эти настроения сохранятся, потому что во многом мы являемся свидетелями одного из самых перспективных периодов в истории России. Воздействие современных открытых обществ и взаимодействие с ними является более длительным и интенсивным, чем в любой предыдущий период русской истории — даже перед лицом некоторых репрессивных мер. Чем дольше это продолжается, тем большее влияние это окажет на политическую эволюцию России.

Значение нашего общества диктует американская приверженность демократической эволюции. Но темпы ее неизбежно будут русскими. Мы можем повлиять на это лишь спокойным терпением и пониманием темпов исторического процесса, чем попытками обиженного разъединения и каких-то общественных призывов.

Это тем более важно, что геополитические реалии предоставляют необычную возможность для стратегического сотрудничества между бывшими противниками по холодной войне. США и Россия контролируют 90 процентов ядерного оружия в мире. Россия содержит наибольшую часть суши той или иной страны, примыкающей к Европе, Азии и Ближнему Востоку. Прогресс в достижении стабильности относительно ядерного оружия на Ближнем Востоке и в Иране требуется — или в значительной степени способствует — российско-американскому сотрудничеству. Империалистическая внешняя политика царской и советской России была связана со слабостью почти всех стран, примыкающих к границам России. Это позволило России в ходе полутора веков неумолимо продвигаться, почти как естественной силе, от Волги до Эльбы, вдоль берегов Черного моря, на Кавказ и на подходах к Индии. В Азии она проникла до Тихого океана, в Маньчжурию и в Корею. Русский импульс способствовал формированию характера самодержавной власти в Кремле, что позволило царю и советским правителям вести политику без особых ограничений. Безопасность стала синонимом дальнейшего расширения, и внутренняя законность была достигнута в основном за счет демонстраций власти за рубежом.

Эти условия коренным образом изменены. Соседи России преодолели слабость. 2500 миль границы с Китаем является демографической проблемой; к востоку от озера Байкал 6,8 млн. россиян сталкиваются с 120 млн. китайцев в провинции вдоль общей границы. На столь же протяженной границе Россия имеет дело с воинствующим исламизмом, расширяющим зоны своего влияния в южной России. На западе лежит западная граница России, где Россия должна адаптироваться к потере имперской истории, ведь за западной границей лежат территории, связанные с Россией в течение сотен лет. Но русская стратегическая инициатива была ограничена возникающими реалиями, в том числе новыми членами НАТО — бывшими странами Варшавского договора.

Хотя население России переживает всплеск национальной гордости, ее лидеры понимают риск изменения нового международного порядка традиционными методами России. Они знают, что значительное большинство мусульманского населения России (около 25 млн. человек) весьма нелояльно к государству. Система здравоохранения нуждается в капитальном ремонте; инфраструктура должна быть восстановлена. Впервые в истории Россия обязана сосредоточиться на осуществлении своих внутренних реформ.

Несмотря на направленную конфронтацию риторики, на издевательский стиль, который разработан в империалистический период, российские лидеры осознают ограничения своих стратегических возможностей. В самом деле, я бы охарактеризовал российскую политику при Путине как поиск надежного стратегического партнера, и Америка является весьма предпочтительным выбором. Русская обеспокоенная риторика в последние годы отражает, в частности, изменение кажущейся нам непроницаемости российской внешней политики. Президенты двух стран создали конструктивные отношения, но так и не смогли преодолеть институциональные привычки, сформированные во времена холодной войны. С российской стороны выборы в Государственную думу и выборы президента дали российским лидерам возможность апеллировать к националистическим чувствам после воспринимаемого россиянами десятилетия национального унижения.

Этот отход от диалога не влияет на основополагающую реальность. Три вопроса доминируют в политической повестке дня:

безопасность, Иран и отношение России к своим прежним иждивенцам, особенно к Украине.

Из-за своего ядерного перевеса Россия и Америка имеют специальное обязательство принимать на себя инициативу в глобальных ядерных вопросах, таких как распространение ядерного оружия. Там были конструктивные предложения, такие как повышение прозрачности в вопросе ядерной безопасности и связывание антибаллистических систем противоракетной обороны двух стран, отмечается в коммюнике президентов Буша и Путина в Сочи в апреле этого года. Но до сих пор не выработано совместное соглашение.

Следует разрешить четыре вопроса в отношении ядерного оружия. Сумеют ли Россия и США прийти к консенсусу в отношении разработки Ираном ядерного вооружения? Согласны ли они с иранской ядерной программой? Согласны ли они предотвратить опасность и встать на путь дипломатии? Согласованы ли меры, которые следует предпринять в случае провала переговоров?

У меня сложилось впечатление, что по двум первым вопросам США и России удалось в значительной мере прийти к консенсусу. Что касается остальных вопросов, обе стороны должны иметь в виду, что крайне сложно будет преодолеть проблему путем двусторонних переговоров. Вопрос отношений с Украиной является одним из самых сложных и щепетильных в международной политике. США с учетом урока холодной войны и с их традиционными универсальными представлениями видят в проблеме Украины потенциальную угрозу войны и ищут пути ее преодоления. Для России этот вопрос является прежде всего одним из болезненных потрясений. России приходится мириться с новой действительностью. Подлинная независимость Украины необходима для мирного существования международной системы и должна быть однозначно поддержана США. Создание тесных политических связей между Европейским Союзом и Украиной, в том числе членство в Европейском Союзе, имеет важное значение. Но движение западной системы безопасности от реки Эльбы до подступов к Москве приводит к эмоциональной негативной реакции российского руководства, которая и будет определять решение всех других вопросов. Следует не форсировать события и спокойно решать проблему за столом переговоров, чтобы определить возможность достижения прогресса по другим вопросам.

Сочинская декларация президентов Буша и Путина, принятая в апреле этого года, содержит «дорожную карту» для развития стратегического диалога между двумя странами. Воплотить ее в жизнь — задача для новых администраций как в Москве, так и в Вашингтоне.

2008 г.

(Из интервью Г. Киссинджера для The Christian Science Monitor) Генри Киссинджер:…Новый договор по СНВ стал существенным шагом к перезагрузке российско-американских отношений, несмотря на то что сами сокращения, в сущности, незначительны и частично достигнуты за счет изменения правил учета…

Обнародованную Обамой ядерную доктрину я оцениваю положительно, но некоторые гарантии безъядерным странам слишком откровенны. Что касается больного вопроса о противоракетной обороне, я рекомендовал бы США сообща с Россией выстраивать ПРО на иранском направлении, а от других стратегических угроз, таких как несанкционированные и случайные старты, обороняться самостоятельно…

В отношении США и Китая, только начинающего оправляться от культурной революции, я полагаю, что для обеих сторон сегодня важно сотрудничать с прицелом на долгосрочную перспективу, для чего будущим поколениям предстоит добиться гармонии между присущими США и Китаю видениями мира. Эта задача является крупной неразрешенной проблемой сегодняшней геополитики… Китай осознает опасность распространения ядерного оружия, однако поддержит ли эта страна предлагаемые Вашингтоном санкции против Ирана, не известно…

Что касается БРИК, то здесь напрашивается сравнение с Движением неприсоединения — с той разницей, что Китай, Россия и Бразилия на самом деле больше не являются развивающимися странами и им не создать сплоченный блок без участия Америки, тем более ориентированный на противостояние с ней. Я удивлюсь, если им удастся прийти к консолидированной политической позиции на международной арене. В любом случае наиболее перспективным было бы сотрудничество стран БРИК с США, а не конфронтация.

2009 г.

(Из статьи Г. Киссинджера для Harvard Magazine)

…Россия — это страна, которая большую часть своей истории определяла себя своей имперской деятельностью. Это не Китай, который верил, что его культура настолько уникальна, что она может служить примером всему миру. Россия расширялась во всех направлениях. Сейчас Россия находится в положении, обратно противоположном всей ее истории.

У нее 3000-мильная граница с Китаем, что является стратегическим кошмаром — с 30 млн. русских по одну ее сторону и миллиардом китайцев с другой. У нее 2000-мильная граница с мусульманским миром, что является идеологическим кошмаром… И граница с Европой, которая является историческим кошмаром, последствием 300 лет российского империализма…

Это страна, чья демография находится на спаде. Ее демографический баланс — один из наименее благоприятных [в мире].

…Путин создал средний класс, который будет защищать себя. Я не думаю, что мы можем значительно влиять на внутреннюю политику России.

2012 г.

(Из интервью Г. Киссинджера The Daily Squib)

Генри Киссинджер: Соединенные Штаты минимизируют Китай и Россию, и последним гвоздем в их гроб будет Иран, который, конечно же, главная цель Израиля. Мы позволили Китаю увеличить свою военную мощь, дали России время, чтобы оправиться от советизации, дали им ложное чувство превосходства, но все это вместе быстрее приведет их к гибели. Мы, как отличный стрелок, не нуждаемся в выборе оружия, подобно новичкам, и, когда они попытаются, мы сделаем «банг-банг». Грядущая война будет настолько серьезной, что только одна сверхдержава может выиграть, и это будем мы. Вот почему ЕС так торопились, чтобы сформировать свою сверхдержаву, потому что они знают, что грядет, и, чтобы выжить, Европе придется быть единым целым сплоченного государства. Эта безотлагательность говорит мне, что они хорошо знают, чего ждать от нас. О, как я мечтал об этом восхитительном моменте!

Контролируя нефть, вы контролируете нации; контролируя пищу, вы контролируете народы.

Если вы обычный человек, то вы можете подготовиться к войне, переехав в сельскую местность, но вы должны взять оружие с собой, так как повсюду будут бродить орды голодных. Хотя элита будет иметь собственные убежища и приюты для специалистов, они должны быть столь же осторожными во время войны, как рядовые граждане, так как их убежища тоже будут под угрозой.

Мы говорили нашим военным, что нам придется взять на себя семь ближневосточных стран из-за ресурсов, и они практически завершили свою работу. Вы знаете, какого я мнения о наших военных, но я должен сказать, что они выполняли приказы излишне рьяно этот раз. Это всего лишь последняя ступенька, так как Иран действительно нарушает баланс. Как долго Китай и Россия будут стоять и смотреть, как Америка убирает их? Великий русский медведь и Китайский дракон будут вынуждены пробудиться от спячки, и в это время Израиль должен будет бороться изо всех сил, чтобы убить как можно больше арабов — столько, сколько он сможет. Надеюсь, если все пойдет хорошо, половина Ближнего Востока станет израильской. Наша молодежь обучалась за последнее десятилетие или около того в компьютерных играх, это интересно видеть по новым играм Call of Duty и Warfare 3, которые отражают именно то, что грядет в ближайшем будущем с его интеллектуальным программированием. Молодые люди в США и на Западе готовы, потому что они были запрограммированы, быть хорошими солдатами, пушечным мясом, и, когда им прикажут выйти на улицы и бороться с сумасшедшими китайцами и русскими, они будут подчиняться приказам. Из пепла мы будем строить новое общество, и в нем останется только одна сверхдержава, и это будет глобальное правительство, которое выигрывает. Не забывайте, что Соединенные Штаты имеют лучшее оружие, которого не имеет никакой другой народ, и мы покажем это оружие миру, когда придет нужное время.

2012 г.

Украинский кризис и Путин

(Из интервью Г. Киссинджера для агентства CNN, ведущий Ф. Закария, 3.02.2014) ФАРИД ЗАКАРИЯ:…По вашему мнению, события на Украине будут представлять для России особый интерес и станут для нее крайне щепетильным вопросом. Объясните, почему Украина так важна для России и ее чувства собственной безопасности.

ГЕНРИ КИССИНДЖЕР: Начнем с того, что образование сегодняшней России началось с Киева.

ФАРИД ЗАКАРИЯ: С Киева, столицы Украины?

ГЕНРИ КИССИНДЖЕР: И Киев когда-то назывался Киевской Русью. Так что политическое и, более того, религиозное развитие России началось в Киеве. Затем произошел раскол, однако с начала… с конца XVII века — начала XVIII века Украина входила в состав России. И я не знаю ни одного россиянина — неважно, диссидент он или занимает проправительственные позиции, — который бы не считал Украину по крайней мере важнейшей частью российской истории. Поэтому русские не могут безразлично относиться к будущему Украины.

Я однозначно за независимую Украину и однозначно за Украину, имеющую органичные отношения с Европой. Однако, чтобы понять российскую позицию, следует взглянуть на историю.

ФАРИД ЗАКАРИЯ: Глядя на то, что происходит на Украине, как вы можете охарактеризовать ситуацию? При просмотре телевидения складывается впечатление, что силы, желающие свободы, демократии и отношений — органичных отношений — с Западом, борются с пророссийски настроенным президентом. Так и есть?

ГЕНРИ КИССИНДЖЕР: Это не мое впечатление. По сути, в стране раскол. Восточная часть — православная и тяготеющая к России. Западная часть — чем дальше, тем в большей мере — католическая и прозападная. Так что, думаю, мнения разделены примерно поровну. Что же касается противоборствующих сторон на Украине, по моим впечатлениям, в каждой есть и демократические, и олигархические элементы. И я не считаю нынешнего президента неизбежно пророссийским.

ФАРИД ЗАКАРИЯ: Вы хорошо знаете Путина. Вы встречались с ним больше, чем любой американец. Как по-вашему, он наблюдает за событиями на Украине и думает, что все это дело рук Запада и США, которые задумали окружить Россию?

ГЕНРИ КИССИНДЖЕР: Думаю, он видит в этом генеральную репетицию того, что мы хотели бы сделать в Москве.

ФАРИД ЗАКАРИЯ: Смены режима.

ГЕНРИ КИССИНДЖЕР: Смены режима. И оттого, что все это происходит так близко к сочинским Играм, его подозрения лишь усугубляются. Но ведь Путин считает распад Советского Союза большой исторической катастрофой. Очевидно, что крупнейшая республика, получившая независимость, это Украина с ее 50-миллионным населением. И он не может относиться к этому безразлично.

ФАРИД ЗАКАРИЯ: Как вы считаете, администрация Обамы ведет себя правильно?

ГЕНРИ КИССИНДЖЕР: Администрация Обамы склонна делать публичные заявления о драматических событиях, как если бы все можно было решить на воскресном ток-шоу. Не то чтобы я не согласен с курсом администрации, но я не считаю необходимым делать это так публично. И нужно лучше представлять себе долгосрочное историческое развитие.

ФАРИД ЗАКАРИЯ: И вас больше всего беспокоит, что это может глубоко обидеть Россию и усложнить наше сотрудничество с ними по Сирии, Ирану или другим вопросам?

ГЕНРИ КИССИНДЖЕР: Построение отношений между Россией и остальным миром, между Россией и нами — это огромная проблема. Россия на протяжении всей своей истории была империей, и ее самосознание зиждется на имперских достижениях. Они граничат с Китаем — это стратегический кошмар. Они граничат с исламом — это идеологический кошмар. И у них есть граница с Европой, исторически весьма шаткая.

С другой стороны, российские правители на протяжении всей истории правили, создавая впечатление собственной важности за границей. Так как же сплотить страну, показывая себя грозным за границей, при этом понимая, что возможны — и необходимы — большие компромиссы? Думаю, это главная трудность, с которой сталкивается Путин. И не в наших интересах доводить их до состояния «осажденной крепости», когда они решат, что им нужно показать, на что они способны.

ФАРИД ЗАКАРИЯ: Генри Киссинджер, с вами было приятно побеседовать.

(Из интервью Г. Киссинджера для агентства CNN, ведущий Ф. Закария. 11.05.2014)

ГЕНРИ КИССИНДЖЕР:…Надо задать себе следующий вопрос. Он потратил 60 миллиардов долларов на Олимпиаду, у них были церемонии закрытия и открытия, в которых Россия должна была предстать как нормальное, прогрессивное государство. Поэтому невозможно, чтобы он — три дня спустя — по собственному желанию напал на Украину. Нет никаких сомнений…

ФАРИД ЗАКАРИЯ: Объясните. По-вашему, это не было запланировано? Вы полагаете, что он реагировал на события, которые,

по его мнению, выходили из-под его контроля?

ГЕНРИ КИССИНДЖЕР: Да. Я думаю, он всегда хотел видеть Украину в подчиненном положении. И всегда каждый влиятельный россиянин, которого я встречал, в том числе диссиденты, такие как Солженицын и Бродский, рассматривали Украину как часть российского наследия.

Но я не думаю, что он планировал форсировать события сейчас. Я полагаю, он планировал постепенное развитие событий. А это — своего рода реакция на то, что он посчитал чрезвычайной ситуацией.

Конечно, объяснить причины его поступка — это не значит одобрить аннексию части другого государства и пересечение границы. Но я думаю, что мы должны сначала решить украинскую проблему, а потом обсуждать отношения с Россией.

(Из интервью Г. Киссинджера по телевидению Чарли Роуз, 23.02.2014) …Ни один русский из тех, что я когда-либо встречал, не может легко рассматривать Украину как совершенно отдельное государство. Она была частью России на протяжении 300 лет. История России и Украины была переплетена в течение нескольких сотен лет до этого. Так, эволюция Украины является вопросом, который движет всех россиян…

Президент России Владимир Путин не собирается усугублять серьезную потерю престижа в связи с кризисом на Украине, независимо от того, как это получится. До сих пор Путин делал то, что он вынужден был делать. Но теперь, когда он сказал, что нет никаких русских солдат в Крыму, он не должен издавать особый приказ для русских солдат о выводе войск. Вместо этого он может просто позволить им раствориться среди населения. Хотя Путин потеряет определенный престиж после этого, однако это будет не так плохо, как при других сценариях.

(Из интервью Г. Киссинджера для The Washington Post, 06.03.2014)

Все публичные дискуссии об Украине сегодня — это сплошная конфронтация. Но знаем ли мы, куда идем? За свою жизнь я видел четыре войны, которые начинались с огромным энтузиазмом и народной поддержкой и которые мы потом не знали, как закончить, выйдя из трех таких войн в одностороннем порядке. Испытание для политика не в том, как она начинается, а как она заканчивается.

Слишком часто украинский вопрос изображается как решающее сражение: пойдет Украина на запад или на восток. Но если Украина хочет выжить и процветать, она не должна превращаться в форпост одной стороны против другой. Она должна стать мостом между ними.

Россия должна признать, что попытки превратить Украину в государство-сателлит и за счет этого снова передвинуть российские границы обрекают ее на повторение самосбывающегося цикла взаимных мер давления в отношениях с Европой и США.

Запад должен понять, что для России Украина никогда не станет обычным иностранным государством. Российская история началась с Киевской Руси. Оттуда пришло русское православие. Украина входила в состав России на протяжении столетий, но и до этого их история была тесно переплетена. Самые важные сражения за свободу России, начиная с Полтавской битвы 1709 года, происходили на украинской земле. Черноморский флот, посредством которого Россия проецирует силу в Средиземноморье, базируется на основе соглашения о долгосрочной аренде в крымском городе Севастополе. Даже такие прославленные диссиденты, как Александр Солженицын и Иосиф Бродский, настаивали на том, что Украина — это неотъемлемая часть российской истории, да и самой России тоже.

Европейский Союз должен признать, что медлительность его бюрократии и подчинение стратегического элемента внутренней политике на переговорах об отношениях Украины с Европой привели к тому, что переговорный процесс превратился в кризис. Внешняя политика — это искусство расставления приоритетов.

Решающий элемент — это сами украинцы. Они живут в стране со сложной историей и многоязычным составом. Западная часть Украины была присоединена к Советскому Союзу в 1939 году, когда Сталин и Гитлер делили трофеи. Крым, на 60 процентов состоящий из русских, вошел в состав Украины только в 1954 году, когда украинец по происхождению Никита Хрущев наградил эту республику в честь 300-летней годовщины договора России с казаками. Запад страны — это в основном католики; восток в подавляющем большинстве исповедует русское православие. Запад говорит на украинском; восток говорит в основном по-русски. Любая попытка одной части Украины доминировать над другой, что превратилось в закономерность, со временем приведет к гражданской войне или к расколу страны. Если рассматривать Украину как составляющую конфронтации между Востоком и Западом, то любые перспективы создания международной системы сотрудничества в составе России и Запада — и в особенности России и Европы — будут разрушены на десятилетия.

Украина независима всего 23 года. До этого она с XIV века находилась под чьей-то, но всегда зарубежной властью. Неудивительно, что ее лидеры не научились искусству компромиссов и еще в меньшей степени освоили навыки видения исторической перспективы. Политика Украины после обретения независимости отчетливо показывает, что корень проблемы заключается в попытках украинских политиков навязать свою волю непокорной и упорствующей части страны. Сначала это делает одна фракция, а затем — другая. В этом суть конфликта между Виктором Януковичем и его главной политической соперницей Юлией Тимошенко. Они представляют два крыла Украины и не желают делиться властью. Мудрая политика США в отношении Украины должна включать поиск возможностей для сотрудничества двух частей страны. Мы должны стремиться к примирению фракций, а не к доминированию одной из них.

Но Россия и Запад, а главное — все многочисленные украинские фракции — не следуют этому принципу. Каждая из сторон лишь усугубляет ситуацию. Россия не сможет навязать военное решение без самоизоляции, и произойдет это тогда, когда ее протяженные границы находятся в ненадежном состоянии. Для Запада демонизация Владимира Путина — это не политика; это оправдание отсутствия таковой.

Путин должен прийти к пониманию того, что, несмотря на все его недовольства и жалобы, политика военного давления приведет лишь к началу новой холодной войны. Соединенным Штатам, со своей стороны, не следует обращаться с Россией как со сбившейся с правильного пути страной, которую нужно терпеливо учить правилам поведения, установленным Вашингтоном. Путин — серьезный стратег на поле российской истории. Понимание американских ценностей и психологии не является его сильной чертой. А понимание российской истории и психологии никогда не было сильной чертой американских политических лидеров.

Руководители со всех сторон должны вернуться к анализу результатов и последствий, вместо того чтобы состязаться в позировании. Вот мои представления об исходе, соответствующем ценностям и интересам безопасности всех сторон:

1. Украина должна иметь право свободно выбирать свои экономические и политические связи, в том числе с Европой.

2. Украина не должна вступать в НАТО. Этой позиции я придерживался еще семь лет назад, когда впервые возник этот вопрос.

3. Украина должна иметь все возможности для создания правительства, соответствующего выраженной воле ее народа. Мудрые украинские лидеры в таком случае отдадут предпочтение политике примирения разных частей страны. В международном плане они должны проводить политику, сопоставимую с политикой Финляндии. Эта страна не оставляет никаких сомнений в своей полной независимости и сотрудничает с Западом в большинстве областей, но в то же время тщательно избегает политической враждебности по отношению к России.

4. По правилам существующего мирового порядка недопустимо, чтобы Россия аннексировала Крым. Но отношения Крыма с Украиной можно сделать более спокойными. В этих целях Россия должна признать суверенитет Украины над Крымом. Украина должна расширить крымскую автономию на выборах в присутствии зарубежных наблюдателей. Этот процесс должен включать устранение любых недомолвок и неопределенности относительно статуса Черноморского флота в Севастополе.

Это принципы, а не предписания. Знакомые с этим регионом люди знают, что некоторые из них придутся не по нраву той или иной стороне. Но сейчас важнее не абсолютная удовлетворенность, а сбалансированная неудовлетворенность. Если не будет найдено какое-то решение на основе этих или аналогичных элементов, то сползание к конфронтации ускорится.

Время для принятия такого решения наступит довольно скоро.

(Из интервью Г. Киссинджера украинским СМИ. По материалам агентства polemika.com.ua, 25.06.2014)

Генри Киссинджер: Я всегда был адвокатом независимой Украины, но при этом я всегда откровенно выступал против членства Украины в НАТО. Украине необходимо стать членом Европейского Союза и сохранить хорошие отношения с Россией. Однако США и ЕС необходимо помнить о стратегической важности Украины…

Я поражен красотой и духовной силой Украины. Я по-новому взглянул на Украину как на страну, которая, несмотря на все войны и бедствия, сохранила себя и свою высокую культуру.

Страна с такой большой историей заслуживает большого будущего.